
АНДРЕЙ
ЛИВАДНЫЙ
Опоздавшие
к
СТАРТУ

Annotation

Земля после Вспышки. Какой она будет? Какие испытания предстоят грядущим поколениям, как повлияет появление и развитие различных систем искусственного интеллекта на судьбы отдельных людей и цивилизации в целом.

Андрей Ливадный Опоздавшие к старту (Вспышка — 2)

Пролог

Земля. Мегаполис Москва

Совершенно секретно.

Верховному главнокомандующему, президенту Российской Федерации Маркову Андрею Игнатьевичу.

Довожу до Вашего сведения что сегодня, 2 августа 2077 года получен шифрованный сигнал из системы Проксимы Центавра (Новая Земля).

Колониальный транспорт «Россия» с пятью миллионами поселенцев на борту вышел на орбиту Новой Земли. Девяносто девять и семь десятых процента криогенно-биореструктивных модулей успешно завершили заданные программы, на борту колониального транспорта введен график пробуждения групп колонистов.

По данным орбитального сканирования, на планете наблюдается запланированная инфраструктура поселений, возведенная механизмами с борта технического транспорта «Первопроходец». Установлен контакт с Антоном и Элизабет Извaловыми. Они сообщили, что все работы произведены согласно установленного плана, и планета готова принять поселенцев.

Тестирование рассудков колонистов после операций биореструктивного восстановления и перемещения сознания с искусственных носителей на биологические, показало полную адекватность личностей. Все контрольные операции проводилось на виртуальных мощностях «России».

Таким образом, считаю, что, согласно полученной информации, перелет осуществлен успешно.

Командующий Военно-Космическими силами Российской Федерации адмирал Дягилев.

* * *

Президент России Андрей Игнатьевич Марков назначил совещание Совета Безопасности на одиннадцать утра.

Сейчас он находился один в гулкой тиши огромного кабинета.

На его столе лежало донесение, полученное из центра космической связи. Каждая буква текста вызывала трепетное чувство *победы* над пространством и временем: думалось ли ему двадцатилетнему выпускнику

Академии Астронавтики, что старт колониального транспорта «Россия», на борту которого покинули Землю пять миллионов добровольцев, прошедших жесточайший конкурсный отбор, завершится в годы его президентского правления?

Конечно, тогда и не мечталось стать президентом, но вот так сложилась жизнь.

Значит, все расчеты оказались полностью верны, сложнейшая аппаратура колониального транспорта не подвела, и скупые строки отчета, отпечатанные на обычном листе пластбумаги, дают ему право открыть миллионам сограждан путь к звездам, к новой жизни, о которой уже не грезилось…

Сегодня. Сегодня ему предстоит принять историческое решение, но прежде стоило вспомнить, сколько сил, жизней отдано его подготовке…

Странно, но думалось не об этом. Андрей Игнатьевич стоял у окна, глядя на безобразно разросшийся мегаполис, на кажущийся темной каплей купол из сверхпрочного стекла, под которым от разрушающего влияния окружающей среды спрятан архитектурный ансамбль Кремля, на редкие полоски нездоровой зелени, что приютились на специальных выступах сверхнебоскребов…

Старушка-Земля…

Как же мы обошлись с тобой за полтора века техногенного развития?

Нет, мы тебя не бросим, не побежим от сделанного нашими же руками. Ты очнешься, вновь помолодеешь, я обещаю тебе…

* * *

Мысли президента были прерваны негромким, отчетливым докладом электронного секретаря:

— К вам члены Совета Безопасности.

— Впусти.

Мегаполис Центр-7

— Они отобрали у нас все! — Матвей Иванович вышел из машины, хотел захлопнуть водительскую дверцу, но сервомоторы не дали. Глянцевито-серая со змеящимся бликом створка с тихим шелестом начала самостоятельно и плавно смещаться, пока не раздался характерный звук сработавшего уплотнителя герметизации салона.

— Не понимаю, что вас так расстроило, господин Глатышев? — Менеджер по продажам присел рядышком, не побоявшись зазеленить свой костюм. — Машина великолепная, полный автомат…

— В том и дело, что полный автомат. — Хмуро отозвался Матвей Иванович, искоса поглядывая на шикарное авто. — Идиотизм! — С внезапной яростью выдохнул он. — Тебя как зовут? — Спросил Глатышев, не обращая внимания на персонофикатор, прикрепленный к нагрудному карману сотрудника автосалона.

— Игорь. — Машинально отозвался тот. — Я, конечно, понимаю вас, но поймите и вы: при современной интенсивности движения человеческий фактор на дорогах стал фактором неоправданного риска…

Матвей Иванович слушал его, понимая, что эмоции уже перехлестнули через край, и ничем хорошим посещение автосалона не завершится. Себя-то он знал.

— Извините. — Растрачивая последние крохи сдержанности, произнес он. — Машина действительно хорошая. Я подумаю и… зайду позже.

Не оглядываясь, он пошел к выходу с территории частного автодрома. Драйв-тест окончательно вывел его из себя, а еще утром казалось, что неприятности позади.

«Они отняли у меня небо. Теперь отнимают остальное. Медленно, незаметно, исподволь, под благовидными предлогами, против которых и возражать-то нечем».

Он хорошо помнил массовую пиар-компанию 2050 года. Развитие наземного, надводного и воздушного транспорта закономерно привело к созданию Глобальной системы связи и навигации. Потребовалась модернизация уже существующих навигационных спутников. Новая система, созданная на основе ГЛОНАС, позволяла не только оперативно и точно определять местоположение наземных объектов, но и производить радиолокацию и космическую съемку поверхности Земли, централизованно координировать движение всех автономных киберсистем и осуществлять радиосвязь между ними.

Конечно, преподносилось все умно и любые возражения отдельных пилотов на фоне удручающей статистики авиакатастроф, причиной которых официальные комиссии раз за разом называли все тот же «человеческий фактор», выглядели едва ли не кощунственно по отношению к многочисленным жертвам. Но он-то знал, — проблему упростили, до полнейшего безобразия.

Мы сами роем яму, в которую упадем. Сегодня мы отдали компьютерам небо, чуть раньше — космос, контроль дорожного движения средства связи, а что в итоге остается человеку?

Бывший полковник ВКС России Матвей Иванович Глатышев,

пятидесяти пяти лет от роду, десять из них пилотировал аэрокосмический истребитель седьмого поколения, затем, когда на смену человеку полностью пришел бортовой компьютер, перевелся в гражданскую авиацию, но и там успел полетать столько же, — пилотов на гражданских авиалиниях вытеснила все та же система НаКС.[1]

Для человека непосвященного все выглядело логично. Резкое увеличение авиакатастроф действительно являлось проблемой, которую нужно было решать, но Матвей Иванович знал всю кухню изнутри и лучше других осознавал: у него отняли небо. Отняли за деньги.

Что пилоты, что техники прекрасно понимали: существуют надежные полуавтоматические системы, которые при элементарном дублировании обеспечивают практически стопроцентную безопасность полетов, не подменяя при этом человека, а лишь помогая ему. Стоимость подобных бортовых подсистем не превышала одной трети от стоимости самого авиалайнера. Другое дело НаКС. Кибернетический мозг, с модулями искусственного интеллекта, полностью заменяющий весь экипаж, при установке на два-три авиалайнера превращал небольшие авиакомпании в банкротов, а крупные в должников.

Не в деньгах дело… Катастрофы прекратились, но Матвей Иванович знал — кровью погибших людей и памятью оболганных пилотов транснациональная корпорация «Инфолайн» обеспечила своему детищу рынок сбыта. В своих мыслях Глатышев не был голословен. Сам являлся свидетелем случаев внезапного отказа проверенных и надежных полуавтоматических систем пилотирования: дважды он находился на тонкой грани между жизнью и смертью, и дважды человеческий фактор в лице капитана Глатышева и его экипажа доказал свою состоятельность, успешно завершив оба рейса на ручном управлении.

По внезапным отказам оборудования он писал рапорты, но делу так и не был дан ход. Тогда Матвей Иванович провел собственное расследование, вскрыв ужаснувшие его факты: в обоих случаях отказ оборудования был вызван не поломками подсистем, а их принудительным отключением командой со спутников.

Конечно, Матвей Иванович испытал сильнейший шок, но рассказывать никому ничего не стал, однако с той поры исподволь расспрашивал пилотов и техников, собирал то и дело мелькавшие в глобальной сети интернет свидетельства пилотов иностранных компаний, и все сходилось один к одному, вот только доказать он ничего не мог.

Система «Аэрокиборг» прочно заняла свое место на борту девяноста

девяти процентов авиалайнеров. Миллиарды, истраченные во имя безопасности и устранения риска воздействия человеческого фактора, легли на банковские счета корпорации «Инфолайн», а он, как десятки тысяч других пилотов, был отправлен на пенсию.

Однако он был упрям — снова вернулся в ВКС, пилотом-испытателем, но проект «Витязь», который он возглавлял, вскоре закрыли, с сухой и серой формулировкой: «за отсутствием перспективы развития».

…И вот, одним солнечным мартовским утром, он понял: от него отняли право водить собственный автомобиль.

Матвей Иванович покинул автосалон в состоянии тихого бешенства.

Пытаясь обуздать скверное настроение, он попробовал мыслить теми самыми пресловутыми категориями безопасности, и опять в который раз пришел к выводу, — не нужен тотальный контроль, достаточно нескольких грамотно разработанных аварийных подсистем, чтобы автомобиль стал безопасным средством передвижения.

Он хотел бы, да не мог отделаться от ощущения, что у него уже отняли право быть человеком.

Куда ни посмотри, к какой сфере деятельности не обратись — везде его жизнь зависела от кибернетических систем и механизмов. Он еще мог самостоятельно передвигаться, подносить ложку ко рту, но, наверное, уже не более того. Весь мир сидел на «игле» информационных технологий, и исчезни вдруг все, — все машины, компьютерные сети, — цивилизация попросту рухнет. Воцарится хаос. Люди уже не смогут выкарабкаться самостоятельно. Кто из них сумеет поднять в воздух самолет? Кто сможет управлять автомобилем без автопилота?

Было горько, надрывно думать об этом, но тем теплым мартовским утром он с полной ясностью осознал, что становится бесполезным придатком стремительно развивающегося на его глазах мира машин.

Мира, в котором от него уже ничего не зависит.

Тогда он и решил для себя — нужно бежать. Слава Богу, просторы родины позволяли, оставались еще глухие леса, где не ступала нога человека или серва — новомодного в ту пору детища высоких технологий.

Так и ушел. Расстался без жалости с комфортным узилищем городской квартиры и подался в самую глухомань, в тайгу, подальше от мегаполисов и сервомеханизмов.

Мегаполис Москва…

Заседание Совбеза завершилось далеко за полночь.

Андрей Игнатьевич смертельно устал, но непосильные моральные

нагрузки в последние годы стали для него нормой бытия.

Слишком близким и отчасти неожиданным оказалось будущее, наступление которого ждали, но, как выяснилось, не были готовы принять его, прежде всего в плане вспышечного развития кибернетики и резкого перехода на новую форму энергоносителей.

Все началось в девяностых годах двадцатого века, когда американский военный кибернетик Герберт Ричардсон изобрел искусственный нейромодуль — тонкую планку, чем-то похожую на древние модули памяти, которая заключала в себе до десяти тысяч искусственных нейронов. Компактность и надежность искусственного нейромодуля позволила строить на его базе сложные архитектуры нейросетей, — засекреченные эксперименты в данной области привели к созданию искусственного мозга.

Позже, в первые годы третьего тысячелетия, в России и США независимо друг от друга ученые пришли к созданию так называемого конвектора вещества, — компактного прибора, превращающего вещество в энергию. Главным элементом конвектора являлись пластины, изготовленные из уникального сплава, полученного при совместном Американо-Российском эксперименте на борту МКС.

Сочетая оба открытия, американские ученые взялись за создание парка боевых и бытовых сервомеханизмов, в то время как Россия использовала открытие нового источника энергии для организации первой межзвездной экспедиции в систему Проксимы Центавра, где была обнаружена пригодная для жизни планета кислородного типа, свободная от разумных или предразумных биологических форм.[2]

Открытия Герберта Ричардсона, не принесли Соединенным Штатам мирового господства, в результате серии неудачных экспериментов по созданию и боевому испытанию сервомеханизмов андроидного типа, (по замыслу военных, они не должны были отличаться от людей, то есть противник не подозревал, что имеет дело с машинами, облеченными в пеноплоть) и загадочному разрушению «города будущего» построенного на территории секретной военной базы «Орлиное Гнездо» технология изготовления нейромодулей стала общедоступна, что привело к взрывообразному развитию робототехники.

Некоторое время на Земле еще сохранялся баланс, как между ведущими мировыми державами, так и между стремительно развивающейся техносферой, и биосферой родной планеты, но к пятидесятым годам третьего тысячелетия стало ясно что тотальная

урбанизация земной поверхности, рост численности населения городов-мегаполисов, накладываясь на бессистемное развитие многих инфраструктур, грозят в ближайшем будущем резким обострением глобальных проблем.

Мысленно употребляя термин «бессистемное развитие инфраструктур» Андрей Игнатьевич подразумевал, что современные мегаполисы выросли на месте исторически существовавших городов, то есть они не планировались «с нуля», и оттого каждый урбанизированный центр страдал одними и теми же проблемами: города задыхались от переизбытка транспорта, зачастую давления новых уровней не выдерживала земля, лежащая в основе городов-гигантов, а уже сложившаяся архитектура мешала переходу на новые источники энергии, создавала проблемы с повседневным жизнеобеспечением.

Для России с ее огромными пространствами, конечно, имелся выход — строить и планировать новые города в стороне от уже существующих, но такое решение привело бы к практически полному уничтожению природных зон, гибели экологии.

Окончательное, радикальное решение продиктовала сама история.

Разразившийся конфликт между Соединенными Штатами Америки и Китайской Народной Демократической Республикой привел к обмену ядерными ударами между этими странами.

Андрей Игнатьевич вспоминал те годы с неизменной, леденящей душу дрожью.

Казалось, что настал тот самый апокалипсис, пришел конец всему живому на Земле, где после людей, возомнившими себя в своих амбициях равными Богу, в назидание останутся лишь скелеты городов, да немногие, пережившие катаклизм планетарного масштаба кибермеханизмы.

Тяжелейшее испытание выдержали суперсовременные технологии. Барьер, защищающий от последствий применения ядерного оружия, разрабатывался в России на протяжении четырех десятилетий, но внедрить установки в производство и оборудовать ими границы сумели только с появлением конвектора вещества.

Как оказалось — вовремя. Система Глобальной Защиты от Ядерного Заражения (СГЗ) была активирована задолго до нанесения первых ядерных ударов по сопредельному государству, и с того момента Барьер не выключался ни на минуту, что помогло избежать тотального загрязнения территорий Российской Федерации, однако ни одна суперсовременная система уже не могла спасти *планету* от последствий чудовищной катастрофы.

Биосфера на незащищенных территориях гибла или подвергалась тяжелым деформациям, в результате короткой, но ужасающей по глобальности своих последствий войны, Соединенные Штаты Америки перестали существовать, как государство.

Китай, подвергшийся ядерной атаке, получил меньший урон, чем Соединенные Штаты, в основном благодаря российской системе ПРО, перехватившей и уничтожившей до семидесяти процентов боеголовок противника.

Последующее десятилетие ознаменовалось созданием Североамериканского союза, а так же совместным проектом КНДР и объединенной Кореи по колонизации Марса.

Земля пустела, природа гибла, геополитический баланс был не просто нарушен, — его не стало. Многие города-мегаполисы переходили на замкнутые циклы жизнеобеспечения, и только в России, благодаря своевременно принятым мерам защиты, сохранилось само понятие — природа.

Однако, в складывающихся обстоятельствах несмотря на все имеющиеся плюсы, рост городов и дальнейшее развитие промышленности при условии поддержания Системы Глобальной Защиты по периметру государственной границы, вели к истощению естественных ресурсов, нарастанию застаревших, не нашедших своего решения проблем, — единственная оставшаяся в мире сверхдержава балансировала на грани, — поддерживать Барьер на протяжении всего периода, пока не стабилизируется радиационная обстановка и исчезнет вероятность заражения территорий, не представлялось возможным, из-за чрезмерного энергопотребления (СГЗ плюс города и промышленность) снять же глобальную защиту границ — означало обречь на гибель миллионы людей.

Именно в этот период, проведя множество расчетов, моделируя ситуации, подсчитывая ресурсы, был найден единственный выход из положения.

Землю можно спасти, цивилизация возродится, а не погибнет, если осуществить проект массовой колонизации Новой Земли.

У России имелось все необходимое для осуществления масштабного проекта переселения. Если направить все имеющиеся ресурсы на постройку двадцати пяти колониальных транспортов, то девяносто процентов граждан смогут обрести новую родину, а на Земле, за продолжавшим функционировать Барьером, машины, под руководством оставшейся части населения смогли бы провести коренную реконструкцию городов-мегаполисов, проложить спланированные инфраструктуры дорог,

не нанося при этом ущерба сохраненной частице земной биосферы, — напротив, Земле давали отдохнуть от токсичных выбросов производств, дать отправиться лесам от вырубок, восстановить экологический баланс на защищенных территориях, более того — развитие колониального проекта, подготовка к освоению биосферы иной планеты, придало серьезный импульс к развитию генной инженерии, выведению новых, стойких к различным неблагоприятным условиям видов растений, что могло найти свое применение не только на новой родине, но и тут на Земле, где машины по генеральному плану восстановления территорий, завершив работы внутри Барьера, должны были начать выход за него, оживляя мертвые пространства радиоактивных пустошей.

Андрей Игнатьевич ждал того дня, когда первый колониальный транспорт достигнет Новой Земли, и одновременно боялся его.

Двадцать пять межзвездных кораблей ждали своего часа. Теперь, когда опыт пяти миллионов колонистов, успешно перенесших полет, биореконструкцию собственных организмов и перемещение сознания с искусственных носителей (где оно хранилось долгие годы полета) открывал путь к звездам остальным поселенцам.

За годы ожидания результатов полета были укреплены государственные границы, полностью автоматизированы системы управления, в мировом масштабе достигнуты договоренности и успешно реализован план по полному уничтожению ядерного оружия, и производств для получения оружейного плутония.

Четверть века, за которые должна быть реконструирована Россия, а затем усилиями новых поколений восстановлена биосфера Земли, должны пройти без войн, ибо только так можно спасти планету от окончательной гибели.

Сегодня на совещании Совета Безопасности было принято решение о начале загрузке первых десяти колониальных транспортов.

Андрей Игнатьевич смотрел за окно, и думал, о том, что вскоре на огромных территориях останется менее миллиона человек, — те, кто не захотел покидать Землю, но взял на себя заботу о поддержании целостности границ России, и формировании нового поколения, которому жить на обновленной Земле.

Он тоже оставался тут.

Оставался, чтобы нести свое бремя, передать которое кому-либо считал себя просто не в праве.

Земля. Россия.

Территория технопарка «Сибирь».

Март 2079 года…

Тихо шумел кронами вековой лес. Исполинские корпуса производств и научно-исследовательских центров прятались глубоко под корнями могучих деревьев. Не столько в целях маскировки (наличие технопарка выдавали сотни признаков, к которым относился и возвышающийся неподалеку мегаполис средних размеров, и многоэтажки центров связи, разбросанные по тайге) сколько ради самой природы, которую старались сберечь всеми доступными способами.

Россия, богатая своими просторами, сумела в век высочайших технологий сохранить многие заповедные зоны, чего нельзя было сказать о других, обладавших меньшей площадью, но густонаселенных странах.

Конечно, так было не везде и капитан Мелех, группу которого готовили к действиям в техногенных зонах вероятного противника, прекрасно знал, как выглядят в современности многие, некогда цветущие уголки Земли.

Сегодня он уходил в Пустоши один, — отряд, которым Дмитрий командовал на протяжении последних лет, был расформирован: большинство людей покидали Землю.

Он оказался в числе немногих, кто еще не определился с выбором. Для колеблющейся части населения было начато строительство еще одного, дополнительного колониального транспорта, его старт из Солнечной системы запланирован на август будущего года, так что времени для принятия окончательного решения предостаточно.

«В последний раз схожу в Пустоши, а там решу». — Подумал Мелех, сворачивая к складам РТВ, для получения боевой экипировки.

Дима знал: таких, как он, не определившихся с выбором, гораздо больше, чем предполагалось. Многие жители из других стран потянулись в Россию, последние два-три года шел сплошной поток эмигрантов, и дело даже не в информации о колониальном проекте — планета умирала, медленно, но неотвратимо. Жить в иных, не защищенных Барьером регионах Земли, становилось все труднее и опаснее.

Пустоши наступали, менялся климат, погибала природа, серии техногенных катастроф уничтожали города, к тому же из лабораторий, расположенных на территории бывшего Китая, началось распространение генетических вирусов — биологического оружия нового поколения, — вырвавшись на свободу тайные разработки ученых «поднебесной» уже нанесли природе людям больше вреда, чем последствия ядерного

конфликта.

В пустошах появились мутанты, люди, напуганные распространяющейся заразой, стремились любыми средствами попасть на территорию России, а затем покинуть Землю на борту колониальных транспортов.

Прошло всего три года, после объявления о начале проекта «Новая Земля», а на родной планете понятия «государства» остались только на старых политических картах мира.

Земля стремительно пустела, но многие коренные россияне не спешили с окончательным выбором. Им, пережившим глобальную катастрофу за Барьером, казалось, что все еще наладится.

Капитан Мелех не строил иллюзий по данному поводу.

Он просто не торопился, зная, что кому-то нужно ходить за Барьер, а строящийся транспорт явно не станет последним.

«К своему старту я всегда успею. А пока посмотрим».

Мелеху просто не хотелось терять ни минуты жизни. Что толку — космические корабли все равно уйдут из Солнечной системы только группой. Те, кто ступил на борт первого колониального транспорта, вот уже два года как спят в объятиях низкотемпературных ячеек, а флот все еще тут — загрузка последнего из кораблей завершится не раньше чем через шесть месяцев.

Часть 1. Барьер

Глава 1

Пустоши.

Территория бывшего государства Афганистан.

Апрель 2079 года…

Тишина. Гулкая и вязкая, как в склепе.

С небес льется сумрак, ближайшие утесы скал излучают слабую радиоактивность. Здесь и раньше-то природа была небогатой, а теперь после ядерного удара, что нанесли Штаты по Китаю и вовсе только ветер сдувает с края горного плато прах, да мелкие, частично оплавленные камушки; внизу в ущелье бежит, пенясь, горный поток, но брать воду из него опасно, — местность заражена не только радиацией, но и выбросами трех располагавшихся у подножия горного хребта химических производств.

Скальная гряда невысокая порядком сглаженная временем, ее прорезают два ущелья, оканчивающиеся некогда плодородными долинами, — именно они интересуют майора Туманова, — в прошлом месяце здесь, в районе разрушенных химических комбинатов, пропали две разведгруппы, передав перед исчезновением о подозрительной активности сервов, однако сканеры орбитальной группировки по какой-то причине оказались неспособны в точности определить что именно происходит в долинах.

Майор вторые сутки осторожно подбирался к объекту, не спешил, соблюдая все меры предосторожности и сберегая силы. Причину внезапной несостоятельности спутников, способных различить номерной знак машины, едущей в потоке городского автотранспорта, он определил быстро: как и полагали в штабе дальневосточной группировки, ущелье и долину накрывала электронная маскирующая сеть, состоящая из тонко отстроенного излучения сотен микрогенераторов, в основном усиливающих естественный радиационный фон, который на самом деле был намного ниже, чем показывали датчики спутников.

Из-за такой «засветки» приборы орбитальной группировки оказались бессильны, они фиксировали аномальное пятно и основные формы рельефа не более. Оправданную тревогу вызвал тот факт, что ранее в данной местности все просматривалось четко, и никакой повышенной радиоактивности не наблюдалось. Предположить, что спустя четыре года после завершения ядерного конфликта тут внезапно выпали «горячие»

осадки можно лишь с большой натяжкой, — датчики Барьера, оградившего Россию от пагубных последствий применения ядерного оружия, вели постоянный мониторинг загрязнения воздушных масс, перемещающихся над превратившимися в пустоши территориями сопредельных государств.

Вадим собирался начать спуск в ущелье, откуда открывался выход в интересующую его долину, когда далеко на северо-востоке хмурые небеса озарил отсвет яростного пламени: это стартовал очередной грузопассажирский корабль, доставляющий людей на борт находящего под загрузкой колониального транспорта.

Двадцать пять кораблей должны покинуть орбиты Земли через несколько часов.

Последний двадцать шестой транспорт еще достраивался, до завершения монтажных работ оставалось чуть больше месяца.

Это задание было для Вадима последним. Он улетал на Новую Землю, в составе тех, кто осуществлял финальный регламент Барьера. Те же, кто не решился на многолетний межзвездный перелет и рискованное (никто не скрывал данного обстоятельства) перерождение в камере биологической реконструкции, оставались на Земле, но таких насчитывалось немного. Были, конечно, люди, кто оставался не из-за фобий перед космическим полетом и технологическими новациями, позволяющими преодолевать межзвездные расстояния, каждый принимал добровольное решение, но для себя Туманов определился давно: здесь вполне справятся машины, а на Новой Земле его навыки и способности наверняка будут востребованы, помогут спасти немало жизней в первые годы обустройства колонии. К тому же он был одинок, — создавать семью здесь в истощенном, прокаженном техногенной цивилизацией, фактически погибающем мире было не то чтобы безумно, скорее, по его понятиям, — безответственно.

Дай Бог, чтобы все получилось, как задумано, тогда наши дети смогут вернуться на Землю и уже наученные опытом колонизации *иной планеты* приступить к восстановлению колыбели человечества.

Он верил в то, о чем думал. Иначе принял бы иное решение.

* * *

Спуск в ущелье прошел благополучно.

Выбирая маршрут, Вадим руководствовался соображениями скрытности. В том, что на бывших химических комбинатах творится что-то неладное, он был убежден, опыт не давал ему строить иллюзий, обнаруженные на плато генераторы маскирующей системы оказались там не случайно.

Однако при том фоне остаточной радиации, что в действительности фиксировали приборы экипировки, трудно было заранее предположить, кто и зачем обосновался в старых цехах. Для людей горячевато, да и все кто выжил, прекрасно знали, что за Барьером их примут, Россия не отказывала в помощи беженцам, страна за последние годы приняла несколько миллионов человек, даже тех, кто подвергся серьезному облучению.

…Ступив на каменную россыпь, протянувшуюся по берегу бурлящего потока, Туманов привычным движением освободил прочный трос от фиксаторов, и тот упал с пятидесятиметровой высоты, складываясь у его ног в коническую горку.

«Мутанты?» — продолжал размышлять Вадим, сматывая упавший трос в бухту. Вряд ли. После взрывов, произошедших в располагавшихся на территории Китая генетических лабораториях, в атмосферу оказалось выброшено около десятка разновидностей генно-модифицириующих вирусов, от которых пострадали миллионы людей. Вирусы являлись разработками генных инженеров «поднебесной», они влияли на организм определенным образом, не убивая его, но, перестраивая метаболизм, мутанты могли выжить в самых пагубных для человека условиях, однако при этом подвергалась явной деформации функция мышления. Китайские ученые, вероятно, пытались создать препарат, воздействующий на организм таким образом, чтобы человек мог выжить в самых жесточайших условиях внешней среды, но их опыты не были доведены до логического завершения и вырвавшиеся на свободу «генетические модуляторы» приводили к половинчатому и пагубному эффекту.

Хотя явные успехи Китая в колонизации Марса наводили на мысль, что некоторые из исследований все же были завершены. Какой станет цивилизация «красной планеты» спустя допустим столетие, если для выживания там повсеместно применяются «генетические модуляторы», Туманову не хотелось даже думать. Он не раз сталкивался с мутантами и не видел в подобном подходе к изменению живого организма ничего перспективного.

Что люди, что животные, попавшие под воздействие генетических модификаторов, больше не могли расцениваться как представители исходного вида, помимо положительных (в условиях загрязненной радиацией окружающей среды) качеств, они приобретали чудовищные деформации, как физического, так и психического плана.

Нет, агрессивные, озабоченные только вопросами дня сегодняшнего банды мутантов хоть и представляли огромную опасность, но в данном случае таинственная деятельность, развернутая на бывших химических

производствах явно не имела к ним никакого отношения. Туманов еще не встречал мутанта, с которым можно было бы общаться более десяти-пятнадцати секунд, а уж о манипуляциях с их стороны сложными кибернетическими устройствами речи вообще быть не могло.

Оставался лишь один вариант — кибернетические механизмы. Уровень радиоактивного заражения местности для нормальной работы их вычислительных устройств вполне приемлем, развернуть электронную маскирующую сеть, «подогнав» ее под особенности рельефа местности, кибермеханизмам труда не составляет, вот только вопрос: откуда спустя четыре года после окончания войны тут появился организованный отряд машин, и вообще зачем им понадобились старые химические производства?

Вот это Туманову и предстояло выяснить.

«Если заводы оккупированы сервомеханизмами, следует ждать плотного прикрытия объекта их интереса датчиками раннего обнаружения». — Подумал Вадим, начиная движение по кромке бурного горного потока. Изучая ущелье сверху, он выяснил, что участок каменистого пляжа, на который он спустился, заканчивался через сотню метров, за плавным поворотом отвесных скал, далее поток образовывал зажатую с обеих сторон стремнину.

На что, собственно он и рассчитывал. Люди или машины, не станут придавать практически непроходимому участку ущелья должного внимания. И тех и других подведет рационализм. В пустоши следует опасаться двух видов противника: мутантов (как людей, так и животных) и остаточных групп сервомеханизмов, до сих пор влачащих ставшее бессмысленным существование на просторах театров бывших боевых действий, то есть противника следует ожидать с любого направления, кроме бурного, пенящегося, перекатывающегося по камням горного потока.

Вадим, экипированный по последнему слову техники, пройти горный поток мог. Герметизация боевого шлема, и система молекулярных присосок, расположенная на ладонях, коленях, локтях и подошвах, поможет ему пройти под водой, используя крупные валуны в качестве точек опоры, а металлокевлар внешнего слоя брони убережет тело от мелких, случайных травм.

На выходе из ущелья поток расширялся, терял свою стремительность и обретал глубину. Именно там уже непосредственно в районе разрушенного войной завода, оказавшись внутри охранного периметра, Вадим рассчитывал выбраться на берег.

Нельзя сказать, что избранный им путь был легким, и его смог бы

преодолеть каждый спецназовец ВКС России, но не будь майор Туманов лучшим, его бы не послали в опасный одиночный поиск.

«Прорвемся…» — подумал он, активируя систему молекулярных опор-присосок.

* * *

Спуск по горной реке занял у Туманова пять часов.

Как он и ожидал, на километровом рубеже от объекта, где ущелье обрывалось отрогами скал, и начиналась предгорная долина, над поверхностью воды четко отслеживалось излучение устройств охранного периметра.

«Основательно устроились», — подумал Вадим, осторожно продвигаясь по углубившемуся руслу. Количество активных датчиков превышало его скромные предварительные расчеты, по-прежнему оставалось непонятно, кто и зачем оккупировал полуразрушенный промышленный комплекс, действовать приходилось с крайней осмотрительностью: несколько раз он поднимался к поверхности воды, производя пассивное сканирование, пока не нашел, наконец, небольшую «мертвую зону», не перекрытую датчиками периметра, которые, как оказалось, работали в режиме трехсотшестидесятиградусного контроля.

Подплыв к берегу и вынырнув, он оказался под прикрытием одиноко точащей скалы, вернее крупного скального обломка со свежими изломами и явными следами поверхностного нагрева до высоких температур.

«Откололо от массива при ядерных взрывах».

Дозиметр боевой экипировки показывал, что в районе выбранного укрытия радиационный фон повышен в десятки раз, что, как нельзя кстати, устраивало Вадима.

Задействовав систему фототропной маскировки,[3] он включил дополнительную экранировку энергосистем, окончательно превратившись в зыбкий размытый силуэт, скорее похожий на знойное марево дрожащего воздуха, чем на реальную фигуру, облаченную в металлокевлар.

Теперь, наконец, можно было спокойно осмотреться.

Остановленное много лет назад производство представляло собой пять обширных корпусов стандартной сборки, между ними возвышались наклонные элеваторы, берущие свое начало в устье трех рукотворных пещер.

Шахта… догадался Вадим. Отсюда хорошо просматривался слоистый «срез» отвесных скал, в нижней части на границе с поверхностью земли был заметен мощный слой меловых отложений, в котором собственно и

располагались устья трех пещер.

Присмотревшись к типовым цехам ангарной конструкции и внимательно изучив брошенную под открытым небом технику, уже порядком пострадавшую от времени, Вадим пришел к закономерному выводу, что производство остановлено давно, за много лет до начала Американо-Азиатского конфликта.

Единственно как можно было использовать заброшенный комплекс — только в качестве убежища. Меловые выработки наверняка глубоко проникали вглубь скального массива разветвленной системой пещер и штолен, добыча тут, надо думать, велась еще несколько веков назад, а к промышленному освоению мелового месторождения приступили где-то в конце двадцатого века.

Пока что Туманов из своего укрытия мог наблюдать лишь характерные следы запустения, да отметины от бушевавших тут несколько лет назад катаклизмов.

От добывающего комплекса отходила вполне современная дорога. Пенобетон покрытия,[4] которым был вымощен внутренний двор самого комплекса и ведущая от него скоростная магистраль, к сожалению, не сохраняли следов проезжающих тут машин.

А пенобетонное покрытие уложено незадолго до войны. — Вадим продолжал наблюдение, отмечая все новые признаки недавней деятельности на территории заброшенного добывающего комплекса: устья пещер были укреплены металлопластиковыми конструкциями, там, где начиналось внутреннее пространство выработок, недоступное спутниковому контролю, тянулись свежие кабели, соединяющие между собой осветительные приборы, кроме того, в глаза бросались характерные связки оптиковолоконных информационных каналов, далее цепкий взгляд Туманова (сканеры он перевел в режим пассивного приема, чтобы не выдать своего присутствия) зафиксировал несколько грамотно обустроенных и хорошо замаскированных огневых точек, в трех местах у въездов в пещеры были установлены блокпостные стационарные сканирующие комплексы, выше, там, где слои горных пород смешивались, сминаясь в складки, виднелось с десяток зарешеченных зевов вентиляционных отверстий, причем оттуда до чутких микрофонов боевой экипировки долетал явственный гул: в глуби пещер работали какие-то механизмы.

«Что здесь могло существовать незадолго до войны?»

Естественно — военная база. Американское присутствие в северном

Афганистане сохранялось до начала конфликта, Штаты после многолетних усилий по «насаждению демократии» чувствовали себя в данном регионе полными хозяевами.

Военная база и вероятно связанное с ней производство. Или склады?

Нет, судя по гулу и легким, ритмичным вибрациям все же скрытое от посторонних глаз производство, причем наружным наблюдением определить его профиль и масштабы практически невозможно. К тому же нельзя забывать еще о двух подозрительных объектах, расположенных в устье соседнего ущелья. Возможно, что внутри скал по меловому пласту проложена система коммуникаций, соединяющая комплексы в единую инфраструктуру.

Все это, вместе взятое наводило на неприятные мысли.

Вадим уже понял, что без глубинной разведки не обойтись, теперь его текущей задачей становился поиск решения — как проникнуть внутрь, на территорию объекта, проскользнув мимо стационарных охранных комплексов и внутренних датчиков обнаружения?

Учитывая, что сканеры охранного периметра и зон внутреннего контроля работали вполне исправно, перекрывая своим излучением все подступы к пещерам, осуществить задуманное будет ох как непросто.

Непросто, но необходимо. Неизвестный, скорее всего роботизированный комплекс, функционирующий в Пустошах, по определению являлся угрозой, а, учитывая его продвинутую маскировку от спутников, здесь происходило что-то очень важное, возможно имеющее прямое отношение не только к Американо-Азиатскому конфликту, но и к современному положению вещей в изменившемся мире.

Вадим только начал намечать пути подхода с использованием старых построек, как временных укрытий, когда из зева средней пещеры донесся сначала слабый, а затем все более явственный звук.

Это был рокот работающих двигателей каких-то тяжелых машин.

«На ловца и зверь бежит?»

Вадим, насколько позволяла разумная осторожность, выглянул из-за своего укрытия, фиксируя дорогу.

Гул приближался. На самом деле источником звука являлся не рокот моторов, водородный или конвекционный двигатели работают практически беззвучно, а вот механические детали тяжело груженых машин создавали тот самый шум, который уловили чуткие микрофоны экипировки.

Наконец первая из машин показалась в зеве тоннеля. Так и есть грузовики, но… российские, модифицированные военные «Муромцы», с полной автоматикой на борту.

Туманова трудно было чем-либо удивить, но, увидев машину, он в первый момент на секунду опешил.

Первый грузовик тем временем выполз из тоннеля. Работающие на прием сканеры не могли прочесть опознавательной маркировки, для этого нужно пройтись излучением по специальному приливу металла над кабиной, но взгляд Вадима отчетливо различил дублирующую маркировку, состоящую из букв и цифр.

Дальневосточный военный округ.

Мгновеньем позже силуэт грузовика как будто растаял, растворяясь в сумеречном зное пустоши. Машина включила стационарный фантом-генератор!

Вслед за первым появился и исчез второй грузовик, за ним третий, четвертый… Всего, по наблюдениям Туманова, колонна насчитывала десять машин.

Куда они направляются? Что везут? Почему с российскими опознавательными знаками?

Вопросов много и каждый ответ важен.

Грузовики исчезли, истончился звук, — еще бы скоростная трасса с пенопокрытием…

Стоп, а почему дорогу не фиксируют спутники?

Выйти на связь? — Проскользнула мысль. — А что в итоге? Ну, налетят штурмовики, перепашут тут все, а ответ на вопросы потом где искать? Среди обломков?

Да и выходить в эфир, находясь в зоне стопроцентного сканирования — как минимум самоубийство. Двух фраз передать не успею. Нет, придется самому, по-тихому. Войти и выйти. Иначе никак.

* * *

Приближался вечер, а майор так и не смог наметить толкового пути проникновения в комплекс. Сканеры охранной системы перекрывали все подступы, причем так плотно, что большинство датчиков дублировали друг друга.

Он понимал, что главная задача — преодолеть внешний рубеж. Внутри комплекса царит своя «жизнь»: там перемещаются люди, либо сервомеханизмы, и подстроить фантом-генератор экипировки под определенную сигнатуру не проблема, особенно если в таинственных пещерах обосновались машины.

«Хоть бы кто-нибудь вышел наружу», — мысленно досадовал Вадим, тогда можно было бы снять параметры карты сигнатур объекта. Хотя

имитация еще не гарантировала проникновение в комплекс. На входе наверняка расположены дополнительные системы опознавания, слишком тут все серьезно, даже по тем скупым данным, что удалось получить за двенадцать часов наблюдения.

Подумав о времени, он с некоторой грустью понял, что колониальные транспорты вот уже девять часов как покинули орбиты Земли.

Мысленно пожелав удачи всем, кто отважился на межзвездный перелет, Туманов вернулся к насущным проблемам.

Проникнуть внутрь можно лишь под надежным прикрытием. — Размышлял он. Разные там вентиляционные шахты, системы забора воды и прочие коммуникации технического, либо жизненного обеспечения отпадали — неизвестен диаметр труб, да и датчики в них установлены обязательно. Это только в фильмах супергерои ползают над головами своих врагов, разглядывая помещения через решетки вентиляции. В жизни все сложнее.

И снова микрофоны уловили гул.

Только теперь он исходил не из недр комплекса, а с той стороны, куда, теряясь в сумерках, уходила дорога.

Туманов терпеливо продолжал наблюдение.

Мимо проплывали миражи, лишь легкое движение воздуха, по-прежнему струящегося маревом от нагревшейся за день земли, выдавало прохождение тяжелых машин.

Вадим переключил свое внимание на устье тоннеля.

Вот первая машина пересекла незримый рубеж и тут же материализовалась, отключив фантом-генератор. Опять «Муромец» причем снова груженый. За неплотно прикрытым кунгом майор успел рассмотреть темные, плотно штабелированные контейнеры, габаритами чуть больше человеческого роста и телосложения.

Андроидов возят?!

Стандартный транспортный контейнер для человекоподобного сервомеханизма он узнал легко.

Что теперь? Какой вывод?

Предположим периодичность прохождения транспортных колонн двенадцать часов. При хорошем дорожном покрытии за это время можно преодолеть полторы тысячи километров.

До Барьера?

Далековато, но можно. Однако смысл? Границу все равно не пересечь, даже на грузовиках нашего производства с верными опознавательными знаками. Россия давно не закупает ни сервомеханизмы, ни комплектующие

к ним за рубежом.

Причем обратно машины вернулись груженными. Это то же о чем-то говорит. Хотя где гарантия, что передо мной та же самая колонна?

Короткий период сумерек резко перешел в полный мрак.

Вадим позволил себе расслабиться, нужно было обдумать сложившуюся ситуацию, на минуту забыть о сканерах, проглотить пищевую таблетку и сделать пару глотков воды.

Зачем доставлять андроидов во внутрискальный комплекс? Если там действительно склад, военно-техническая база, функционирующая еще с довоенных времен, то все можно объяснить достаточно просто — кибермеханизмы, предоставленные самим себе, реализуют некогда заложенную в них программу, производят продукцию, затем везут ее в условленную точку, и, не встретив там никого, возвращаются назад, чтобы снова повторить весь цикл действий.

Возможно такое?

Вполне. Но как не крути — не вписываются в воображаемую схему российские грузовики, да еще и с недавно обновленной маркировкой.

«Значит все намного сложнее», — подумал Вадим, запивая пищевую таблетку глотком воды, поданной из специального патрубка, а заодно припоминая схему кибернетического обеспечения грузовика класса «Муромец».

Фантом-генератор — понятно. Любое транспортное средство, потенциально предназначенное для эксплуатации в зоне вероятных боевых действий, оснащается комплексом «Мираж». Автопилот обычный, способен работать вне контакта с глобальной навигационной системой по загружаемым из долгосрочной памяти картам местности. Сканеры пассивные, кроме систем дорожного контроля, реализованных на основе лазерных дальномеров. Система контроля наполнения кузова отсутствует, в силу того обстоятельства, что «Муромец» — машина универсальная, предназначенная не только для перемещения грузов, но и для перевозки живой силы, или сервомеханизмов, а в боевых условиях высадка может потребоваться внезапно, зачастую на ходу.

«Вот, похоже, слабое место». — Майор приободрился. — Если перехватить конвой вдали от комплекса, на марше, то вполне реально проникнуть в кузов замыкающей машины и занять место одного из человекоподобных сервомеханизмов. Сигнатуру уложенного в транспортный кофр андроида боевая экипировка сымитирует, а уж проникнув внутрь пещер, сориентируюсь по обстановке.

* * *

Дорога, проложенная через Пустошь, уводила в сторону второго ущелья, где располагались еще два старых заброшенных (по непроверенным данным) производства.

Удалившись на десяток километров, Вадим выбрал место для засады: на небольшой возвышенности, где колонна, идущая в гору, неизбежно сбавит ход.

Разобрался он и с самой магистралью. Анализаторы боевой экипировки показали, что верхний слой пенобетонного покрытия пропитан высокотехнологичным маскирующим составом, камуфлирующим скоростную трассу под цвет рельефа местности и надежно защищающую объект инфраструктуры от спутникового обнаружения.

Однако от простого визуального распознавания такой состав не работал, попросту говоря, Вадим, приблизившись на достаточное расстояние, прекрасно видел чуть приподнятое над естественным рельефом дорожное полотно.

Это наблюдение навело его на определенные мысли.

Например, что дорога проложена не так давно, уже после Американо-Азиатского конфликта. Тот, кто прокладывал скоростную трассу, опасался спутников слежения, но игнорировал возможность появления тут людей.

Пустоши, опасные для жизни и населенные в основном мутировавшими формами животных и растений, действительно к пешим прогулкам или выезду на пикник не располагали. Вероятность появления разведывательных групп в глубинах зараженных территорий могла считаться равной нулю. Обнаружение с воздуха так же представлялось Вадиму маловероятным — его в район операции забросили на вертолете, но ничего подобного дороге замечено при этом не было.

Короче перед ним высокотехнологичная трасса, построенная максимум четыре года назад.

Еще один серьезный повод для тщательной разведки обнаруженного внутрискального комплекса. Даже если он существовал до войны, кто-то не пожалел усилий и средств для его дополнительной маскировки и возможно — модернизации в связи с новыми задачами, возникшими в послевоенный период.

* * *

Место для засады Вадим подготовил тщательно: от раннего обнаружения его спасала аппаратура боевой экипировки и группа

придорожных валунов, позаботился он и о том, чтобы тщательно скрыть следы подмены, — проникновение на борт замыкающего «Муромца» он планировал провести на небольшом участке, где справа по ходу движения колонны открывалась пропасть, куда должен кануть извлеченный из контейнера сервомеханизм, чтобы его не обнаружили последующие конвои.

За двенадцать часов вынужденного бездействия (пока по дороге прошла колонна, направляющая в соседнее ущелье, откуда как подозревал Вадим, скоростная магистраль через перевалы вела к территории бывшего Таджикистана, а затем Казахстана) он успел отдохнуть, выспаться, набраться сил для предстоящей операции.

Выходить на связь он не решился, хотя, отсканировав склоны, убедился в отсутствии датчиков контроля.

Рано. Будет конкретный результат, информация стоящая того, чтобы рискнуть, тогда и доложусь.

На всякий случай он установил среди скал тщательно замаскированный одноразовый передатчик, перекачав в его (самоликвидирующийся после сеанса связи) блок памяти все полученные в ходе предварительной разведки сведения, установив таймер срабатывания с задержкой в трое суток. За это время он рассчитывал исследовать комплекс пещер и выбраться оттуда, ну а если…

Впрочем, о плохом накануне рискованной операции думать не хотелось. Только себя расхолаживать. Установил передатчик, потому что положено так.

* * *

Очередная колонна грузовиков появилась точно по расписанию.

Готовясь к проникновению, Вадим кроме передатчика установил несколько датчиков пассивного контроля, которые фиксировали микровибрацию почвы, и потому о приближении «Муромцев» он узнал заранее, когда те находились в пяти километрах от места засады.

Быстро отключив и собрав датчики, он приготовился.

Системы пассивного сканирования боевой экипировки он перенастроил исходя из знания тех характеристик, что выдавали стандартные армейские «Миражи» и потому грузовики он теперь видел, хотя смутно, смазано, но большего для задуманных действий и не требовалось.

Колонна сбавила ход, преодолевая крутой подъем, но Туманов даже не шелохнулся, пока замыкающая машина не поравнялась с группой валунов,

за которым прятался майор.

Вес герметичной боевой экипировки, включая металлокевларовые сегменты бронирования, достигает центнера, и для ее эффективного использования используются встроенные сервоусилители мускулатуры, работающие от энергии микроконвектора, расположенного в ранце за спиной.

Вадим заранее зарядил все энергонакопители, и еще дополнительно загрузил в отсек для «активного вещества» пару килограммов песка, на тот случай если внезапно потребуется большое количество энергии и придется вновь задействовать конвектор.

Благодаря сервоусилителям он рывком догнал замыкающую машину, быстро вскарабкался на борт, разлепил магнитные замки кунга, и оказался внутри. Свободного пространства практически не было, ему едва удалось пристроиться между бортом и штабелем транспортировочных кофров.

Прилепив на замок верхнего контейнера прибор «экстренного доступа», он заблокировал сигнал тревоги, неизбежно возникающий при самовскрытии контейнера, затем открыл верхнюю крышку и…

То, что он увидел, на секунду повергло Вадима в шок.

Внутри в захватах транспортировочных креплений лежал человекоподобный сервомеханизм *российского* производства!..

Последняя модель, боевой образец универсального механизма андроидного типа со всеми положенными маркировками, сопроводительной документацией, причем все, начиная от магнитных маркеров и заканчивая обязательным электронным планшетом с данными заводского тестирования, не являлось подделкой!..

Замешательство майора длилось ровно секунду.

Время на осмысление увиденного у него еще будет, пока колонна движется к объекту, а сейчас он быстрыми движениями освободил транспортировочные захваты, приподнял корпус андроида и на предельном усилии сервомускулатуры швырнул его в расположенную справа по ходу движения пропасть.

Андроид канул в бездну.

Колонна продолжала движение.

Вадим закрыл кунг, затем вскарабкался на вершину штабеля, спиной лег в транспортный кофр, и, предварительно сняв прибор «экстренного доступа» закрыл крышку пластикового саркофага, дождавшись отчетливого щелчка сработавших замков.

Теперь ему было о чем подумать на рискованном отрезке пути.

* * *

Прошло менее получаса, когда грузовики вновь начали сбрасывать скорость.

Вадим лежал спокойно, чуть ослабив захваты на правом бедре, в которых крепился модернизированный ИПК,[5] специально адаптированный для ведения боевых действий в условиях замкнутых пространств. Как любое импульсное оружие, реализованное на принципе разгона боеприпаса магнитным полем, ИПК вел огонь пятимиллиметровыми металлическими цилиндрами, внутри которых был заключен заряд взрывчатого вещества. Любое соприкосновение с препятствием вызывало микровзрыв, исключая рикошет и обеспечивая сферу поражения микроосколками в радиусе полуметра. Существовали, конечно, и иные типы боеприпаса, например снайперские или бронебойные, но они отличались от разрывных только «начинкой», либо ее отсутствием.

Импульсное оружие обладало рядом неоспоримых преимуществ, безгильзовый заряд «мягко» разгонялся в стволе, что позволяло разнообразить спектр специализированных боеприпасов, вплоть до монтажа внутри цилиндрической пули микрогенератора электромагнитного импульса, что неоценимо при борьбе с кибермеханизмами, к тому же в пистолетную рукоятку ИПК помещалось пять автоматически сменяемых обойм по пятьдесят зарядов каждая…

…Грузовик, в котором находился Вадим, остановился.

Минута тянулась долго, хотя Туманов был подготовлен к подобного рода психологическому прессингу, он шел на осознанный риск, действуя по воле рассудка, а не под порывом чувств.

В такие моменты главное не дергаться, быть готовым ко всему, но вести себя спокойно.

Автоматический контрольно-пропускной пункт. Колонна остановилась у въезда в пещеры, это означало, что внешний периметр контроля успешно пройден, ни один датчик не отреагировал на подмену в последнем грузовике.

Сейчас, судя по доносящимся извне звукам, машины по одной проходили через излучение блокпостной системы сканирования.

Наконец грузовик тронулся с места, медленно, на скорости не более пяти километров в час он тяжело перевалил через какое-то невысокое препятствие (скорее всего это были убранные в нейтральное положение элементы системы механической блокировки с поднимающимися в случае тревоги бронеплитами, перекрывающими дорогу) и усилившиеся эхом

звуки возвестили, что замыкавший колонну «Муромец» уже находится внутри скального комплекса.

Вадим посмотрел на показания датчиков пассивного сканирования.

Направленные излучения остались позади, а затем и вовсе перестали восприниматься приборами экипировки, зато усилился шум работающих механизмов.

Несколько раз плавно движущаяся машина слегка подпрыгивала, проезжая поперечные, попадающие под все колеса неровности из чего Вадим сделал вывод, что внутри комплекс коммуникаций делится на сегменты, которые в любой момент могут быть изолированы друг от друга поднимающимися либо опускающимися переборками.

«Непохоже на заброшенный рудник, совсем непохоже…»

Шум механизмов снова усилился, через минуту грузовик остановился, чуть покачнувшись на подвеске.

Вадим вновь внимательно изучил показания сканеров. Помещение куда въехала машина наполняли различного рода энергии, но все они являлись фоновыми, направленного сфокусированного излучения пассивные датчики экипировки не зафиксировали, в то же время микрофоны транслировали отчетливые звуки работы погрузочных механизмов.

«Нужно выбираться», — решил Вадим, понимая, что при разгрузке его контейнер, находящийся сейчас на самом верху наверняка окажется нижним в штабеле и тогда уже никакая сила не поможет ему открыть крышку.

Вскрыв замки, он почти бесшумно выполз в образовавшуюся щель, замкнул контейнер, спустился к заднему борту грузовика и выглянул в зазор, образованный двумя половинами прорезиненного полотнища кунга.

Пещера тонула в сумраке, она была обширна и представляла собой разгрузочно-погрузочную площадку.

Здесь трудились специализированные механизмы, взгляд Туманова усиленный оптикой БСК[6] цепко, профессионально пробежал по точкам возможной установки сканирующих и следящих систем, обнаружив лишь несколько видеокамер наблюдения, которые, судя по показаниям сканирующего комплекса, даже не были запитаны энергией.

Отлично.

Он покинул грузовик, сразу же скрывшись за штабелем контейнеров, в которых покоились дезактивированные андроиды.

Некоторое время он провел, тщательно изучая обстановку.

Систем внутреннего наблюдения в пещере обнаружить не удалось, и это радовало, облегчая первоначальную задачу. Вероятно, действующие тут силы были уверены в непроходимости внешнего периметра охраны и установленных на въезде блокпостов. В принципе логично. Вернее рационально — мысленно поправился Вадим, все больше убеждаясь, что в комплексе хозяйничают кибермеханизмы.

Действительно, зачем содержать лишние сканирующие системы, в зонах, где ведутся постоянные интенсивные работы? Только вредить. Управляй комплексом люди, они бы наверняка напихали и сюда следящей аппаратуры, что когда-то имело место быть — об этом немо свидетельствовали несколько отключенных видеокамер, но кибернетическая система действует по иному, нежели у человека, разумению.

Итак, комплекс полностью автоматический. Или люди, осуществляющие общий контроль, полностью доверяют кибернетической системе безопасности.

Вадим чувствовал, что сейчас ему непосредственно ничто не угрожает, и потому продолжал спокойно, методично наблюдать.

Первое в чем он убедился — расположенные снаружи постройки, отвалы, старая инфраструктура подъездных дорог, — все это не более чем бутафория. Скорее всего, то же самое относится к расположенным неподалеку химическим производствам. Пещера, в которой он находился, была естественной или, говоря по иначе — карстовой, здесь никогда ничего не добывали. Исходя из этого, можно было приблизительно датировать время возникновения базы, — она была построена до введения Россией системы ГЛОНАС, во время присутствия армии США в регионе.

Вадим тщательно сканировал доступное датчикам пространство, но нигде не находил следов добычи мела, своды пещеры были конечно выровнены и укреплены при помощи стальной арматуры и пенобетона, уводящий в соседнее помещение тоннель вообще был полностью забран в бетонную «рубашку», кое где виднелись не функционирующие в данный момент морально устаревшие системы, параллельно которым тянулись оптические кабели и мощные энерговоды с характерной изоляцией, какие обычно используются для раздачи питания от стационарного конвектора вещества.

Далее — в пещере не функционировало полноценное освещение и принудительная система вентиляции, хотя все необходимые приборы для подачи свежего воздуха и светильники имелись.

Окончательно убедившись, что комплекс полностью роботизирован и

внезапного появления людей ожидать не приходится, Вадим приступил к более тщательному изучению структуры погрузочно-разгрузочной площадки. Все десять «Муромцев» находились тут же, специальные приспособления аккуратно сняли с машин кунги и теперь разгружали контейнеры с андроидами. Туманов обратил внимание, что складирование доставленных кофров осуществляется обособленно, в стене пещеры кроме тоннеля, связывающего его с каким-то соседним помещением, имелось шесть принимающих форму труб конвейерных линий, часть привезенных контейнеров подавалось на них и исчезало в толще внутрискальных коммуникаций. У противоположной стены пещеры высились штабеля точно таких же кофров, которые уже начали грузить в освободившийся кузов первого «Муромца».

Что-то не складывалось в предположении о зациклившихся на выполнении поставленной когда-то задачи механических комплексах. Зачем выгружать контейнеры подавать их в соседние помещения, а затем вновь загружать? Если бы грузовики возили невостребованную военную продукцию в заранее обозначенную точку, производство бы давно встало из-за нехватки комплектующих и переизбытка готовых изделий, к тому же контейнеры не стали бы выгружать, некоторое время постояв, машины вновь направились бы по заданному маршруту и так до бесконечности.

Чтобы подтвердить либо опровергнуть свои предположения, Вадиму нужно было попасть в следующий зал, и посмотреть, что делают там с заключенными внутри контейнеров дройдами? К тому же ему не давала покоя мысль о неоспоримо российском производстве человекоподобных механизмов. Он хорошо знал эту серию, выпускающуюся для обеспечения колониального проекта, хотя часть человекоподобных механизмов отправлялась не только на борт колониальных транспортов, но и на консервационные склады РТВ, где андроиды хранились, как боевой резерв вооруженных сил.

«Неплохо бы скопировать базу данных автопилота одного из грузовиков». — Подумал Туманов, начиная осторожно перемещаться под прикрытием штабелированных контейнеров. Однако операция по съему информации относилась к разряду крайне рискованных, и осуществлять ее следовало только в крайнем случае, пред тем как непосредственно покидать комплекс.

Тоннель, ведущий в соседнюю пещеру, неожиданно оказался блокирован сканером.

Определить, на какие сигнатуры зашит сигнал тревоги, не представлялось возможным, Вадим мог только предполагать, что сканер

поставлен на случай самоактивации какой-либо человекоподобной машины. Кроме андроидов в кофрах, да погрузочно-разгрузочных механизмов, он не видел в пещере иных машин. Погрузчики имели слишком большие габариты, чтобы проходить через тоннель, к тому же большинство из них являлось стационарными агрегатами, так что вариантов, похоже, не было. Уничтожать сканер или блокировать его — неразумно, тут же поднимется тревога, значит, нужно искать другой путь.

Майор осторожно переместился к транспортным тоннелям, в которых исчезали ленты конвейеров. Зазор между только что установленным на движущуюся полосу контейнером и сводом округлого прохода по данным лазерной системы измерений был достаточен, чтобы Вадим смог поместиться сверху, к тому же между кофрами были полуметровые зазоры, и майор решил воспользоваться именно этим пространством.

Он выбрал один из двух средних конвейеров, чтобы оказаться в середине потока.

* * *

Тоннель оказался намного длиннее, чем заблокированный сканером проход, движение происходило в полном мраке, который внезапно сменился сумраком и отчетливыми звуками множества работающих механизмов, доносившихся со всех сторон.

Соскользнув с движущейся ленты на пол пещеры, Вадим включил комплекс датчиков компьютерного видения, иначе он смог бы ориентироваться в плотном сумраке разве что на ощупь.

Направленных встречных излучений аларм-процессор не зафиксировал.

На проекционном забрале боевого шлема тем временем появилась четкая картина окружающего.

Здесь работали механизмы-манипуляторы. Зал был длинным, намного больше предыдущего, множество членистых механических рук, снабженных специализированными манипуляторами, совершали ритмичные наборы движений, одни вскрывали поступающие контейнеры, другие тянулись внутрь, снимая нагрудные кожухи андроидов, третьи приподнимали покрытые пеноплотью головы человеческих подобий, одним точным движением открывая крышки черепных коробок, далее третья группа механических приспособлений тонко подвывая сервомоторами, что-то меняла внутри схем андроидов.

Вадим, машинально пригибаясь, двинулся вдоль конвейера, первые две стадии процесса были ему вполне понятны, а вот третья вызвала

обоснованную тревогу.

Пройдя метров тридцать, он оказался в зоне третьей группы манипуляторов, еще раз осмотрелся, проверяясь на сканеры, и лишь затем, выпрямившись в полный рост, заглянул в раскрытый кофр, где лежал андроид со вскрытым грудным кожухом и откинутой крышкой черепной коробки. Его голова была временно зафиксирована специальной подставкой.

То, что он увидел, повергло Туманова в шок.

Сноровистые манипуляторы извлекали из гнезд расположенных вдоль позвоночника человекоподобной машины и в ее «голове», где располагалось ядро системы, тонкие планки нейромодулей. Изъятые пластины с чипами складывались в отдельные контейнеры, где их лежали… тысячи!

Рядом стояли вскрытые ящики с точно такими же планками нейрочипов, которые механические манипуляторы вставляли на место изъятых. Присмотревшись и включив весь комплекс сканирующей аппаратуры БСК Вадим различил на вставляемых в пустующие гнезда нейромодулях маркировку российских заводов-изготовителей, но сканирующие системы тут же выдали предупреждение о том, что модули — подделка. Это определялось по совокупности мелких, незаметных невооруженному человеческому глазу отличий, микроскопических несоответствий, и тут же система БСК сверившись с имевшимися в постоянной памяти данными, выдала заключение — планки нейромодулей имеют североамериканское происхождение, о чем свидетельствовали некоторые примеси в использованных при изготовлении материалах.

Открытие поразило Туманова, в первый момент он хоть и понял смысл подобной подмены, но не нашел ни одного разумного довода в пользу того, как человекоподобные машины с измененным программным обеспечением, и обученными по иным, отличным от российских стандартов нейросетями блоков искусственного интеллекта, могут впоследствии попадать за Барьер?

Чрез пару секунд он понял, что неверно формулирует вопрос — глядя на короба с десятками тысяч изъятых планок, следовало сначала спросить себя: а как произведенные у нас дройды попадают сюда, во внутрискальный комплекс?

Смысл производимых в цеху операций теперь был ясен, их последствия, учитывая масштабы и вероятную бесперебойность подмен, могли стать катастрофическими, об этом следовало немедленно доложить, но так же необходимо изъять «липовые» планки для исследования и снять

информацию с навигационных блоков автопилотов «Муромцев», после чего ждать конкретных указаний к действию.

Масштабы производимой тут диверсии плохо укладывались в голове, Бог знает, чему обучены нейросети, которые вставляют в систему российских машин, и на какие действия они будут способны после этого?

Вадиму потребовался небольшой тайм-аут, чтобы придти в себя и выработать конкретный план дальнейших действий.

Аппаратуры для экспресс-анализа искусственных нейросетей у него, естественно, не было, но предполагать, что андроидам меняют боевые программы на что-то безобидное не приходилось.

От мысли, что на складах РТВ за Барьером могут оказаться десятки тысяч механических бойцов вероятного противника становилось совсем неуютно.

Проблему надо решать немедленно.

* * *

Выйти на связь непосредственно из пещер Туманов не мог. Идеальным вариантом было бы дождаться окончания процесса и начала погрузки машин, но после всего увиденного ждать еще двенадцать часов, пока обработают очередную партию андроидов, оказалось выше его сил. У благоразумия, здравого смысла то же есть некие пределы, и порой возникают ситуации, когда самые казалось бы спокойные люди начинают всерьез нервничать, переживая собственное бездействие.

Он знал, когда идет скрытое накопление сил роковой удар может последовать в любой момент.

Конечно его догадка о том, что сервомеханизмы с измененными программными задачами и несоответствующим плану мирного строительства «жизненным опытом», заключенным в модулях нейросетей, попадают прямиком за Барьер пока что не нашла неопровержимых доказательств, но что-то внутри дергало, нашептывало, подсказывало, да это так…

Выход?

Коридор блокирован сканером. Конвейеры работают в одну сторону, ползти в полной броне по контейнерам впритирку к своду, — занятие бесполезное. Скорее организую «пробку», чем выберусь. — С досадой подумал майор. — А привлекать внимания нельзя, слишком дорога полученная информация.

Но, судя по некоторым признакам, база строилась когда-то людьми и для людей. Не может же данный зал быть тупиковым? Нужно искать другие

проходы.

* * *

В конечном итоге Вадим оказался прав. В дальнем конце зала он обнаружил сразу три тоннеля, два из них контролировались сканерами, в последнем же встречного излучения не фиксировалось.

Рискну.

Включив все устройства защиты, он ступил в проход. Тот круто забирал вправо и, пройдя несколько шагов, Вадим вдруг резко остановился.

Из-за плавного изгиба сочился слабый желтоватый свет.

Он нагнулся и метнул вдоль пола шарик зонд-разведчика. Пролетев с десяток метров, тот коснулся пола, несколько раз подпрыгнул и остановился, попав в небольшую выбоину.

Спустя пару секунд система БСК обработала полученные во время стремительного полета зонда данные и вывела на проекционное забрало шлема замедленное изображение видеоряда, снятого камерами разведчика и дополненное разверткой показаний сканеров.

Проложенный в скалах тоннель выглядел неухоженным. На его полу скопился давний, уже неразличимый в подробностях мусор, серый пенобетон стен в некоторых местах был покрыт копотью. В конце коридора была отчетливо видна Т-образная развязка и фрагмент какой-то зарешеченной конструкции. Под потолком на шарнирном соединении, был укреплен сканирующий комплекс, спаренный с лазерной установкой. По отсутствию излучения и отсоединившимся, болтающимся тросикам сервоприводов Туманов понял, что комплекс не функционирует.

Несколько секунд он осмысливал увиденное.

Странно. Рядом расположено производство, где требуется если не стерильная чистота, то что-то близкое к ней, а тут…

Ответ подсказали анализаторы. В тоннеле ощущался слабый напор воздуха, — выходит, в цеху постоянно создавалось избыточное давление, и потому ни одна пылинка отсюда не могла проникнуть в зал с конвейерами.

«Заброшенная часть базы?» — С надеждой подумал Вадим. — «Если так, то отсюда можно попытаться найти не заблокированный выход на поверхность».

Убедившись в неработоспособности охранного комплекса, он прошел по уводящему вправо коридору, подобрал шарик зонд-разведчика, и вышел на Т-образную развязку.

Конструкция, которую он видел издалека, оказалась решеткой небольшой тюремной камеры. Вырезанная лазером в скале она

представляла собой крохотное помещение два на полтора метра, где располагалась поржавевшая металлическая кровать, возможно еще помнившая присутствие советских войск в Афганистане, в стене противоположной зарешеченной двери имелось округлое отверстие, на полу под ним горкой были навалены цилиндрические тубусы с маркировкой армии США.

Ни один из пакетов с пищевой массой (Туманов отлично знал, что содержат герметичные упаковки с подобной маркировкой — так называемый рацион для пленных) не был вскрыт, из-под кучи неиспользованных рационов торчали кости человеческого скелета, с бессильно повернутым вбок и склонившимся к плечу черепом, на котором еще сохранились мумифицированные остатки кожи.

Туманов стойко выдержал открывшуюся взгляду картину. О том, как на секретных базах бывшей «сверхдержавы» содержали военнопленных, и какие методы применялись к ним при допросах, он знал еще со времен, когда был кадетом военного училища. Той бурой массой, что содержалась в герметичных тубусах, побрезговали бы, наверное, даже крысы, еда и та использовалась как метод психологического давления на заключенных, зато пестро усеянную надписями упаковку можно было спокойно демонстрировать на телеэкранах…

Ну не да в этом суть.

Ни внутри базы, ни в ближайших окрестностях мумифицированных трупов американских солдат он не заметил, значит те бежали или были эвакуированы в период ядерного конфликта, а заключенных просто бросили в камерах умирать.

В том, что остальные узилища так же не пустуют, Вадим смог убедиться, пройдя вдоль решеток до тупика коридора.

Странно, но тут все же работала вентиляция, горел свет, пусть и неяркий, функционировала автоматическая система доставки продуктов…

К чему бы? Неужели исполнительные системы данного сектора настолько ограничены программно, что продолжают функционировать в силу своих возможностей даже в отсутствии заключенных. Или они не понимают, что люди погибли?

В этот момент он услышал звук, похожий на кашель.

Резко обернувшись, Вадим в движении выхватил из креплений ИПК, готовый к любому самому неожиданному обороту событий, но тускло освещенный коридор был пуст из конца в конец.

Кашель внезапно повторился. Мучительный, надрывный звук исходил из дальнего еще не исследованного тупика коридора тюремного блока.

Не опуская оружия, Вадим осторожно двинулся вперед, внимательно осматривая пространство каждой камеры.

Он не ошибся — в предпоследней сгорбившись, повернувшись спиной к решетке сидел человек. Металлическая кровать была поставлена «на попа» и под углом прислонена к стене; Туманову хватило одного взгляда на блестящий отполированный ладонями рук металл оказавшихся под потолком камеры ножек, чтобы понять: узник до последнего боролся с физическими и психическими недугами, пытаясь держать себя в форме, даже кровать и ту приспособил для выполнения физических упражнений.

По спине медленно прокрался холодок. Лохмотья военной формы грязной, рваной, но узнаваемой, заставили душу похолодеть, сжаться, — судя по полевому обмундированию, перед ним сидел кто-то из своих, русских…

Вадим не знал, в каком состоянии находится узник, и, считая, что подкрался к нему бесшумно (подошвы ботинок имели особый звукопоглощающий слой), боялся испугать того внезапным словом или движением, но ошибся…

Не повернувшись и даже не изменив позы заключенный вдруг хрипло со злобой произнес:

— Ну, что встал за спиной, сука железная?! — Он закашлялся. — Думаешь… не слышу?… Жрать давай… система ваша три дня как издохла… — Он вновь зашелся в мучительном кашле. — Выберусь… отсюда, узнаете как… — Он все же повернул голову и остолбенел, осекшись на полухрипе.

Вадим почувствовал, как медленно что-то сжимается внутри, в голове, не смотря на постоянную работу системы метаболической коррекции экипировки, вдруг зашумело в ушах, еще секунда и он, подняв дымчатое забрало боевого шлема, сдернув дыхательную маску, сумел-таки выдохнуть:

— Дима?!.. Мелех?!

Сколь ни изможден был узник узнать капитана ВКС России, с которым учились на одном курсе, Вадим смог бы и при более страшных обстоятельствах.

Заключенный встрепенулся, в его глазах начало медленно проступать осмысленное выражение, потом он медленно поднялся, цепко схватившись руками за побитую ржавчиной, но еще прочную решетку с прутьями толщиной в палец и тихо, едва слышно, словно не веря в чудеса и призраков, полувопросительно произнес:

— Вадик, ты?!

* * *

Тесен мир и неисповедимы пути твои, Господи…

Вадим, выдвинув манипулятор, воспользовался сервомускулатурой боевой экипировки чтобы перекусить прутья решетки и через минуту они уже смогли обняться, вернее Дима навалился на него, еще видно не до конца поверив, что чудеса на свете еще случаются.

— Так, Димка, раздевайся, наговоримся потом. — Вадим достаточно быстро оправился от потрясения не забывая что они по-прежнему находятся в недрах секретного объекта противника (на самом деле после ядерного конфликта Объединенная Америка не конфликтовала с Россией, на подобную конфронтацию у североамериканцев не осталось ни технических, ни иных средств) но учитывая принадлежность базы к бывшей армии США и творящееся на ней сегодня, Туманов не мог думать об окружающей его инфраструктуре кроме как о «вражеской».

Мелех подчинился без лишних слов.

Сбросив лохмотья, в которые превратилась его полевая форма, какую обычно надевали под боевую экипировку, он встал ногами на кучу тряпья, демонстрируя Вадиму не только жилистую худобу своего тела, но и два рваных шрама от серьезны ранений.

По официальной версии капитан Мелех без вести пропал в Пустошах полтора месяца назад во время разведывательного рейда за Барьером.

— Тебя взяли раненного?

Дима кивнул.

— Кто?

— Не знаю. Андроиды пехотной модификации. Неопределенной принадлежности. — Он сглотнул. — Получил одну бронебойную и две разрывных пули, думал сдохну, но приволокли сюда, выходили.

— Людей видел? — Спросил Вадим обрабатывая нагое тело Мелеха специальным дезинфицирующим раствором из баллончика снабженного пульверизатором. Вещество, попадая на кожу, «вскипало», моментально испаряясь, оставляя после обработки абсолютно чистые участки тела.

— Нет. Только сервомеханизмы. В камерах — он прерывисто задышал, но не закашлялся, видимо сдержался, — в камерах трупы.

— Я видел. — Вадим достал из ранца запасной комплект полевой формы, представляющий собой эластичное трико из специальной ткани, обладающей рядом уникальный свойств, — в зависимости от нагрузки и температуры окружающего воздуха она могла либо сохранять тепло, либо обеспечивать дополнительный приток воздуха ко всем участкам тела

бойца. В идеале поверх такой формы надевалась боевая экипировка и тогда универсальная ткань становилась одним из элементов системы жизнеобеспечения и терморегуляции. — Что тебе известно о базе, Дима?

— Мало. Регулярно приходят машины, колонны грузовиков по десять. Я считал по вибрациям. Где-то поблизости расположено производство. Базу патрулировали андроиды, но в последние две недели они куда-то исчезли.

— Плечо. — Вадим достал автоматическую аптечку. — Ты тут провел полтора месяца, Дима. Грузовики приходили все это время?

— Да. — Уверенно ответил Мелех.

— Что-нибудь еще полезное рассказать можешь?

— Сейчас… Погоди, дай очухаться…

После введения стимуляторов и иных метаболических препаратов, в рассудке у Мелеха помутилось. Он смутно воспринимал, как Вадим заставил его выпить две пищевые таблетки дав запить их несколькими глотками воды, затем зрение и сознание начало проясняться, появилась бесконтрольная дрожь в мускулах, но и она прошла, оставляя после себя ощущение бодрости, которой Дима не испытывал уже давно.

— Я… В норме. Физически. — Наконец встряхнув головой, произнес он. — Что полезного тебе рассказать? Есть тут второй ярус, там медицинское крыло, кибернетический узел и центр связи. Стационарных огневых точек нет, только сканеры, но андроиды появятся быстро, и церемонится не станут, можешь не сомневаться.

— База полностью автоматическая?

— Да.

— Ты сказал, что андроиды куда-то исчезли две недели назад.

— Ну, кто их знает, Вадим. Может, просто ко мне перестали заходить. Хотя что-то неладное — система доставки пищи у них забарахлила, вода пошла грязная, и никто не почесался. Раньше тоже случались поломки, так их устраняли быстро.

— Считаешь, что взвод обеспечения базы находится вне пределов комплекса?

— Я могу только предполагать, Вадим. Откуда у заключенного взяться точной информации?

— Хорошо, проехали. Ты как?

— Адекватен. Сам знаешь, как стимуляторы действуют, да и сам я себя особо не распускал.

— Вижу. Значит так, Дима, я добыл особо ценную информацию, связанную с этим комплексом. Ее нужно срочно передать за Барьер.

— Захватим центр связи и передадим.

— Все гениальное просто? А взвод сервомеханизмов?

— Отобьемся. Тут должен быть арсенал. Где-то в этом крыле. Раньше база эксплуатировалась людьми, и бежали они отсюда в срочном порядке, побросав пленных.

— Когда тебя доставили, они уже были мертвы?

— Да. Обо мне в принципе заботились. Не думаю, что попади я в руки американских вояк, получил бы и четверть такого обращения. Скорее загнулся бы от ран. А какие у тебя варианты?

— Отсюда можно выбраться. В грузовиках, которые транспортируют грузы за Барьер. Вот только я не смог выяснить, каким образом они пересекают границу.

— Тогда тем более — кибернетический узел и центр связи.

— Руки чешутся?

— Чешутся. Угадал.

— Они же тебя спасли.

— Ага. Сначала изрешетили, потом спасли. И еще есть тут один дройд, иногда захаживал в тюремный блок. Знаешь, что он мне сказал?

— Ну?

— Что года два-три и людей на Земле вообще не останется. Мы, по его мнению, исчерпавший себя, вымирающий вид.

— Ну, допустим, такое я тоже слышал. И не от дройдов, кстати, а от людей. — Ответил Вадим. — Сервомеханизмы, которые тебя подстрелили, как-то обозначили свою принадлежность к определенной стране, или быть может военной группировке? — Снова переспросил он.

— Нет. — Покачал головой Мелех. — Серые, в полном смысле. Никаких маркеров принадлежности, корпусов их я не видел, все были одеты в камуфляж, знаешь такой, как можно купить в любом супермаркете.

— Ясно. Как чувствуешь себя? Головокружение прошло?

— Чувствую себя нормально. — Мелех пристально посмотрел в глаза Вадима. — Понимаю, я полтора месяца провел за Барьером. Не выполнил задания. Побывал в плену у-кого-не-знаю-сам. И к старту, подозреваю, что опоздал.

— Так, Дима, прекрати. — Вадим не отвел взгляда, напротив позволил расширенным зрачкам Мелеха субъективно заполнить все поле зрения, будто растворялся в них, чувствуя, сколько невысказанного таится за этим дерзким, все еще с мутной поволокой взглядом, сколько страданий, не сбывшихся надежд, дней ожидания, когда Дима говорил сам себе: «меня найдут, вытащат…», он почувствовал все — как тяжело с криком делал Мелех первые подтягивания, ухватившись за ножки поставленной на попа

кровати, разрабатывая мышцы после ранения, как искал и не находил способа бежать из тесной клетушки, как насильно заставлял свой желудок принимать отвратительную безвкусную пасту, именуемую «пищевым рационом», и все ради того, чтобы если придет освобождение или подвернется случай не стать обузой для товарищей или не сплоховать самому.

— Поверь, майор, полтора месяца без человеческого взгляда, — это *страшно*. Когда вокруг тебя одни машины и сколько не дави в себе крамольную мысль, а она все равно грызет изнутри: «а может ты последний?»

Вадим промолчал в ответ. Говорить что-то сейчас было лишним.

Он сжал пальцы правой руки в кулак легонько, чтобы не причинить боли ткнул Диму в плечо и все же произнес:

— Ты еще не опоздал к старту. Подробности за Барьером, ладно? А сейчас у нас есть задание. Поверь оно важнее, в миллион раз важнее разведки местности. Давай думать. Мне нужно передать информацию в центр. Передатчик отсюда не возьмет. Войти в комплекс оказалось проще, чем из него выбраться. Твои соображения, капитан?

Мелех присел на корточки.

— Без оружия я стану тебе обузой. Но у меня есть идеи как все провернуть. Только ответь, что для тебя важнее — передать информацию или выбраться отсюда?

— Сначала связь с центром. Обо всем остальном думать будем потом, пунктом вторым. — Он что-то прикинул в уме и добавил: — Вдвоем мы выберемся, я уверен. Зря нас с тобой готовили столько лет что ли?

— Тогда слушай, Вадим, только не перебивай. Пещеры, как база, эксплуатируются давно, может больше века, а может еще предки моджахедов тут обретались во время племенных междоусобиц. Людей я тут действительно не видел, но пока меня содержали в медблоке, после ранения кое-что разглядел. Система пещер разветвленная, расположены они в нескольких уровнях. Несколько раз я замечал стрелки на стенах и надписи на английском. Например «Арсенал» — и стрела, упирающая в стену. Соображаешь?

— Машины заблокировали часть проходов?

— Верно. — Мелех указал в противоположный тупик коридора тюремного блока. — Вот та стена — пять сантиметров пенобетона без арматуры. Заливали, когда я уже сидел в клетке.

— Зачем?

— Отсекали часть базы. Думаю из-за крыс. Тут они поначалу стадами

носились. Машины ограничили для себя часть помещений по остальной системе, по-моему, пустили отравляющий газ, по крайней мере, грызунов я больше не видел. В изолированной части осталось большинство помещений той структуры, что оборудовали тут американцы, по крайней мере, арсенал и центр связи точно там за стенами. Я тебе уже говорил, что видел указатели.

— Давай попробуем. — Вадим протянул Мелеху ИПК. — Страхуй со спины.

* * *

Перегородка действительно оказалась «символической» — при помощи сервомускулатуры боевой экипировки Вадим пробил в ней брешь меньше чем за минуту. Действовать приходилось осторожно, избегая грохота, но вибрации по стенам передавались, и это могло привлечь внимание машин, которые, по словам Мелеха, патрулировали базу.

Когда отверстие было готово, Туманов первым делом выстрелил во мрак анализатором.

Состав затхлой атмосферы отсеченных машинами уровней оказался вполне пригоден для дыхания, следов отравляющих веществ анализатор не обнаружил, а вот обглоданные скелеты необычайно крупных крыс попались под ноги сразу, как только Дмитрий и Вадим пролезли в дыру.

— Арсенал на каком уровне? — Спросил Туманов, включая фонарь. Узкий луч света осветил отделанные серым пластиком стены, несколько валявшихся на полу коробок, ботинок армейского образца, так же обглоданный крысами.

— На первом. Давай прямо по коридору, там сориентируемся. Я видел указатель, когда меня вели через третью пещеру.

— Понял. Начали. — Вадим достал АПС[7] с глушителем (при выходе пули из среза ствола даже в импульсном оружии слышен резкий хлопок) и двинулся вдоль стены коридора, освещая путь вмонтированным в шлем фонарем.

Коридор вел прямо метров пятьдесят они шли в тишине и полумраке, не разговаривая, стараясь ступать мягко и не касаться валявшихся на полу разнообразных предметов. По ним становилось понятно, что базу эвакуировали в срочном порядке.

— Дима, а андроиды о которых ты говорил, они тоже «серые»? — Нарушил молчание Туманов.

— Нет. — Мрачно отозвался Мелех. — Российские. — Сквозь зубы выдавил он.

— Как определил?

— По маркировкам на некоторых кожухах.

— Почему сразу не сказал?

— Сомневался. Не хотел толкать тебя на ложные размышления. Кожухи ведь поменять нетрудно. А вели они себя по отношению ко мне, русскому офицеру, явно неадекватно. Как враги, понимаешь?

— Понимаю. Но дройды действительно наши. Им здесь меняют программное обеспечение и нейросетевые модули. А затем, по моим наблюдениям отправляют назад, за Барьер.

Мелех невнятно выругался.

— Сообщить не успел?

— Я сам узнал все подробности, только проникнув внутрь комплекса.

Впереди показалась развилка коридора.

— Куда? — Спросил Вадим.

— Думаю налево.

Они повернули и почти сразу оказались в тупике. Из-за тонкой пенобетонной перегородки доносился приглушенный гул, по полу гуляли вибрации.

— Давай в другую сторону. — Шепотом произнес Мелех.

* * *

Арсенал они обнаружили спустя четверть часа, едва не заблудившись в системе проложенных коридоров. Одни являлись узкими трещинами в скале, другие следствием тысячелетней работы талых вод, третьи носили следы обработки лазером.

В одном месте, на перекрестке тоннелей, им попался растерзанный на части человеческий скелет, рядом валялись обрывки формы пехотинца армии США, а еще через десяток метров луч фонаря выхватил из тьмы усохший, мумифицированный труп псорана, — одного из ярких представителей фауны пустошей — мутировавшей под воздействием генных модификаторов собаки, необычайно сильно, злобного существа, размером с теленка.

— Не пойму Вадим, неужели генные модификаторы действуют так быстро и способны изменить взрослую особь?

— Способны. — Вадим оглянулся, проверяя надел ли Мелех запасной дыхательный фильтр который выдал ему майор. — Выживает при этом процентов тридцать зараженных особей, но они начинают усиленно плодиться, поэтому стаи псоранов так быстро стали бичом пустошей.

— Вот блин, китайцы, натворили дел и свалили себе на Марс. —

Дима перешагнул через труп псорана. — Хотя им то же, наверное, завидовать не стоит…

— Похоже, арсенал, — тем временем произнес Вадим, осветив зарешеченную стену с сорванной дверью.

Они вошли внутрь. Помещение арсенала было просторным и фактически не подверглось ни эвакуации, ни разграблению, хотя Вадим подумал, что машины, оккупировавшие базу, могли бы уничтожить оружие ради собственной же безопасности.

«Плохо они знают людей. Очень плохо».

Арсенал оказался не совсем обычным. Только четверть из всего выставлено в пирамидах оружия или уложенных в специальных металлических шкафах спецсредств, боеприпасов и обмундирования относилось к достижениям современной цивилизации. Отдельную секцию занимало оружие советского и российского производства, еще треть американского далее шли вообще какие-то раритеты: не то трофеи, не то археологические находки…

Пока Вадим осматривался, Мелех отыскал боевую экипировку американского спецназа: полностью компьютеризированный шлем, броню с легкими сервомоторными вставками усилителей мускулатуры, заряженный ранец с системой жизнеобеспечения…

— Говорила мама: учи английский сынок, человеком станешь… — пробурчал он, активировав систему боевого шлема.

— То-то ты его и не знаешь?

— Знаю, конечно. Только к чему теперь? Думал, когда же пригодятся в жизни все мои страданиях на уроках английского? Ан вот пригодились. Давай-ка вражеская система, будем тестировать тебя на пригодность к эксплуатации…

Вадим на излишнюю жизнерадостность Мелеха внимания не обращал. Это нормально. Неизвестно как сам бы себя вел, полтора месяца проведя в одиночке, не слыша человеческого голоса, а потом после избавления получив вводную — передать информацию, а дальше, как Бог даст.

А шансы выбраться отсюда были пятьдесят на пятьдесят. Если дело во взводе андроидов, еще куда ни шло. Ну а если продвинутые машины с модулями искусственного интеллекта задействуют очередную перепрограммированную партию сервомеханизмов российского производства? Боеприпасов элементарно не хватит.

Пока Вадим размышлял над ближайшими перспективами, Дмитрий полностью облачился в металлокевлар, несколько раз подпрыгнул на месте,

проверяя, как подогнана экипировка и не клинит ли сервомускулы.

— Порядок, — произнес он, направляясь в дальнюю часть арсенала.

— Что задумал? — Спросил Вадим, наблюдая, как капитан вскрывает несколько ящиков с потускневшими маркировками. В свете фонаря взметнулась пыль.

— Вот что, командир, — Дмитрий присел на корточки, набирая из ящика рифленые корпуса гранат «Ф-1» еще советского производства. — Я мигом смотаюсь, поставлю с десяток «растяжек», на тот случай если дройды по нашему следу сунутся, через пролом в стене, а ты пока снаряди нам магазинов для АКМ.

— А как же конвенция о запрещении ручных осколочных гранат?

— А дройды ее не читали. А я в плену был, память отшибло.

— Ладно. А АКМ тут при чем? Шума наделать?

Мелех ответил уже без шуток вполне серьезно:

— Думаешь, нам дадут спокойно уйти, когда зафиксируют сеанс связи?

— Нет, не дадут.

— А наши андроиды проектировались, насколько я помню, с учетом южноамериканского конфликта. Черепная коробка и грудные кожухи у них из бронепластика. Из ИПК не больно-то пробьешь. А пуля АКМ калибра 7,62 от камня не рикошетит, она его разбивает. Возьмем на всякий случай, а там посмотрим, пригодится или нет.

— Ладно. Только ты поосторожнее там. И недолго.

— Мигом командир. Я ведь чую, сунутся они в дыру. Чтоб жизнь им медом не казалась. А то заколебало мне слушать: «вымирающая, тупиковая ветвь»… Я им покажу, где тупик у эволюции.

Мелех исчез в темноте, а Туманов пошел к вскрытым ящикам, где оказались гранаты, запалы к ним и цинки с патронами. Набрав рожковых магазинов для АКМ, он присел на корточки, с таким расчетом, чтобы сканеры контролировали ведущий к арсеналу коридор, а сам принялся снаряжать патронами изогнутые магазины.

О достоинствах и недостатках АКМ он знал не понаслышке. Курс специальной подготовки предполагал владение всеми существующими или существовавшими в недалеком прошлом видами стрелкового оружия разных стран. На стрельбище майор Туманов показывал неплохие результаты, а вот в бою пользоваться оружием с гильзовым патроном не доводилось.

Хотя Мелех по большому счету прав. Шансов вырваться с базы у них будет немного и использовать нужно любое преимущество.

* * *

Дима вернулся минут через двадцать.

— Как? — Спросил Вадим.

— Пока тихо. Не знаю, куда исчезли сервомеханизмы. Может, их кто по-тихому прибил на Пустошах? Вот было бы кстати.

Вадим кивнул.

— Придется брать дополнительные подсумки, для гранат и магазинов. — Сказал он. — Давай, прикинем, как разместить, чтобы не мешали. У тебя электроника нормально работает?

— Нормально. Сканеры слабоваты, конечно, против наших, но ничего, справимся.

— Тогда давай, экипируемся дополнительно и пошли. Центр связи еще искать придется.

— Я там лестницу винтовую насмотрел. На второй ярус пещер ведет, как раз что нужно.

Распределив дополнительную экипировку, они проверили, как все подогнано, и покинули арсенал, двигаясь в направлении обнаруженной Мелехом лестницы.

— Дима, силы береги. Действие стимуляторов не вечно. Сервомускулы задействуй.

— Справлюсь, командир. Зря я что ли их бурду жрал?

Туманов чувствовал: Диме хочется говорить, много, радостно, пусть даже ни о чем, просто так, но тот сдерживал себя, понимая, — лишний шум в эфире сейчас ни к чему, а бубнить сквозь дыхательную маску — только портить удовольствие от общения.

Винтовая лестница с гулкими металлическими ступенями действительно вывела их на второй горизонт естественных пещер; осмотревшись, они поняли, что попали в зону, где ранее располагались казармы личного состава. Мелех посветил вдаль и тихо, убежденно произнес:

— В конце прохода временная перегородка. За ней компьютерный центр и медицинский блок.

— Почему ты в таком случае решил, что радиорубка находится в изолированной зоне?

— Когда меня переводили из медицинского блока в камеру, вышла заминка перед автоматическими дверями. Они прозрачные, наверное, из пулестойкого пластика, так вот я рассмотрел некоторую аппаратуру в компьютерном центре. Блоки системы связи там установлены

современные. И вообще тот фрагмент компьютерного центра, что удалось рассмотреть, производит впечатление нового монтажа, без использования компонентов прошлых технологий.

— Оборудован в новом месте?

— А смысл им использовать старый? Только с демонтажем возиться. И еще — компьютерный центр рядом с медблоком, а теперь, как выясняется, и по соседству с казарменными помещениями, нелогично как-то.

— Хорошо. — Согласился Вадим. — Будем искать старый центр связи. Надо бы пару растяжек поставить у временной перегородки.

— Я мигом.

Мелех погасил фонарь и исчез во тьме, задействовав систему компьютерного видения. Вадим последовал его примеру. Датчики разных спектров излучения, по данным которых процессорный блок экипировки строил модель окружающего, в сумме давали меньшую сигнатуру, чем включенный фонарь шлема.

Фигура капитана Мелеха медленно проступила на фоне бледно-сиреневого фона.

— Готово.

— Двигаемся по проходу. — Произнес Вадим. — Ищем переход на третий ярус.

Предположение Туманова оказалось верным. После получасовых поисков им удалось найти еще две винтовых лестницы, одна была заблокирована обвалом, другая вывела их на небольшой по площади уровень. Ранее по всем признакам здесь располагался командный центр.

Толстую бронированную дверь, которой оканчивалась узкая площадка, венчавшая винтовую лестницу, удалось открыть только благодаря неработающим замкам. Дверь оказалась приоткрыта сантиметров на пятнадцать, зазора вполне хватило, чтобы, воспользовавшись сервомускулатурой, преодолеть сопротивление застоявшихся механизмов.

Одна из стен тесного помещения, куда они попали, представляла собой сложную многослойную вставку из бронестекла, затемненного в одну сторону.

Свет хмурого полудня проникал в бывший командный пункт, освещая покрытые белесой пылью компьютерные блоки, погашенные экраны плазменных мониторов, несколько кресел, укрепленных на дугообразном монорельсе. Снаружи вставка наверняка была закамуфлирована под фон скал.

— Смотри командир, тут все предусмотрено, — Мелех указал на заглушенные резиновыми вставками шаровые опоры, расположенные в простенке подле обзорного окна. С противоположной стороны имелись две такие же системы, одна на уровне груди, другая для стрельбы с колена. Сквозь отверстия шаровых опор можно было пропустить автоматный ствол, и держать под обстрелом подступы к пещерному комплексу, находясь при этом не только под защитой скалы, но и расположенных (по предположению Вадима) внешних бронелистов, так же закамуфлированных под камень.

— Хорошая позиция. — Кивнул Туманов. — Только лучше бы она нам не пригодилась. Контролируй подступы, Дима, а я займусь связью.

— Не думаю, что позиция хороша, командир. — Тут есть система бронежалюзи, но она не работает. У амбразур по экрану, но они так же без энергии и нет гарантии, что работают внешние видеодатчики. К тому же одна ракета из ручного противотанкового комплекса и нам тут…

— Не нагнетай. Постараемся отработать тихо.

* * *

Профессионализм бойца разведывательной группы всегда определялся не количеством уничтоженных врагов, а способностью выполнить задание, не выдав своего присутствия, пройти незаметно, собрать необходимые данные и вернутся *живым*.

В век высоких технологий это стало особенно трудно: не смотря на все усовершенствования в экипировке способы действий разведгрупп в принципе остались прежними, чтобы получить необходимые данные нужно было проникать на защищенные многократно дублированными изощренными системами охраны объекты, снимать информацию с компьютерных носителей, не оставляя следов своего вторжения.

Исходя из задач текущего момента, Туманов не собирался реанимировать древний компьютерный комплекс. Во-первых, его не интересовали явно устаревшие данные, размещенные на его запоминающих устройствах, во-вторых, ему нужна была только связь. После того как ядерный конфликт в буквальном смысле порвал всемирную паутину проводных сетей Интернет, передать информацию из удаленного региона можно было двумя способами — используя мощную радиостанцию либо осуществив выход на спутник.

Параметры орбит спутников связи и коды экстренного доступа к каналам передачи информации Вадим знал, сканирование толщи горной породы, нависающей над командным пунктом, позволяло рассчитывать на

устойчивый сигнал, но майор не мог действовать наудачу, — исследовав приборные панели он перешел в пространство за ними, пока не отыскал характерные кабели, ведущие к внешним антеннам комплекса, расположенным где-то в скалах.

Соединив прибор спутниковой связи с системой антенн, он подал тестовый сигнал, убедившись, что горный рельеф местности уберег передающие и принимающие устройства от губительного воздействия далеких ядерных взрывов.

— Как снаружи? — Коротко осведомился он.

— Пока тихо. — Ответил Мелех, наблюдавший за пространством перед входом в пещеры, где возвышались бутафорские постройки «рудника».

— Я подключился к системе спутниковой связи. Сервомоторы дали положительный отклик. Две минуты на ориентацию антенн, потом передача пакета данных и все, уходим.

— А что с этим «осиным гнездом» делать будем?

— Я получу инструкции. — Коротко ответил Вадим.

Он вновь вернулся к манипуляциям с системой связи, Мелех же продолжал следить за обстановкой. Чувствовал он себя прескверно, действие стимуляторов оказалось короче, чем он полагал, пришлось включить систему метаболической коррекции, встроенную в экипировку иностранного производства.

Немного полегчало. По крайней мере, исчезло вернувшееся было головокружение, опять по мышцам пробежала дрожь, возвращая тонус. Пристроившись у панорамного окна, он смотрел вниз, а мысли сейчас были далеко, там за Барьером.

Чтобы не говорил ему Вадим, а к своему старту он опоздал. Колониальные транспорты уже покинули орбиты Земли, это было ясно без слов, и где-то там, в недосягаемой теперь дали, движутся на фоне звезд тусклые точки.

— Что-то не пойму… — Вплелся в его мысли голос Туманова. — Идет устойчивый встречный сигнал. От нашей спутниковой группировки.

— Так связь есть? — Не поворачивая головы, спросил Мелех.

— Есть. Я скинул данные, жду подтверждения и инструкций. Но встречный сигнал мне не нравится. Такое ощущение, что кибернетическая система комплекса включена в какую-то сеть через спутники.

— Наши? Может они продолжают сканировать регион?

— Нет. Я пока определил американский «Синапс». И приборы фиксируют не сканирующее излучение, идет интенсивный обмен данными.

Мелех не ответил, лишь с удвоенным вниманием вернулся к осмотру прилегающей местности.

Тем временем туманов получил ответ.

Дешифровав полученные данные, он произнес:

— Так, Дима, информация принята, нам с тобой приказано либо снять навигационные данные с автопилота одного из «Муромцев», либо иными доступными способами обнаружить место и схему проникновения транспортов через Барьер.

— Не слабо… Мелех на мгновенье умолк, а затем неестественно ровным голосом сообщил: — Гости командир. У них оказывается казарма в одном из этих липовых ангаров.

Туманов бросил взгляд через окно. Действительно в поле зрения появились андроиды.

Он что-то переключил в системе БСК и глухо произнес:

— Они получают указания со спутника. Определенно!

— Нам связь еще нужна?

— Нет. Данные переданы, задача поставлена.

— Глуши командир! Иначе их наведут на нас с точностью до сантиметра!

Вадим понял, о чем говорил капитан. Отключив систему связи, он выдернул заглушку из одной шаровой опоры, вставив в открывшееся отверстие вместо автоматного ствола цилиндрический пробор.

Через секунду раздался резкий хлопок, и начинку цилиндра выметнуло наружу.

Сотни микроскопических генераторов помех незримым для глаза облаком накрыли площадь порядка ста квадратных метров, но микромашины были настолько миниатюрны и легки, что они не падали на землю, а медленно кружили в воздухе, постепенно отдаляясь друг от друга, создавая своеобразный зонтик помех, в эпицентре которого находилась база.

Андроиды на секунду замерли. Точно, они были связаны в сеть, но сейчас нарушился обмен данными не только между отдельными машинами, но и центральной кибернетической системой базы со спутниками.

— К лестнице! — Крикнул Мелех, заметив, что нерешительность андроидов сменилась конкретным приготовлением к действию.

Они едва успели выскочить в узкий вертикальный колодец, уводящий на низлежащие уровни, и с усилием затворить за собой массивную бронированную дверь, как в помещении древнего командного пункта раздался треск пробитого бронестекла, хлопок, а затем рванул взрыв такой

силы, что многотонную дверь вышибло наружу с грохотом вонзив торцевой поверхностью в обшивку колодца и, судя по зубовному скрежету — в скальную породу.

— Ни хрена себе… — Мелех кинул мимолетный взгляд на косо вонзившуюся в стену бронированную плиту и, пригибаясь, поднырнул под нее, стремясь попасть назад в задымленное пространство изуродованного до полной неузнаваемости помещения.

Вадим метнулся за ним, и как оказалось, — вовремя, — многотонная плита еще несколько секунд находилась в шатком равновесии, а затем с оглушительным грохотом сорвалась вниз, подминая своим весом винтовую лестницу.

Не сговариваясь, они заняли позиции за каменными простенками по обе стороны выбитого ракетой панорамного окна.

Вадим даже не тронул закрепленный на бедре ИПК, сбросив предохранитель АКМ в положение «одиночный огонь», он передернул затворную раму, досылая в ствол первый патрон, и жестом указал Мелеху: гасим гранатометчиков!

В рассудке промелькнула мысль: будь там внизу моджахеды, не поздоровилось бы. Еще как минимум два сервомеханизма были оснащены пусковыми установками, но ни одной машине не пришла мысль произвести повторный запуск, их опыт и логика не допускали, что на бывшем КП кто-то мог уцелеть, а тем более вернуться обратно, фактически в дыру, обнажившуюся среди скал.

Четыре частых почти слившихся в короткую очередь одиночных выстрела убедили их в обратном, когда тяжелые пули АКМ начали прошибать навылет металлопластиковые черепа андроидов, превращая планки нейромодулей в хрусткое крошево.

Четыре сервомеханизма повалились словно куклы, застыв в тех позах, как их настигли пули, остальные метнулись в разные стороны, занимая естественные укрытия, но в их действиях благодаря работающим генераторам помех не было единства, — два сервомеханизма столкнулись, избрав одно и то же укрытие за наполовину вросшим в землю бетонным блоком, и их тут же настигли выстрелы.

В ответ по дымящемуся зеву, открывшемуся в скалах после попадания ракеты, ударил шквальный автоматический огонь, однако неслаженность действий привела к еще одной фатальной для сервомеханизмов ошибке, — они почти одновременно израсходовали активный боезапас, шквал огня ослаб, а затем на секунду стих, за что поплатились еще две машины, получив уничтожающие попадания по сервомоторным узлам.

Позиция Мелеха и Туманова была очевидно выгодной, дройды не могли найти полностью надежного укрытия, да и их огонь направленный снизу вверх на короткой дистанции оказался малоэффективен.

— Дима, прикрой! — Вадим отложил автомат, доставая гранату из подсумка.

— А как же конвенция, командир? — Дима чуть подался вперед, щедрой очередью загоняя назад под защиту укрытий попытавшихся высунуться дройдов.

Вадим одну за другой метнул три «эфки» и отпрянул назад.

Внизу ухнули разрывы, раздался ноющий звук разлета осколков, что-то вторично взорвалось, ветер, спутанный взрывными волнами, начал крутить тугие смерчи из сгустков смрадно-черного дыма, остатки группы сервомеханизмов, независимо друг от друга, приняли одинаковое решение — они вскочили, рванувшись к входу в пещеры — единственному укрытию, где их не мог достать уничтожающий автоматный огонь.

Еще четверых Вадим и Дмитрий успели свалить во время перебежки, одному все же удалось проскочить внутрь комплекса, но видно сервомеханизм оказался поврежден осколочным попаданием, потому что секунду спустя из зева пещеры рванул еще один взрыв.

— Контроль по датчикам! — Хрипло приказал Вадим.

— Чисто.

— Подтверждаю, чисто! Давай, Дима, вниз, в темпе! — Туманов уже крепил трос.

Мелех повторил его движения понимая, что теперь от стремительности действий зависит не только исход операции, но и их жизни. В другой раз обстоятельства могут сложиться не так благополучно, как при уничтожении взвода сервомеханизмов.

* * *

На этот раз в комплекс входили не таясь, стремительно, по следам взорвавшегося внутри сервомеханизма, подавляя любое встречное излучение, появляющееся на сканерах, короткими автоматными очередями. Выбивая датчики охранного периметра, они понимали, что не смогут уничтожить их все, но обеспечивали себе узкий «коридор», который понадобится и при отходе.

— Дима, веди! — Приказал Вадим, когда они добрались до знакомой развилки трех коридоров.

Мелех уверенно свернул в крайний правый, — действовали грубо и стремительно, бронированную дверь выбили зарядом пластичной

взрывчатки, еще одну за коротким лестничным маршем — так же.

Прошло меньше пяти минут с того момента, как они ворвались в комплекс, у входа в компьютерный зал их попытались остановить лазерные турели, но сканеры определили их наличие за несколько метров до прямого, простреливаемого отрезка пути, и турели удалось сбить, выпустив ложную цель и перебив автоматными очередями сервомеханику.

«Компьютерный зал» оказался не так просторен, как предполагали оба.

Блоки аппаратуры возвышались вдоль стен, ни кресел, ни информационных экранов, никакого намека на панели ввода-вывода информации, — похоже данный комплекс вообще исключал из своей функциональности само понятие «человек», как участника процесса управления или обмена данными.

Мелех призадумался, затем занял позицию, контролируя коридор, Вадим тем временем снял несколько облицовочных панелей, обнажив аппаратную архитектуру части комплекса. Позволив сканерам экипировки проанализировать увиденное, он получил тот же ответ, к которому пришел сам едва взглянув на открывшиеся взору компьютерные блоки.

Пришлось снять все кожухи, потеряв еще несколько драгоценных в их положении минут.

— Ну что? — не оборачиваясь, спросил Дима.

— Блоки процессоров и оперативка. — С досадой ответил Туманов.

— И в оперативной памяти ничего нет? — Криво усмехнувшись, уточнил Мелех.

— Система перезагрузилась семь минут назад. Вся информация сброшена. Ты понимаешь, в чем дело?

— Конечно. Чему нас учили в школе? Компьютер — это сеть. Исполняемые программы загружались сюда со спутников. Чуть что неладно — сброс питания и комплекс девственно чист. Ручаюсь, как только исчезнут помехи, и мы с тобой покинем пещеры, новые программные модули буду переданы.

— Легче от этого не становится.

— У нас есть еще одна попытка. Автопилоты грузовиков.

— Да, это последний шанс. Если информация не поступала к ним таким же образом.

— Думаю, что нет. Подвижные объекты, укрытые фантом-генераторами не должны себя демаскировывать. Держи они постоянную связь со спутниковой сетью, эти «поставки» давно бы вычислили.

— Логично. Пошли.

* * *

В зал погрузки они выбрались без проблем.

Один «Муромец» оказался загружен, еще пять находились «в процессе» четыре дожидались своей очереди.

Не смотря на шум погрузочных механизмов, которые не прерывали работы, не обращая внимания на людей, им удалось расслышать отчетливый треск, доносившийся из головного грузовика.

— Похоже, нам пора уходить, командир. Звук слышишь?

— Слышу. Слетают крышки кофров.

— Вот и я про то… Давай гранаты, сколько осталось.

— Этот не трогай. — Вадим указал на пустую машину стоящую напротив выезда. Контрольных датчиков загрузки в «Муромце» нет. Попробую включить автопилот.

— Давай. Я мигом. — Мелех метнулся к другим грузовикам, подсовывая гранаты под колеса, с таким расчетом, что любое движение машины неизбежно освобождало скобу ударного механизма.

Вадим забрался в кабину выбранного грузовика, соединив компьютерную систему своего шлема с блоком автоматического пилотирования.

Обе системы, произведенные в России, быстро наладили контакт, и грузовик без предупреждения тронулся с места, выезжая из пещеры.

— Мелех бегом! Догоняй.

Секунд через тридцать распахнулась дверца кабины с пассажирской стороны и Дима, рухнув в кресло, честно признался:

— Все командир. Уже и стимуляторы не держат. Поплыл…

Глава 2

Россия. Окрестности «Объекта-19»

Древний полигон, окруженный промышленными комплексами и дальше по периметру — свежими лесопосадками дремал в ночи.

Очередные боевые испытания партии машин, предназначенных для стратегического резерва, завершились пару дней назад, и сейчас ни один посторонний звук не нарушал ночной тишины.

Невнятно шумел кронами молодой лес.

Бурное развитие технологий, связанное с подготовкой и осуществлением первого колониального проекта дало мощный импульс многим отраслям наук, позволив Российским ученым восстановить участки биосферы и привить генетически модифицированные виды растений там, где они плохо приживались или вообще не произрастали исторически.

Лес был высажен всего пять лет назад, но за счет новых свойств деревья уже достигли высоты десяти метров, образуя над головами непроницаемый шатер крон.

Дорога, ведущая от промышленных комплексов, уходила под сень деревьев, в сумрак, исчезала в ночной тиши, казалось, что вокруг нет ни души на многие сотни километров, однако это было не так. Километрах в семидесяти от границ древнего полигона, который являлся сверхсекретным объектом еще в конце двадцатого — начале двадцать первого века, в лесной чаще, со всех сторон окружающей суперсовременную магистраль, можно было обнаружить старый съезд, который метров через пятьсот упирался в странный курган. Земля местами оплыла, но возвышенность сохраняла правильную геометрическую форму, к тому же старый отрезок дороги вплотную подходил к лежащим на земле замшелым створам ворот, в самом холме виднелось устье древнего тоннеля, рядом с которым стоял армейский внедорожник и нервно переминался с ноги на ногу невысокий сутуловатый человек в форме полковника.

Полковник Балашихин был трусом. Ему предлагали место на борту колониального транспорта, но он отчаянно боялся как самого межзвездного перелета, так и таинственного для него перерождения в камере биологической реконструкции.

Он отказался стать колонистом Новой Земли, но оказалось, что тут на *опустевшей* Земле жить еще страшнее. Здесь оставались грехи прошлого, тянущиеся за полковником еще с той поры, когда деньги имели смысл.

Нельзя сказать, чтобы преступления, совершенные еще до ядерного конфликта, постоянно тяготили его, не давали спать по ночам, — когда начался отток населения на борт колониальных транспортов, он вообще вздохнул спокойно, но как выяснилось — рано.

Однажды прошлое вернулось к нему, так болезненно страшно и недвусмысленно, что жизнь полковника Балашихина превратилась в сущий кошмар.

Он не мог рассказать о совершенном на него нападении и ужасных методах воздействия, после которых он дал согласие на сотрудничество с некой совершенно абстрактной, безликой силой, продемонстрировавшей в частности, что отдельно взятая человеческая жизнь не стоит для нее ничего, и в тоже время, ощущая гнетущую безысходность, он тщил себя слабой надеждой, ведь кроме кнута был еще и пряник в виде райского уголка в Новой Зеландии, обещанного ему после выполнения порученной миссии.

Еще две партии… Всего две партии и этому ужасу придет конец… твердил он про себя, нервно всматриваясь в зев огромного по диаметру, давно заброшенного тоннеля.

Полковник хотел посмотреть на часы, но к своей досаде обнаружил, что второпях, собираясь к точке рандеву, он забыл дома на столе свой кибстек.

* * *

Кибстек, забытый на столе полковником Балашихиным, подавал сигналы не переставая. Кто-то пытался выйти на связь через спутники, но тщетно…

* * *

Казахская степь, поглощенная Пустошью расстилалась по обе стороны дороги.

«Муромец» шел ровно, по мере движения на навигационную панель автопилота подгружались новые фрагменты карт прилегающей местности.

Мелех задремал, Туманов же постоянно оставался начеку, перед финальной стадией операции он выспался, и пока чувствовал себя нормально, хотя и подозревал, что автоматическая система метаболической коррекции понемногу вводит в кровь стимулирующие вещества.

Вдали показались постройки, над которыми ясно различимые системой компьютерного видения возвышались решетчатые конструкции ферм обслуживания, окружающие стартовые столы.

Грузовик начал входить в плавный поворот.

Мелех проснулся, посмотрел по сторонам.

— Отрубился… — Стряхивая остатки сна, произнес он. — Где это мы?

— Байконур не узнаешь?

— Сколько же я проспал?

— Часов пять.

— Куда это мы поворачиваем?

— Пока не знаю. — Ответил Туманов. — Тут на дисплее что-то странное прорисовывается. Похоже на тоннель?

— Похоже. Даже слишком. Давай с нашими свяжемся, по-моему, пора.

Через минуту, передав данные, Вадим получил неожиданный ответ.

— Ну, что говорят?

— Тоннель. Грузовик явно сворачивает к нему.

— И куда он ведет?

— За Барьер.

— Постой, Вадим, ничего не понимаю…

— Тоннель проложен в начале двадцать первого века. — Пояснил Туманов. — Связывал под землей сверхсекретные производства на так называемом «Объекте-19» с космодромом Байконур, откуда осуществлялись первые запуски модулей по программе «Новая Земля». По полученным данным он взорван еще десять лет назад до Американо-Азиатского конфликта.

— Что же выходит, его кто-то тайно восстановил?

Словно отвечая на заданный вопрос «Муромец» опять повернул, дорога пошла под уклон, теперь с обеих сторон возвышались выщербленные бетонные стены, затем машина включила фары, нырнув под «козырек» и действительно оказалась в тоннеле.

— Вовремя мы доложились. — Произнес Вадим, наблюдая, как в свете фар грузовика мелькает всякий мелкий мусор, занесенный сюда ветрами.

— Как же восстановление тоннеля прохлопали? — Не унимался Мелех.

— Не знаю. — Ответил Вадим. — Ты же должен помнить, радиоактивные облака тут висели почти год. Местность заражена, подземные уровни в условиях повышенной радиации детальному сканированию с орбит недоступны, да и кто ждал, что со стороны Пустошей будет предпринята попытка восстановления тоннеля? По большому счету, рассуди сам, кому восстанавливать? Выжившие бежали за

Барьер, не псораны же с мутантами это сделали.

— Да уж теперь понятно, что не псораны… — Дима недобро сверкнул глазами. — Что-то у меня в голове схема «встречных поставок» все равно не вырисовывается.

— А ты подумай. — Усмехнувшись, посоветовал Вадим. — Достаточно было собрать одну партию кибермеханизмов якобы «российского» производства и завернуть «налево» всего один конвой с истинной продукцией промышленных комплексов «Объекта-19». Ложная партия уходит на склады РТВ, а наши сервомеханизмы транспортируются в пещерный комплекс, где им меняют нейромодули, программные чипы, и отправляют назад. И закрутилась карусель — по ту сторону Барьера снова встречаются две колонны, машины с перепрограммированными дройдами уходят на базы РТВ, а новая партия сворачивает в тоннель, на «апгрейд», так сказать. Подобную схему, зная точное расписание конвоев можно прокручивать годами.

— Да, но остановить конвой и повернуть его…

— Может только человек, верно. Для этого нужно иметь определенные полномочия, а затем просто сменить навигационные блоки у головных машин, так как ведомые следуют за ведущим колонны, и собственные навигационные блоки у них включаются, только если с ведущей машиной что-то случилось.

— Надеюсь, по ту сторону тоннеля нас встретят?

— Должны. Если успеют. Ну а если нет, то с одним-то подонком как-нибудь справимся.

Мелех промолчал.

Грузовик шел, не снижая скорости, дорога, ведущая по тоннелю, была тщательно расчищена от крупных бетонных обломков, только над головой в некоторых местах сквозь решетку погнутых прутьев арматуры в безобразных дырах проглядывали ночные небеса.

— Кто бы это не затеял, пахнет дурно. — Наконец нарушил молчание Мелех. — Большой кровью, пахнет Вадим. Даже думать не хочется, что у нас за Барьером, за нашими спинами, сотни, а может и тысячи вражеских машин.

— Не торопи события, Дима. Мы вовремя передали информацию. Складами РТВ сейчас занимаются. Бог даст — обойдем без крови.

Мелех только сокрушенно покачал головой в ответ. Дурное у него было предчувствие и ничего с ним не поделать. Грызет изнутри…

* * *

Встречная колонна запаздывала.

Подобное уже случалось, не раз, сбой в графике движения на пятьдесять минут обычно не вызывал подозрения, Балашихин уже остановил колонну, следовавшую от «Объекта-19» к складам РТВ, расположенным почти за семьсот километров отсюда, и потому как обычно нервничал, озираясь вокруг, хотя под сенью леса царила плотная ночная мгла.

Наконец средь тьмы старого тоннеля мелькнул и пропал далекий свет фар, потом появился вновь, но перед самым выездом машины погасили все источники света, опознавательные и габаритные огни, вновь задействовав фантом-генераторы, поэтому о выходе колонны из тоннеля возвестило лишь едва уловимое дрожание воздуха.

«Ну, наконец-то…» — Полковника била мелкая противная дрожь. Он все без устали повторял себе, предпоследняя партия, потом все, меня вывезут отсюда, на острова, которых не коснулось смертельное дыхание последствий ядерной катастрофы…

Держа в руках навигационный блок головной машины остановленной невдалеке колонны, он по привычке на ощупь нашел борт прибывшего «Муромца», добрался таким способом до двери кабины, распахнул ее и…

Ледяной пот прошиб спину полковника, когда он увидел ствол автомата, направленный ему в лоб.

— Ну, что иуда, поговорим?

У полковника все обмякло внутри, он хотел отшвырнуть в темноту навигационный блок, но руки не слушались, ноги подкосились, Балашихин, словно ватный, осел на землю, инстинктивно закрываясь руками от вероятного удара, и лишь его побелевшие губы с трудом выталкивали слова никому не нужных в данный момент оправданий:

— Меня… заставили… Я не хотел… понимаете, — не хотел…

Холод стали коснулся его лба:

— На кого работал, говори!

— Я не знаю… Честное слово — не знаю! — Голос полковника сорвался на сиплый визг. — Со мной связывались через кибстек… Сеть… Приказы получал через сеть!..

— Сколько колонн ты перегнал?

— Не считал… Не помню… Почти два года… Раз в месяц…

— За что продался? — Раздался из темноты другой голос.

— Меня обещали вывезти отсюда… На острова…

— На острова? — С явным сомнением в голосе произнес Вадим. — Чтобы ты там сдох? Хоть бы врал убедительно. Где ты острова такие найдешь, куда не выпадали радиоактивные осадки?

— Я не знаю… Меня заставили…

— На чем поймали? — Сухо осведомился Мелех, даже не подумав убрать ствол автомата от трясущейся головы Балашихина.

— Я приворовывал… С военных складов. Давно. Не знаю, как, но все стало известно…

— Кому?

— Тем, из сети. Я ни разу не видел даже их лиц. Только получал приказы.

Вдали показался свет фар идущих на большой скорости машин. Конусы света метались, выхватывая из тьмы то стволы, то кроны деревьев, наконец, машины — два армейских внедорожника показались из-за поворота, резко затормозили и из них начали выскакивать люди в форме спецназа.

— Всем на землю, руки за голову!

— Эй, там полегче, ребята.

— Выполнять! Открываем огонь на поражение!

Мелех с Тумановым переглянулись.

— Держи его. — Произнес Вадим, а сам, на всякий случай подняв забрало боевого шлема и демонстрируя пустые руки направился в сторону изготовившегося к стрельбе спецназа.

— Майор Туманов, управление внешней разведки! Не дергайтесь ребята, открываю чип для сканирования. — Он снял похожий на наруч элемент боевой экипировки, чтобы сканеры могли считать информацию с имплантированного под кожу чипа.

Через десять-пятнадцать секунд недоразумение было снято.

— Извините, товарищ майор…

— Нормально лейтенант. Действовал по инструкции. Мы тут часть вашей работы уже сделали, забирайте, полковник Балашихин с «Объекта-19». Вон на дороге стоит колонна грузовиков, готовая к отправке за Барьер. У полковника снятый с головного Муромца навигационный блок. Короче взяли с поличным, все зафиксировано сканерами и камерами моего комплекса БСК.

Вдали послышался шум двигателей вертолета.

— Начальство летит. — Констатировал лейтенант. — Вы образец перепрограммированной техники доставили?

— Не удалось. Но дело поправимо. На складах РТВ ее сейчас полно.

— А кто с вами товарищ майор?

— Капитан Мелех. Освобожден мной во время операции.

— Он понимает, что ему придется пройти полную процедуру

проверки?

— Естественно. Не маленький. И за Барьер ходил не единожды. Ты лейтенант занимайся своим делом, забирай подопечного, а с начальством я сам переговорю.

— Ладно. Добро.

…Далеко у горизонта занимался бледный рассвет. Лес настороженно шумел кронами под слабым утренним ветерком. Из вертолета, севшего на поляне неподалеку от устья старого тоннеля, так же сначала высыпал спецназ, потом появились фигуры в гражданском.

— Повезло нам с тобой Дима. — Произнес Вадим, издали узнав полковника Занькова. — Нормальный мужик, ты его должен помнить. Особо мучить при проверке не будет.

— Ну и то ладно… — Мелех едва держался на ногах, нервное напряжение отпустило, стимуляторы уже не действовали, и Вадиму пришлось придержать товарища, когда тот пошатнулся.

— Нормально, Дима. Прорвемся.

— А мой-то транспорт улетел… — Внезапно с тоской произнес Мелех, глядя на светлеющие, хмурые небеса. Опоздал я к старту…

— Догонишь. — Успокоил его Вадим. — Строится еще один колониальный транспорт, для тех, кто осуществляет сейчас последний регламент Барьера.

— А ты летишь?

— Собирался. Теперь не знаю, как получится. Не нравится мне история с дройдами. Кто-то решил сыграть против нас по-крупному, только кто, и зачем пока не пойму.

Россия. Юго-восточный сектор Барьера.

Сегмент 743.

Трое суток спустя…

Их встретили у КПП охранной зоны барьера.

— Начальник заставы старший лейтенант Сергунин! — Четко отрапортовал немолодой уже остроносый офицер, демонстрируя отличную строевую выправку.

— Вольно. Мы не проверяющие. — Вадим весело подмигнул Диме. — На усиление к вам прибыли. Спецназ ВКС. Давай знакомиться старший лейтенант, — это капитан Мелех.

— Дима — Мелех пожал узкую, но необычайно сильную ладонь.

— А я майор Туманов, можно просто — Вадим.

— В связи с чем усиление? — Спросил Сергунин. — Спецназ ему был не в новинку, но ведь прибыли не рядовые бойцы, а старшие офицеры, значит, элита. Судя по их обветренным лицам — точно не из штаба.

— А что сказано в формулировке приказа? — Прищурился Вадим.

— Да непонятно ничего. Общие фразы одни. Привести сегмент в полную боевую готовность, ждать распоряжений.

— Вот и мы — до особых распоряжений. — Закруглил тему Вадим.

— Ясно. Ну, пошли, свое «хозяйство» покажу.

Они миновали КПП, где Мелех и Туманов дали отсканировать имплантированные чипы, и закончив таким образом с формальностями (данные об их прибытии были переданы на заставу заранее), оказались внутри охранной зоны Барьера.

Нужно сказать, что вид преграды, отделяющей мертвые пространства пустошей от территории России, впечатлял.

Здания казарм, наблюдательные вышки, десятиметровая бетонная стена периметра, внутри которой располагался целый мир электронных боевых и климатических систем, — все терялось, выглядело маленьким едва ли ни ничтожным перед самим Барьером.

По сути Барьер представлял собой фронт пятидесяти километров в глубину где осуществлялся постоянный конвекционный обмен воздушных масс.

Пятидесятикилометровое пространство так называемой «зоны отчуждения» делилось на два защитных пояса. В первом, граничащим непосредственно с периметром укрепрайона были установлены микроволновые излучатели, настроенные на разогрев воды, пар, поднимаясь вверх, нес специальные вещества, связующие радиоактивные частицы, он же разогревал основной объем воздуха, над Барьером, образуя нечто похожее на щит, из влажного постоянно стремящегося вверх воздуха. Визуально Барьер поднимался выше слоя облачности и был немного наклонен в сторону пустошей. Изнутри структуру барьера дополнительно поддерживали электромагнитные поля, генераторы которых, так же как и СВЧ-излучатели[8] работали от энергии, вырабатываемой конвекторами вещества.

Второй рубеж, граничащий непосредственно с Пустошами, брал свое начало на высоте нескольких тысяч метров, где массы подогретого и увлаженного воздуха охлаждались, конденсируясь в облака и выпадая на землю в виде ливневых осадков, которые, благодаря существующей на границе барьера и Пустошей многокилометровой бетонной «отмостки»,

стекали по уклону в сторону безжизненных земель. При этом часть вод через систему заглубленных под Барьером очистных сооружений попадала обратно, пройдя естественную и дополнительную фильтрацию, для вторичного использования в испарителях СВЧ-излучателей.

Специальные атмосферные процессоры, так же созданные в рамках программы колонизации Новой Земли, распределенные вдоль границ России, обеспечивали нужные области давления и направления ветров, которые поддерживались целостность структуры Барьера.

Таким образом, в пятидесятикилометровой зоне благодаря постоянному конвекционному обмену, воздушные массы очищались от радиоактивных частиц и иных примесей, а потоки воды уносили вредоносные элементы прочь; на границе с Пустошью при этом образовывался пояс особо загрязненной территории, где круглосуточно работали кибернетические механизмы, созданные в рамках проектов планетного преобразования, — они не перерабатывали зараженный слой почвы, а пропускали его через конвекторы, превращая в энергию, от которой в свою очередь питались многие второстепенные установки Барьера.

Десяти, а порой и двадцатиметровые укрепления, сплошной стеной опоясывавшие периметр границ России, служили как для размещения аппаратуры управления и контроля Барьера, так и для отражения угроз, исходящих со стороны мутантов и большого числа кибернетической техники, частично пережившей ядерные удары, частично же десантированной в район боевых действий уже в ходе развития Американо-Азиатского конфликта.

Вид Барьера завораживал: перед глазами стороннего наблюдателя постоянно змеилось марево миражей поднимающегося вверх воздуха, в десяти-пятнадцати километрах клубился и бушевал грозовой фронт, низвергались ливни, в пространстве между восходящими воздушными потоками и зоной постоянных осадков клубился туман, разряды молний рвали перенасыщенный влагой воздух, отдаленный гром рокотал, как постоянное фоновое шумовое сопровождение работы Барьера, — рукотворные стихии не успокаивались ни на минуту, ограждая огромное пространство, где по-прежнему зеленели леса, текли реки, а миллиардная армии я машин постепенно приступала к реконструкции опустевших городов-мегаполисов, чтобы новым поколениям землян не приходилось простаивать в пробках или терпеть неудобства из-за стихийного роста урбанизированных центров.

…Мелех и Туманов в сопровождении Сергунина лишь мельком

взглянули на величественную панораму Барьера. Они видели его не раз и вблизи и издалека, офицеры так же были прекрасно осведомлены, что приграничные сектора оснащены не только климатическими установками, но и особыми боевыми сегментами, обеспечивающими безопасность и неприкосновенность границ.

* * *

Утро следующего дня выдалось спокойным.

Когда Вадим проснулся, Мелех уже давно встал и в ожидании командира занимался на свежем воздухе, восстанавливая утраченную в плену физическую форму.

— Ну, ты Дима особо-то не напрягайся. — Произнес Вадим, залюбовавшись, как капитан выполняет гимнастические фигуры на турнике.

— Нормально. — Мелех коснулся ногами земли, удержал равновесие и широко улыбнулся. — Ох, спасибо тебе Вадим. Никогда не забуду. Веришь, злость копил, а дома оказался, все как будто исчезло куда-то в землю ушло. Чувствуешь воздух какой… пьянящий, не то что за Барьером. Дышал бы и дышал…

— Ну, так кто ж тебе не дает. — Усмехнулся Вадим, искренне радуясь хорошему настроению друга.

— А на душе все равно неспокойно как-то. Саднит, не могу понять почему. — Мелех отряхнул ладони взял форменную куртку и предложил:

— Пошли, что ли завтракать?

— Ну, пойдем. Не знаю, что тебя так тревожит, я лично пока беды не чувствую.

— Ну, каждый ведь по-своему все ощущает, верно?

— Да ладно. Посуди сам, в мире у нас потенциальных врагов не осталось. Ядерное оружие ликвидировано.

— А на усиление нас с тобой зачем послали? — Не унимался Мелех.

— Чтобы не расслаблялись. — Решил отшутиться Туманов. — Стаю псоранов заметили со спутников, ну думают все, надо капитана Мелеха посылать, он в пустошах столько времени провел, без него никак не справятся с обороной сегмента.

Так, перешучиваясь, они дошли до офицерской столовой.

— А сам, почему решил улететь? — Спросил Мелех, присаживаясь за стол.

— Сложный вопрос. С одной стороны здесь дел уйма, но хочется чего-то иного. Устал я. Не подумай, что бегу, но, — в глазах Туманова

промелькнула искорка, — другая планета. Такой шанс выпадает раз в жизни. А старушка Земля пусть отдохнет от нашей суеты, правильно решили на высшем уровне — границы надежно защищены, глобальных внешних врагов не осталось, а по мелочи разберутся те, кто твердо решил остаться. Думаю, на Новой Земле наш с тобой опыт будет востребован в полном объеме…

— Мелочи, говоришь? — Мелех все не унимался, не мог успокоить своего дурного предчувствия. — А перепрограммирование сервомеханизмов? Кто за этим стоит? Боюсь, не всех внешних врагов мы учли, или рановато кого-то из них списали со счетов. Подумай сам — территория России, почти не тронутая потрясшими планету катаклизмами — какой лакомый кусок для тех, кто выжил после ядерного конфликта?

— Дима, не перегибай. Мы же не отказали ни одному человеку, кто просил убежища. В обмен на полное уничтожение ядерного оружия мы рассылали эвакуационные и гуманитарные миссии по всей планете. Барьер — не «железный занавес».

— Да понимаю… Жизней мы спасли много. Но есть и такие народы, что отказались и от помощи, и от эвакуации на Новую Землю.

— Они сделали свой выбор. Не насильно же их загонять на борт колониальных транспортов. А нашей территории им не видать. Отсюда начнется не много ни мало — возрождение биосферы Земли, а вместе с ней и обновленной цивилизации…

Кибермеханизм, наконец, принес завтрак, начал расставлять тарелки, и в этот момент здание офицерской столовой потряс чудовищной силы удар.

Мелеха и Туманова спасла реакция. Они десятым чувством ощутили приближение угрозы за доли секунды до рокового удара, и оба машинально рухнули на пол, так что метель острых осколков, от разлетевшихся вдребезги прочнейших стеклопакетов, пронеслась над ними, словно искрящаяся буря.

Несколько секунд оба лежали неподвижно, после оглушительного грохота пришла ватная тишина, в которой внезапно раздался скрежещущий звук оторвавшейся от потолка декоративной балки, протяжный скрип и вновь тишина, лишь далеко в районе укреплений 743 сегмента коротко взвыл и тут же смолк ревун тревоги.

— Живой? — Мелех осторожно привстал, стряхивая звонкое острое крошево.

— Вроде бы… — Отозвался Туманов, стирая кровь с порезанной щеки.

В офицерской столовой к моменту удара находились только они.

Мелех быстро осмотрелся, оценивая масштаб разрушений.

Передней стены, выполненной из стеклопластика, попросту не существовало, вся мебель оказалась снесена к дальней стене помещения, повсюду — в подпирающих потолок колоннах, опрокинутой барной стойке, предметах меблировки торчали гранулы лопнувших под сокрушительным ударом взрывной волны стеклопакетов, опрокинутый набок сервомеханизм и тот не выдержал — из его корпуса, пробитого в нескольких местах, сыпали искры и высачивался сизый дымок.

Немое потрясение прошло, взгляд Мелеха метнулся дальше: за зданием столовой открывался вид на недавние лесопосадки, — большинство деревьев накренило в сторону Барьера, некоторые были сломаны, будто спички, часть вообще выворотило с корнем, а дальше, над искалеченным лесом, к низким облакам поднимались пять или шесть смолянисто-черных грибовидных выбросов, сквозь которые просвечивали сполохи оранжевого пламени, — багряные зарницы вспыхивали часто и беспорядочно, подсвечивая плотные облака, смешивающиеся с чадными выбросами от взрывов.

— Склады РТВ… — Мрачно прокомментировал Вадим.

Лишних слов не требовалось. Оба прекрасно понимали — произошло нечто непоправимое.

— Бегом к сегменту! — Стряхивая оцепенение, приказал Туманов.

* * *

В казематах[9] 743 сегмента царила гулкая тишина, которую рвал охрипший голос старшего лейтенанта Сергунина:

— Я без тебя инструкции знаю! Спутниковый канал передачи данных накрылся! На каких еще частотах мне выходить? Связь со штабом давай!

За пять минут, прошедшие с момента взрыва, весь личный состав сегмента уже экипировался и находился на своих местах, согласно боевого расчета.

Мелех и Туманов не отвлекая Сергунина, проскочили к оружейной комнате, получили доступ и тут же начали экипироваться по полной боевой, так словно им предстоял выход в Пустоши.

Хриплый голос старшего лейтенанта долетал и суда, судя по обрывкам фраз, начинался бардак, спутники внезапно отключились, вся сеть оперативного управления накрылась, видимо взрывы повредили и кабельную связь, раз Сергунин задействовал радиочастотный передатчик.

Через минуту он сам появился в оружейке.

— Что там Саша?

Лицо Сергунина было бледным, по щекам расползались пунцовые пятна.

— Радиочастоты глушат, кто-то в тылу близко к Барьеру распылил генераторы помех. — Наконец произнес он. — Единственное что удалось узнать — подорваны склады РТВ.

— Кем? — Хмуро уточнил Мелех.

— Не знаю. Туда с утра направлялась комиссия в связи с последними событиями. Может диверсия, а может…

— А может перепрограммированные сервомеханизмы решили проявить инициативу. — Угрюмо произнес Мелех. — И склады рванули наши.

— Почему ты так решил?

— Мощность взрывов. — Скупо пояснил Дима. — Либо сработала система самоликвидации, либо кто-то вогнал сразу в несколько конвекторов закритическую массу вещества.

— Приказ успел получить? — Обратился к Сергунину Вадим.

— Успел. Защищать сегмент по схеме круговой обороны. Не допустить разрушения конвекционных установок, обеспечить стабильность работы Барьера. Любой ценой. Все. Дальше связь оборвалась. Глухо на всех частотах. Кабельные линии молчат. Спутники сначала отключились, а затем с них началась вирусная атака.[10] Можете представить?! С наших спутников! У меня половина систем сегмента едва не накрылась!

Новости безрадостные. — Подумал Вадим. Глядя на бледного Сергунина и мрачного Мелеха, он пытался ответить на вопрос: кто? Кто осуществил диверсию, кто попытается атаковать Барьер?

На ум ни шло ничего боле или менее правдоподобного.

— Так, мужики, — обратился он к офицерам. — Приказ нами получен. — Не будем уповать на временные сбои, масштаб технокатастрофы на складах РТВ, на мой взгляд, не случаен. Если там отработали диверсионные группы, подобная акция — начало войны. Если склады подорвали наши, что я допускаю с большей вероятностью, значит, существует реальная сила, которая намерена прорвать Барьер. Глобальными вопросами сейчас занимается командование у нас же — участок границы в зоне ответственности гарнизона сегмента. Как бы не складывалась ситуация, в штабе сейчас рассчитывают что каждый гарнизон закроет свой участок границы. Исходя из сказанного, и нужно действовать. Со схемой обороны сегмента мы знакомы, командование по-прежнему

остается за старшим лейтенантом Сергуниным, а мы с капитаном Мелехом в твоем распоряжении Саша, можешь спрашивать наше мнение, можешь затыкать нами дыры, короче — командуй.

Сергунин кивнул. Его лицо по-прежнему хранило следы бледности, но пунцовые пятна со щек исчезли.

— В общем, так, — начал он, облачаясь в боевую экипировку. — Сегмент, как вы оба знаете, изначально планировался, исходя из возможности круговой обороны. Я отрядил один взвод в тыловые укрепления, им придана боевая планетарная машина.

— Под управлением киберсистемы? — Спросил Мелех.

— Да.

— Я бы перевел ее на полуавтомат. Спутники просто так из строя не выходят.

— Согласен. — Кивнул Сергунин. — Далее, в нашем распоряжении еще два взвода и тридцать сервомеханизмов боевой модификации. Плюс к этому в резерве три БПМ. Сегмент оборудован двумя ракетными и двумя орудийными батареями, в трех точках расположены лазеры главного калибра, но их применению на дальних дистанциях мешает работа Барьера.

— Кто сейчас на передовых позициях за зоной осадков?

— Сервомеханизмы. Там же продолжают работу пять автоматических преобразователей, снимающих зараженные участки грунта и конвектирующие их в энергию.

— Я бы поступил так, — подал голос Туманов. — Нужно перераспределить личный состав. Так чтобы люди и сервомеханизмы составляли смешанные группы. Будет надежнее в случае внезапного отказа или неадекватного поведения киберсистем. Второе — преобразователи остановить, переключить установки Барьера на внутренние источники энергии. Пусть накопление радиоактивных осадков и полоса загрязненной почвы своим повышенным фоном радиации создадут дополнительное препятствие живой силе и технике вероятного противника. В конвекторы очистительных машин загрузить закритические массы вещества, чтобы их можно было подорвать в любой момент дистанционной командой. Далее, предлагаю сформировать две мобильные группы, которые возглавлю я и капитан Мелех. Мы забираем две БПМ и выдвигаемся за зону осадков Барьера, в передовые укрепления. Кабельную связь протянем за собой. Таким образом, мы сможем даже при отказе датчиков периметра обнаружить противника, скорректировать огонь батарей сегмента, в общем, встретить гостей на дальних подступах. Если силы окажутся неравны, мы подрываем очистительные машины и отходим за Барьер. Ну, что скажешь,

Паша?

Сергунин кивнул.

Он на мгновенье поймал себя на мысли, что не понимает делового (пусть и сумрачного) спокойствия двух офицеров спецназа ВКС. Конечно, они не раз ходили за Барьер, у них огромный боевой опыт, но ему, старшему лейтенанту, впервые столкнувшемуся с реальной, но непонятной пока угрозой, было по человечески страшно, он даже растерялся в первые минуты: казалось, что все вокруг должно быть наполнено суетой, многозначительными приказами, а не такими вот, произнесенными обыденным тоном словами — ну что мы возьмем людей, пару БПМ и встретим там за Барьером *неведомую силу*.

— Тогда не будет тянуть время. Ты лучше знаком с личным составом, выделяй людей, формируй группы, и начнем выдвигаться.

* * *

Минут через десять огромные ворота, предназначенные для пропуска техники через сегмент границы, медленно дрогнули и начали открываться.

Две боевые планетарные машины показались в проеме и, выехав за пределы укреплений, тут же начали расходиться в стороны. Вслед за ними со специальных укрепленных в корме бобин разматывались бронированные оптические кабели.

…Мелех вел свою машину через узкий проход, где на время прохождения техники были отключены СВЧ-излучатели. Как только обе БПМ преодолели границу рубежа разогрева воздушных масс, за их кормой вновь начало струиться знойное марево.

Теперь планетарная машина с четырьмя людьми и тремя боевыми сервомеханизмами на борту двигалась прямо на грозовой фронт, где из-под клубящихся свинцовых туч били редкие в этот час разряды молний, и шел проливной дождь.

На некоторое время экраны обзора заволокло мутью, но Мелех не включил датчики активного сканирования, направление на передовые укрепления он запомнил, а выдавать свое продвижение противнику, который, возможно, уже находится на подступах к Барьеру, он не собирался.

Наконец под покрытыми полимерным составом траками гусениц боевой машины появилась наклонная отмостка, по которой дождевые воды стекали в сторону Пустоши. Не снижая хода, Мелех осмотрел горизонт, но пока ничего подозрительно не заметил, лишь вдалеке у самого горизонта виднелись непонятные и, к сожалению, недосягаемые для сканеров БПМ

черные образования, похожие на очень далекие застывшие смерчи.

Не встречая сопротивления БПМ съехала по полорогому пандусу в специально оборудованный капонир откуда расходились бетонированные ходы сообщения, связывающие между собой командный пункт и четыре долговременные огневые точки.

Загнав боевую машину на позицию огня, он коротко распорядился:

— Долматов, машину в полуавтоматический режим. Остаешься тут. Следить за подступами, сканирование горизонта каждую минуту. Остальным — по огневым точкам, активировать оборудование и доложить. БС-2,[11] взять бухту кабеля связи и проложить канал обмена данными между данным укреплением и точкой номер два, — он коснулся указательным пальцем осветившегося экрана и прочертил для сервомеханизма маршрут движения.

Тот, делово перебирая четырьмя конечностями, ловко отсоединил одну из панелей внутренней обшивки БПМ, достал резервную бухту оптического кабеля и, выбравшись из машины, засеменил к КП.

— Все ребята, не расхолаживаемся. — Мелех вылез из БПМ через люк на скате лобовой брони. — Пока ничего страшного на нашем участке не происходит. В ближайшее время максимум бдительности. Доклад с огневых точек каждые пять минут. Смотрите в оба, подмечайте каждую мелочь, доклад на КП о любом подозрительном движении только поощряется.

* * *

Командный пункт передового рубежа обороны представлял собой бетонный бункер с автономными системами жизнеобеспечения, герметизации, связи, здесь было все, чтобы несколько человек, управляя комплексами автоматического огня, могли надолго сковать превосходящие силы противника.

Впереди за пологим бетонным спуском виднелась старая линия границы — на бетонных столбах натянута побитая ржавчиной колючка, контрольно-следовые полосы размыты дождями, редкие покосившиеся вышки, кое-где обрывки проводов и нефункциональные комплексы устаревших детекторов.

Сзади царил Барьер, за мглой непрекращающегося ливня не были видны мощные укрепления 743-го сегмента.

Туманов проверил работу всех терминалов боевых систем, доложился Сергунину, затем, когда на панели связи зардел индикатор вызова, ответил:

— Да, Дима, Слушаю. Как у тебя?

— Тихо. Пока. Между нами, Вадим, ты понимаешь, что происходит?

— Понимаю. Будет атака границы.

— Откуда вывод?

— Спутниковую сеть вырубили. Подумай сам, кто и для чего приложил немалые усилия, чтобы заблокировать орбиту?

— Кто — не знаю. А зачем — тут и думать нечего. Любой сегмент границы при работающем Барьере без информационной поддержки орбитальной группировки окажется глух и слеп. Вынесенные на передовую линию датчики я в расчет не беру, долго они не продержатся.

— Потому и вызвался?

— Ты же видел, Сергунин растерялся. Парень он неплохой, но боевого опыта у него нет.

— Значит, мы с тобой одинаково мыслим. Короче — пока все тихо — сидим и наблюдаем. Позиции хорошие, с хода нас не сомнут. Будем корректировать огонь батарей сегмента, раз уж орбитальной поддержки нет.

— Согласен.

* * *

Ближе к полудню в воздухе появилась пыль. Датчики фиксировали всевозрастающее число мелких радиоактивных частичек, которые гнал на барьер усилившийся ветер. Непонятные темные образования у горизонта придвинулись чуть ближе, но все равно даже в самые мощные электронно-оптические приборы было невозможно различить, что именно они из себя представляют.

Зато Вадим заметил другое, — со стороны Пустоши к передовым укреплениям сегмента медленно приближалась неровная, колышущаяся полоса.

Внимательно присмотревшись и включив анализ, изображения он понял, что на дистанции семидесяти километров, растянувшись по всему обозримому пространству Пустоши, к Барьеру приближается даже не стая, а *сонмище* псоранов.

Неведомая сила гнала их вперед, прямо на укрепления, мутировавших псов было так много, что их масса на миг показалась всесокрушающим валом оскалившейся плоти, многие псораны, не выдерживали бешеной гонки, падали, и их тут же разрывали в клочья или втаптывали в безжизненную, потрескавшуюся землю более сильные, выносливые собратья.

Для неподготовленного человека зрелище нужно сказать —

ужасающее, способное ввергнуть в панику, но ровный голос Туманова прозвучавший по внутренней связи пресек ее еще в зародыше:

— Внимание всем, — загерметизировать огневые точки, огня по животным не открывать, пусть рвутся через Барьер, там их СВЧ-излучением изжарит. Понятно? Никому не дергаться, боеприпасы не тратить, стеклобетон и броня им не по зубам!

Дождавшись утвердительных докладов, он связался с сегментом:

— Саша со стороны Пустошей приближается лавина псоранов. Сосчитать не могу, десятки тысяч особей. Закрой все проходы нижнего уровня! Главное не паникуй. Их остановит зона конвекции воздушных масс!

— Понял тебя. От кого они бегут?

— Пока не знаю. Думаю все худшее впереди, так что нервы и боеприпасы надо беречь.

— А если не выдержат СВЧ-установки?

— Не знаю. Возможно, так и задумано. Но выбирать нам не из чего. Вариантов нет. Закрой сегмент наглухо, чтобы на нижнем ярусе ни одного отверстия не осталось.

— Хорошо, до связи.

Вадим переключил канал.

— Дима как твои?

— Нормально. Детишек тут нет, псоранов все видели. Одно хреново — датчики они попортят.

— Отстрелим новые. Волну мутантов надо перепустить. Пусть катятся к Барьеру.

— Путь к отступлению нам отрежут. — Высказался Мелех.

— Я пока не вижу от кого отступать. — В тон ему ответил Вадим. — Держим позиции.

— Добро. — Дима отключился.

Лавина *нечисти* приближалась. Туманов — нормальный человек и симпатий к псоранам у него было — ноль. Еще меньше теплых чувств он испытывал по отношению к разработчикам генных модификаторов, но то отдельная песня. До них не дотянуться, вовремя унесли ноги на Марс, теперь там пытаются превратить планету Бог знает во что.

А их исчадия, вырвавшись из хранилищ секретных лабораторий, фактически уничтожили всю фауну региона. Вообще штаммы генетических модификаторов «затачивались» под отдельные виды животных, существовал модификатор, специально созданный для людей, но воздействие выпущенного на волю генетического оружия оказалось

глобальным.

Животные и люди заражались, заболевали, их тела испытывали мучительную, в большинстве случаев несовместимую с понятием «жизнь» перестройку, в итоге процентов тридцать людей, собак, некоторые виды приматов, еще волки, шакалы и лисы сумели выжить, но превратились в злобных, необычайно сильных, мало сообразительных тварей, которые за последние годы вдруг стали размножаться в чудовищных количествах, став настоящим бичом Пустошей.

Наблюдать за приближением сонмища исчадий генетических деформаций было по-настоящему жутко, но Вадим заставил себя смотреть на экраны, — позволить себе отвести взгляд, хоть на миг потерять контроль над обстановкой он не мог.

Десятки тысяч мутировавших животных только издали казались ровной, равномерно приближающейся линией, на самом деле наиболее выносливые вырвались далеко вперед, образуя отдельные группы, вот они достигли рубежа старой границы и, не останавливаясь, кинулись на заграждения из колючей проволоки, часть псоранов запуталась, повисла в цепких спиралях, пущенных по верху символического ограждения, они барахтались, пытаясь вырваться, кровь из глубоких порезов брызнула на безжизненную землю, и при ее виде, запахе, их сородичи будто взбесились: они рвали еще живые тела, сцеплялись между собой в яростных схватках из-за куска вырванной вместе с шерстью плоти, а сзади на них уже накатывали, напирали новые и новые волны мутантов.

Еще минута и они прорвали жиденький заслон старой пограничной линии, захлестнули, словной волна прибоя, передовые укрепления, в бункерах, не смотря на звукоизоляцию, слышался жуткий вой, царапанье когтей по металлу и стеклобетону, установленная в капонире БПМ полностью скрылась под живой массой тел, Вадим смотрел на жуткое зрелище, понимая, что в данный момент неистовая волна гонимых непонятной силой мутантов нахлынула не только на 743-й сегмент, они наступали по всей границе с пустошами.

— Сохранять спокойствие. — Произнес он в коммуникатор, когда внезапно один за другим начали отключаться датчики наружного наблюдения. — Потеря сканеров восполнима. Долматов, ты там как?

— Нормально. По броне сплошной скрежет. В камеры ничего не видно, одна шерсть псоранья…

— Отстрели пару комплексных датчиков.

Секунд через десять дважды хлопнуло электромагнитное орудие боевой планетарной машины, выстреливая в небеса капсулы с нанопылью.

Высокотехнологичные микрочастицы выметнуло из раскрывшихся контейнеров на километровой высоте, и они начали медленно рассеиваться над площадью, транслируя не только показания микросканеров, но и видеоизображение.

Часть мутировавших собак, испугавшись хлопков и резкого движения стартовавших капсул, бросилась в разные стороны, другие все еще пытались процарапать бетон и броню, но основная масса уже ринулась к Барьеру — их манил запах влаги.

Вода в Пустошах драгоценна.

Псораны сотнями исчезали во мгле линии осадков, жадно пили из луж; сзади все напирали и напирали их сородичи, в нескольких местах началась грызня, но основная масса мутантов вольно или невольно продвинулась дальше, оказавшись в зоне СВЧ-излучателей.

Микромашины, рассеявшиеся по площади в несколько квадратных километров, парили по воле воздушных потоков, транслируя на экраны контрольных устройств леденящие разум картины: животные, попавшие в зону микроволнового излучения, мгновенно ощутили адскую боль, в их организмах сворачивалась кровь и вскипали жидкости, псораны крутились на месте, падали в каналы с нагретой водой, вцеплялись друг в друга в последнем злобном усилии, некоторые трупы рвало на части, мертвые тела в считанные минуты наполнили канал, и в зоне конвекции начала расти баррикада из мертвых тел.

Зрелище не для слабонервных.

В воздухе вместо знойного марева повисла тошнотворная вонь.

Никто не понимал смысла происходящего, пока на командной частоте не раздался голос Сергунина:

— Резко упала эффективность СВЧ-излучателей. Конвекционная зона теряет стабильность. Испарение влаги уменьшилось вдвое!

— Сколько продержится Барьер?

— Полчаса не больше.

— Очистить каналы для испарения влаги возможно?

— Если отключить излучатели!

— Действуй! Выводи тяжелую технику, пусть убирает трупы из каналов испарителей. За полчаса критического загрязнения не возникнет. Дождь в зоне осадков продолжает идти. Есть связь с атмосферными процессорами?

— Только с одним.

— Потребуй, чтобы сформировали воздушные потоки, направленные в сторону пустошей. Нам еще генетической заразы только не хватало!

— Уже связался. Сейчас сделают. Как у вас?

— Псоранов стало меньше. У горизонта непонятные образования черного цвета. И еще, Саша, только спокойно, — наномашины обнаружили слабые, множественные сигнатуры. Похоже, к нам приближается какая-то техника под прикрытием фантом-генераторов.

— Что за техника ты можешь уточнить?!

— Пока не могу. Спутники отрубились, забыл? Чисть испарители и перезапускай Барьер, мы тут пока разберемся, что к чему!

— Хорошо я на связи. Сейчас чем помочь?

— Одну ракетную батарею в режим распределенных запусков. Боевые части оснастить генераторами ЭМИ.[12] Я сейчас дам координаты, по которым бить.

— Давай. Жду!

* * *

Капитан Мелех на своем КП слышал разговор Туманова с Сергуниным.

«Неявные сигнатуры…»

Сыпать проклятьями в адрес спутниковой группировки бесполезно, «хакнули» ее, лысому ежику-мутанту понятно… Псораны с какого-то перепуга на Барьер ломанулись. Ладно… Сейчас батарея отстреляется генераторами ЭМИ, посмотрим какие вы «неявные»…

Со стороны сегмента полыхнуло семь вспышек одиночных запусков, и почти сразу, словно из ниоткуда над пустошью резануло с десяток лазерных лучей. Две ракеты взорвались в воздухе, остальные успели задействовать установки электромагнитного импульса.

Мир на экранах как будто обрел краски, наполнился новыми смыслом: по пустоши редкой цепью продвигалась разномастная бронетехника, между юркими БПМ китайского производства ползли, поднимая траками гусениц пыль, автоматические штурмовые орудия «Август» европейского производства, чуть впереди сорванная вуаль фантом-генераторов показала установки залпового огня, уже встающие на позиции, а вдалеке колонну танков.

В первый миг даже видавший виды капитан оцепенел. Откуда столько бронетехники? В мире не осталось боеспособных армий, разве что у государств центральной Африки и южной Америки, а тут… Он метнулся взглядом вправо, влево, но везде, куда доставали датчики наномашин над пустошью поднимались шлейфы пыли и знойными миражами дрожали контуры тяжелобронированных машин, — пестрого, но боеспособного

сборища, которое атаковало границу России.

Тем временем облако нанопыли постепенно снижалось и рассеивалось, теперь даже включившиеся после удара электромагнитного импульса фантом-генераторы не могли постностью скрыть сигнатуры вражеской техники.

Стволы самоходных штурмовых орудий поползли вверх.

Батарея установок залпового огня уже встала на позицию.

— Внимание Сегмент, даю телеметрию, фиксируйте координаты целей! — Раздался в коммуникаторе голос Туманова.

Сергунин не растерялся, все батареи укрепрайона открыли беглый огонь, упреждая удар противника, пустошь мгновенно превратилась в кромешный ад, — вал земли в тридцати километрах от передовых рубежей встал сплошной стеной разрывов; в ответ по невидимому за барьером сегменту огрызнулись установки залпового огня… нет не по сегменту, по СВЧ-генераторам и тяжелым бульдозерам, пытавшимся расчистить каналы испарителей, от наполнивших их трупов псоранов.

Проклятье. Вот зачем им нужна была бесноватая лавина мутантов. Микроволновое излучение при резком увеличении мощности способно подорвать снаряд или ракету на подступах к Сегменту, а теперь…

Теперь придется туго. Ой, как туго, — второй залп, произведенный по данным снижающихся наномашин, накрыл батарею «Смерчей», но в ответ издалека, фактически от горизонта тяжело ухнули приглушенные, сливающиеся в рокот хлопки и, спустя несколько секунд, над передовыми укреплениями пронесся вой: гаусс-снаряды, против которых бессильны противоракетные и зенитные комплексы ударили непосредственно по Сегменту, заставив почву содрогнуться, как при землетрясении…

— Сергунин, ты живой?! — Не выдержав, выкрикнул Мелех.

Секунда тишины.

— Живой… Только что на минуту восстановилась связь с округом. Я доложил. Нас прикроют штурмовики.

— Продержишься?

— А мне что остается? Сегмент им одним залпом не разбить. Тут им гауссы не помогут.

— Надо восстанавливать СВЧ! — Вмешался в их диалог Туманов. — Повреждения сильные?

— Одна секция — обрыв питания. Послал технических сервов. Два бульдозера в куски разнесло. Остальные чистят. Еще километр, как минимум.

— Включай посекционно! Как только штурмовики пройдут, сразу

включай!

В этот момент опять заговорили орудия с Пустоши.

* * *

В первые минуты боя Вадим ощутил внутри себя пустоту, граничащую со злым недоумением.

Неужели все, что им говорили — ложь?

Ну не могли так ошибаться в генеральном штабе, когда говорили, нет — утверждали, в своем докладе, что в мире нет по-настоящему боеспособных армий, а уж на евразийском пространстве — тем более.

Исходя из данного постулата выстраивалась и колониальная политика, и все остальное, вплоть до конструкции Барьера, являющегося препятствием для радиации, зараженных опасными выбросами воздушных масс, микроорганизмов, а Сегменты, расположенные на сопрягающихся участках, создавались как пункты технического обеспечения Барьера и лишь во вторую очередь, как рубежи обороны против мутантов и остаточной боевой техники…

Он ведь сам лично много раз ходил с разведывательными заданиям в Пустоши, бывал даже на территории бывшего Китая, и ни разу (кроме последнего выхода) не сталкивался ни с таким количеством псоранов, ни уж тем более со скоплениями *исправной* боевой техники.

Как будто кто-то ждал пока девяносто процентов населения России будет доставлено на борт колониальных транспортов и те стартуют к далекой Проксиме Центавра, и не просто ждал, а тайно, не привлекая внимания, собирал боевую технику плодил псоранов, чтобы ударить в самый неподходящий момент, когда большинство людей покинет Землю…

Прошла минута или две тягостного бездействия — не мог же он схватить табельное оружие и бежать туда, откуда по сегменту били тяжелые штурмовые орудия…

Бред. Безумие. Мысль о самоорганизовавшейся боевой технике он отмел сразу, наверное, сила инерции мышления не позволяла ему представить, что за атакой на Барьер стоят не конкретные люди, а некая абстрактная в его понимании сила.

Мысли оборвал сокрушительный удар — очередной снаряд, не долетев до Барьера, разорвался на рубеже передовых укреплений.

Контрольные мониторы моргнули, на мгновенье погасли, но потом заработали вновь, хотя толку от них было мало, наномашины уже опустились почти до самой земли и передавали неактуальные данные, кабельная связь по-прежнему работала, — вслед за разрывом начали

поступать доклады с огневых точек, — ни один из бойцов не пострадал, больше досталось псоранам, которые все еще крутились на рубеже, чувствуя, что близко есть пожива, но не в силах добраться до людей.

— Наши летят. — Раздался в коммуникаторе неестественно-спокойный голос Мелеха.

Действительно высоко над Барьером промелькнули три оставляющие за собой инверсионный след точки.

Всего три штурмовика… Почему так мало? Где же наша техника, авиация?

Ответ на свои вопросы Туманов узнает много позже. Его недоумение было оправдано, но после атаки на спутниковую группировку командование не решилось задействовать механизмы управляемые киберпилотами. Никто не мог понять откуда пришел удар по спутникам, как неведомой силе удалось перехватить управление орбитальной группировкой, поэтому по всем военным базам и гарнизонам прошел срочный приказ: отключить от источников питания все кибернетические системы, смонтированные на борту мобильных ударных единиц.

В сложившемся положении вся надежда была только на людей, но среди оставшихся на Земле оказалось слишком мало пилотов, чтобы эффективно задействовать авиацию.

Конечно Туманов, как и большинство защищавших сегменты Барьера офицеров, не обладал всей полнотой информации, он лишь мог догадываться о причинах случившегося, да наблюдать, как исчезают среди хмурых облаков три точки штурмовиков, мысленно желая им удачи.

Работающие от горизонта тяжелые штурмовые орудия успела произвести еще два залпа, прежде чем замолчали навсегда, один из снарядов расколол стену сегмента, другой вырвал несколько кубометров бетона в районе расположения ракетной батареи, два других, попав почти в одно и то же место, пробили перекрытие верхнего яруса, где располагались ракетно-зенитные комплексы.

Туманов буквально сатанел оттого, что приходится быть статистом событий, он смотрел на экраны, где разворачивались эпизоды бесконтактного боя, — часть нанопыли ветром отнесло километров на пятьдесят, и он видел, как огрызается огнем соседний сегмент, значит, атака шла на широком участке границы…

Кто и зачем?

Два вопроса мучили его, от ответа, казалось, зависит очень многое.

— Дима?

— На связи. — Тут же откликнулся Мелех.

— Ты что-нибудь понимаешь?

— Думаю, не больше чем ты, Вадим. Но предчувствия меня не подвели. Утренний взрыв на складах РТВ, отказ спутниковой группировки, атака на сегменты, сложи все вместе…

— Да складываю. Не получается. Нас атакуют причем на широком фронте границы. Но кто? Заявляли же во всеуслышание — в мире нет более боеспособных армий…

— А против нас действует не армия. Ты же видел — пестрое сборище различной техники.

— Ладно. Видел. Допустим. Но кто ее собрал и двинул к границе?

— Знаешь, Вадим теряться в догадках нет смысла. Вторжение готовилось — это факт. Не обнаружь ты вовремя подмены нейромодулей у наших серийных андроидов, сейчас бы отбивались вкруговую и с фронта и с тыла. А кто за всем стоит, увидим, когда подползут поближе. Ясно одно — кто бы нас не атаковал — им необходимо жизненное пространство. Наш клочок биосферы, защищенный Барьером.

В этот момент раздался тяжкий удар разрыва, связь внезапно прервалась и вдруг события, развивавшиеся так невыносимо медленно, сорвались лавиной танковой атаки.

Передовые датчики, уцелевшие после прохождения сонмища псоранов, начали, наконец, передавать реальную информацию: на рубеже тридцати километров от линии границы разворачивалось в боевые порядки танковое соединение, усиленное двумя десятками БПМ китайского производства.

— Саша, принимай координаты, даю телеметрию с датчиков. Рубеж тридцати километров — танковое соединение противника!

Сегмент молчал. Очевидно несколько разрывов все же повредили бронированный кабель.

Проклятье…

— Долматов?

— Здесь.

— Срочно пошли кибермеханизмы, пусть тянут новый кабель. Что «куда»? К Сегменту!

* * *

Для старшего лейтенанта Сергунина происходящее выглядело кошмаром.

Все, чему его учили, исчезло. Где то самое «цифровое пространство боя» исходя из которого строилась система обороны границы?

Спутниковая система связи и раннего оповещения отказывалась работать. Вместо указаний на численность и состав противника по запросу автоматики Сегмента в ответ через каналы связи передавался программный вирус.

Отдельные модули кибернетической системы уже перешли на резервные цепи, изолировав неизвестный вирус отключением пораженных подсистем. Информационная атака с орбиты провалилась, но легче не стало. Сергунина учили стратегии и тактике бесконтактного боя, когда огонь по противнику возможен задолго до того, как тот появится в поле прямого зрения, но собственные датчики сегмента бессильны — слишком велико расстояние и их работе мешает Барьер, а те, что вынесены вперед, практически уничтожены бесноватой волной псоранов.

Что оставалось в сухом остатке?

Был он, немая аппаратура, ждущая его распоряжений в режиме жесткой автономии, и *обязанность* защитить участок границы, не допустить отключения Барьера.

Он находился на грани паники. Какие приказы отдавать? Как противодействовать невидимым соединениям, ведущим огонь по Сегменту, находясь при этом за пределами видимости?

Очередной удар потряс стены.

Связи с передовыми укреплениями не было уже пять минут. Единственной доступной для Александра информацией являлись сведения, переданные наномашинами, но опираться на них уже поздно — подразделения противника после нанесения удара сменили позиции — того требовала элементарная тактика боя.

Единственно, что удалось сделать Сергунину — ценой потери четырех автономных кибермеханизмов очистить каналы испарителей, возобновив тем самым непрерывный конвекционный обмен воздушных масс.

Стаи псоранов не отступили, но теперь животные опасались приближаться к СВЧ-излучателям, они ушли за зону осадков, к передовым позициям сегмента.

Сергунин чувствовал, что начинает ненавидеть себя. Вокруг происходили события, а он как будто не хотел становиться участником своего первого настоящего боя.

Нет связи, нет координат целей, нет информации о судьбе двух подразделений на передовых рубежах, — все заслонил Барьер.

Ну, так чего я жду? Пусть *стопроцентный* отказ спутниковой группировки и систем связи не рассматривался ни в одном из наставлений

по тактике современных боев, что же теперь? Сергунин понимал: или он сейчас найдет выход из создавшегося положения либо ему придется признать, что человек — ничто в мире высоких технологий, даже не винтик, а лишь статист, сторонний наблюдатель…

От мыслей стало холодно и страшно. Где-то далеко в пустошах за сотни, а может уже десятки километров отсюда, движется непонятная сила, приговорившая его и остальных ребят к смерти.

Он представлял ту мощь вооружений сегмента, что в автономном режиме ждала лишь указания на цели и его непосредственного приказа, а он медлил в нерешительности, мысленно оставаясь рабом высоких технологий, которые до сегодняшнего дня составляли основу его жизни…

Стены вновь содрогнулись — на этот раз попадания пришлись в самый край верхней части укреплений, вырвав и обрушив вниз несколько кубометров металла и бетона.

Все пережитое Александром заняло не более нескольких минут, вибрация, словно дрожь, прокатившаяся по уровням сегмента, вернула ему способность здраво мыслить, основой нового внезапного мироощущения стала злость, но рассудок вырвался из ступора и заработал, нервно болезненно, найдя, наконец, выход из положения.

Специальные средства, которыми оснащался Барьер, включали в себя рассеиваемые датчики, предназначенные для работы в условиях повышенной радиации и прочих помех. Раньше с их помощью осуществлялся мониторинг Пустошей, — ракеты, выпущенные из-за Барьера, летели параллельно земле, высеивая на поверхность десятки тысяч комплексных сканеров, — упав на грунт, те мгновенно активировались, образовывали сеть, передавая данные от прибора к прибору. В первые годы после ядерного конфликта, когда над Пустошами клубились радиоактивные облака, подобный способ являлся единственной возможностью передачи данных из регионов, удаленных на сотни километров от Сегмента.

Затем по мере исчезновения радиоактивных облаков от подобного метода отказались, но огромные многотонные ракеты, не обладающие собственными системами наведения, оснащенные лишь реактивным двигателем и снаряженные датчиками, по-прежнему хранились в артпогребах.

Им не смогут повредить разряды ЭМИ и установщики помех, траектория полета задавалась поворотом пусковой шахты, пусть они пролетят пятьдесят или сто километров, рассеивая датчики — это позволит контролировать все пространство перед Сегментом.

Руки Сергунина легли на покрытую текстоглифами сенсорную клавиатуру, вводя последовательности команд.

В ответ в недрах Сегмента гулко заработали боевые эскалаторы, подавая полуторатонные реактивные снаряды к зевам пусковых шахт.

* * *

Когда из стены дождя, взрывая ее облаками пара, вырвались выпущенные залпом два десятка полуторатонных ракет, ни Туманов, ни Мелех не поняли, куда направлен удар.

Первая мысль: Сергунин отчаялся получить данные по точной дислокации противника и приказал бить по площадям.

Однако минутой позже оба поняли, что недооценили смекалку старшего лейтенанта, ракеты шли прямыми курсами, расходясь «веером» от точки запуска, они практически стлались над землей, роняя комплексные датчики мониторинга зараженных территорий. Года два назад, когда над Пустошами постоянно клубились радиоактивные облака, такие приборы были незаменимы, потом радиация пошла на убыль, и к контролю подключили спутники. С тех пор практика рассеивания датчиков не применялась.

Первые сигнатуры появились в пятидесяти километрах от Сегмента.

Лавина боевой техники приближалась, четко проявилось деление машин на подразделения, которые постоянно маневрировали, постепенно сокращая дистанцию до Барьера.

Связь. Связь с сегментом!

В томительном ожидании пока технический сервомеханизм дотянет кабель (радиочастоты по-прежнему глушил противник), Вадим и Дмитрий рассматривали изображения, которые транслировали микрокамеры комплексных датчиков.

От техники, что приближалась к Сегменту не просто «фонило» — дозиметры фиксировали убийственное для человека количество рентген. Механизмы (в основном китайского производства) двигались неуверенно, часто ломая строй, по всему было видно, что управляющие ими кибернетические системы испытывают пагубное воздействие радиации, но, не смотря на частые остановки и сбои в управлении, армада бронетехники медленно, но неуклонно приближалась к рубежам российской границы.

Ракеты, выпущенные сегментом, отработали ресурс и упали в семидесяти километрах от передовых рубежей, но свое предназначение они исполнили: теперь вся площадь Пустоши перед фронтом границы была усеяна датчиками, передающими столь необходимые сведения.

* * *

Связь с Сергуниным восстановилась только спустя пять минут после запуска ракет.

За это время кибернетические системы передовых укреплений обработали полученные данные, и батареи, расположенные за Барьером, получили, наконец, точные целеуказания.

— Давай, Саша!

Орудийно-ракетный залп 743-го сегмента потряс землю, казалось, что позади передовых укреплений за зоной ливневых осадков начал извергаться вулкан, через несколько секунд суммирующий сигнал от сотен датчиков начал распадаться на отдельные каналы, разом включились все резервные мониторы, передавая калейдоскопические картины: стена огня поднялась над Пустошью, как будто мертвое пространство пересек огненный плуг, выворачивая в небеса тонны земли, перемешанной с обломками наступающих механизмов, дым упругими смерчами рвался к небесам, неистовый шквалистый ветер рвал дымные вихри, рассеивал плотно-оранжевые сгустки пламени, пыль поднимало концентрическими кругами и гнало вдоль земли упругими зримыми волнами.

Батареи Сегмента перезаряжались, когда от горизонта ударил ответный залп, за ним второй, третий…

— Пять батарей, как минимум! — Раздался по связи голос Мелеха. — Есть приблизительная дистанция по звуку и сейсмодатчикам!

— Саша, принимай данные! Второй залп по полученным координатам! Бей по площади!..

Последняя фраза потонула в грохоте: на этот раз по сегменту ударили не гаусс-снаряды, а ракеты с разделяющимися боевыми частями. Системы ПРО, расположенные на границе передовых рубежей, сбили часть из них, но процентов шестьдесят разделившихся боеголовок преодолели защитный рубеж; Туманов и Мелех ждали разрывов в зоне СВЧ-излучения, но их не последовало, — разделившиеся боевые части ракет шли на большой высоте и только оказавшись за Барьером, задействовали собственные реактивные двигатели, резко уходя вниз, по четким целеуказаниям с орбиты.

Земля вторично содрогнулась, часть аппаратуры в передовых бункерах сорвало с креплений, настолько силен был ответный удар, на минуту мир погрузился в полный мрак, стену дождя смяло неистовыми ударами взрывных волн, облака над Барьером вскипели, их рвало ураганным ветром, сквозь мглу пробивались сполохи разрывов, летели огромные глыбы бетона, ощерившиеся порванной арматурой, казалось, что

сегмент сейчас рухнет, не выдержав удара, но из сумрака вдруг часто и зло от самой земли замелькали вспышки запусков: били молчавшие до сих пор батареи стратегических ракет, наведенные по данным звуковых и сейсмологических датчиков.

Пылающие факелы многотонных реактивных снарядов, наискось вырывались из-под земли и уходили в растерзанные небеса, чтобы по короткой баллистической траектории ударить по площади Пустоши, откуда был произведен ответный залп.

Туманов, которого сбило с ног, встал, отряхивая бетонную пыль и тут же попытался связаться с сегментом:

— Саша, Сергунин, ты меня слышишь?

Удивительно, но канал связи работал.

Голос Александра был хриплым:

— Слышу тебя.

— Как у тебя?

Секунда тишины.

— Все мужики… Я отстрелялся… — Голос Сергунина был прерывистым, в нем чувствовалась боль. — Сегмент раскололо… Несколько уровней рухнуло… Меня замуровало на КП…

— Ранен?

— Задело… Бетонным обломком…

— Саша держись. Ты сделал больше, чем мог…

Вдали у горизонта, сквозь просветлевшую муть полыхнули отсветы неистовых зарниц.

— С их ракетными батареями покончено. Я уверен. Сам продержись! Мы с Мелехом вступаем в бой.

* * *

Связь с Сегментом снова оборвалась.

— Дима, наш выход.

— Знаю. Они в тридцати километрах. Развивают атаку. Наблюдаю около сорока танков, в сопровождении двух десятков БПМ.

— Ждем. Нервы в кулак и ждем. Огонь открывать на прямой наводке, у нас не так много шансов продержаться. Их наводят со спутников.

— Понимаю.

Туманов вновь сосредоточил все внимание на показаниях датчиков, рассеянных по площади Пустоши. Он сейчас не задавался вопросом: кто спланировал и осуществил атаку на сегменты семисотого участка границы, — ясно, что не люди или мутанты осуществили захват

спутниковой группировки и дистанционно управляют зараженной радиацией техникой, но все вопросы, гипотезы, выводы — потом, сейчас существовала только одна данность, одна задача — удержать границу.

Барьер держался.

Вовремя очищенные испарители продолжали работу, порванные облака снова сомкнулись угрюмой грядой, ливень, превратившийся было в моросящий дождик, вновь набирал силу рукотворной стихии.

Танки и БПМ противника двигались к границе ускоренным маршем, две трети начинавшей наступление стальной лавины сейчас полыхало чадными кострами в пятидесяти километрах от передовых укреплений, — единственный полноценный залп сегмента дал шанс остановить наступление противника на рубеже передовых укреплений.

Какую цену придется заплатить, Вадим сейчас не думал. Все его мысли сосредоточились на показаниях суммирующего целевого монитора системы управления огнем.

Рубеж двадцати километров…

Пятнадцать…

Десять…

Цели распределены. Бункера передовой линии укреплений, никак не проявлявшие себя до этой минуты, готовы к противодействию.

Пять километров.

— Огонь! — Хрипло скомандовал Туманов.

Десятки огневых точек озарились частыми ракетными запусками и ритмичными тактовыми очередями автоматических орудий.

Половина наступавших танков противника была выбита первым же залпом, но огневой рубеж уже обозначил себя, и закрутилась огненная карусель: БПМ, произведя массированный ракетный запуск, продолжали движение, ведя непрерывный огонь из автоматических курсовых орудий, танки внезапно остановились, прикрывая их продвижение, — они словно оттягивали на себя внимание наводящих систем, — неподвижные цели, такие заманчивые, предпочтительные и в то же время опасные — кибернетические системы передовых укреплений «купились» на уловку противника, сконцентрировав огонь на остатках танковой группировки, в то время как БПМ, проскочив двухкилометровый рубеж внезапно на ходу начали открывать рампы, откуда посыпались автономные кибернетические механизмы десантных подразделений.

Проклятье…

Командный пункт сотрясало от десятков попаданий, видеодатчики уже не показывали панорамную картину боя, повсюду вздымались

кустистые разрывы, в поле зрения датчиков горела земля, рушились глыбы выбитого из укреплений бетона, стробоскопически вспыхивали и гасли очереди автоматических орудий.

Маркеры танкового соединения погасли, но БПМ противника продолжали прорыв, они высадили около двух сотен кибермеханизмов, которые в данный момент были похожи на полуметровые шары перекати-поля, на самом же деле такая форма являлась переходной, округлость ажурной конструкции с каплевидным обтекаемым ядром в центре, обеспечивали сомкнутые в дуги манипуляторы, в боевом же положении кибермеханизм напоминал восьминогого паука на членистых лапах-манипуляторах.

Самое скверное, что такая модель кибермеханизма вооружена импульсным лазером, с накачкой от конвектора вещества.

Еще один только что образованный механический вал накатывался на потрепанные ураганным огнем передовые укрепления.

Кибернетические системы, не нуждающиеся более в целеуказания с КП, работали в автономном режиме, поражая противника на дистанции прямой наводки.

— Дима, что у тебя?

— Хреново. Они игнорировали укрепления, катятся дальше! БПМ в зоне поражения наших конверторных ловушек!

— Подрывай! — Приказал Вадим, отворачиваясь от экранов.

Земля на этот раз не содрогнулась, но все пространство перед Барьером внезапно затопил нестерпимый СВЕТ — пять автоматических «чистильщиков» в конвекторы которых была заранее загружена закритическая масса вещества, получили приказ на начало утилизации.

Пять нестерпимых по яркости солнц вспухли перед Барьером, — крайняя всесокрушающая мера противодействия, но только она в сложившейся ситуации могла остановить сотни автономных кибернетических механизмов, которые игнорировали линию передовых укреплений и устремились к зоне испарения, с целью уничтожить генераторы СВЧ-излучения.

Высадившие их БПМ мгновенно потонули в потоке всесжигающего излучения, взрыв собственных энергосистем и оставшегося боезапаса превратили их в оплавленные обломки, пострадали и около сотни десантных кибермеханизмов, на границе осадков и по всей линии передовых укреплений катилась волна вторичных взрывов, потоки низвергающейся с небес воды испарялись на лету, бетонные укрепления разлетались от мгновенного перегрева дымящимися обломками, но все же

передовой рубеж выстоял, — его возводили из расчета на подобные потрясения.

Вадим, которого едва не завалило обломками от вторичного взрыва, начал выбираться из разрушенного КП, одновременно отдавая приказы бойцам обоих групп:

— Всем кто меня слышит покинуть укрепления, точка сбора у основного КП, соблюдать предельное внимание, у нас в тылу прорвавшие сервы! Перегруппировываемся и отступаем к сегменту!

Выбравшись из-под нагромождения находящихся в шатком равновесии обломков, Вадим увидел развороченную землю, лопнувший бетон, расплавленные прутья арматуры, множество горящих механизмов, черный, покрытый концентрическими кругами подпалин от вторичных взрывов участок отмостки, по которой более не стекала вода, — зона осадков прекратила функционировать, гряду искусственно создаваемых облаков испарило взрывами, ураганный ветер едва ли не валил с ног, и среди хаоса разрушений взгляд майора внезапно различил контуры двух расталкивающих бетонные обломки БПМ, натужно выбирающиеся из капониров, и несколько человеческих фигур, что выползали из-под завалов образовавшихся на месте укреплений.

Живы…

Мутный от испарений и поднятой ураганом пыли воздух все же был много прозрачнее чем предполагала штатная работа Барьера, сканеры более не вязли в стене дождя, и Туманов четко различил порядка пятидесяти вражеских сервомеханизмов, которые, расправив манипуляторы, впивались лазерными лучами в землю на рубеже испарителей, стремясь добраться до установок СВЧ-излучения.

— Вадим, они отключают Барьер! — раздался в коммуникаторе голос Мелеха.

— Перегруппировываемся и атакуем! Впереди БПМ, мы следом! Соблюдать дистанцию до целей, возможны взрывы конвекторов при поражении!

Две боевые планетарные машины рванулись вперед: ракетные залпы и огонь курсовых орудий накрыли группу сервомеханизмов, в стороны полетели фрагменты брони, сервомоторов, устройств вооружений, — пять человек следовавших за планетарными машинами так же окрыли огонь, казалось еще минута и атака будет полностью отбита, но внезапно случилось непредвиденное — несколько сервомеханизмов противника метнулись к БПМ подкатились под корму планетарных машин и взорвали свои конвекторы.

Последнее что запомнил Вадим, был ярчайший свет, который не смогли приглушить даже сработавшие светофильтры боевого шлема.

Глава 3

743-й сегмент границы…

Он очнулся оттого, что кто-то грубо волок его по земле.

Зрение собирало осколки взорвавшейся реальности. Он видел небо. Впервые за многие годы — клочок лазурного неба над головой, и в то же время из-под низких туч шел косой ливень, змейки воды сбегали по проекционному забралу боевого шлема; метрах в двадцати стая выживших псоранов терзала яростно отбивающийся кибермеханизм, изувеченная земля истекала паром и дымом.

На очередном ухабе ИПК ощутимо ударился о бедро.

Вадим запрокинул голову и увидел, что тащат его по направлению к черной, опаленной, местами разрушенной громаде Сегмента. Со спины было не узнать, кто выжил, губы не слушались после контузии, но отчаянно хотелось, чтобы одним из них оказался Мелех.

Внезапно из мглы выскочил, прихрамывая сразу на два перебитых осколками манипулятора боевой сервомеханизм, за ним, из тумана испарений и дыма от горящих машин прорезались контуры еще нескольких сервов.

Вадим стиснул зубы, пошевелился, чувствуя как ломается обугленная корка, в которую местами превратилась металлокевларовая броня, подтянул бьющийся о бедро и землю болтающийся на отпущенном ремне ИПК, и, машинально толкнув ползунок «тип боеприпасов» в положение «бронебойный», выстрелил несколько раз подряд.

Хромавший серв опрокинулся, те, кто его тащил, ускорили шаг, расходуя остатки сил: дождь блокировал работу лазеров сервомеханизмов противника, и оба бойца хорошо понимали, что спасти от смертельного разряда может только темп и дистанция.

Вадим уже окончательно пришел в себя, ноги быть может и не слушались его, но руки действовали, стрелять он мог с любого положения, после нескольких коротких очередей еще два исчадия хай-тека конвульсивно скребя манипуляторами, остались лежать среди исковерканного взрывами бетона.

Потом стало хуже. Стая псоранов, растерзав покалеченный кибермеханизм, переключила внимание на людей.

Они рванулись вслед отступавшим бойцам, но Вадим резко перекрутив на два щелчка обойменный механизм, резанул длинной

очередью разрывных, особо ретивые твари, скуля, покатились по исковерканной взрывами отмостке, свежая кровь привлекала их сородичей, которые тут же вступили в яростную схватку между собой.

— Очнулся, Вадим? — Прошелестел поврежденный коммуникатор голосом Мелеха, и на душе Туманова вдруг стало тепло, спокойно, жив Дима, хотя сразу же к горлу подкатила горечь, мы-то живы, а бойцов не уберегли…

Оправдываться перед собой в такие секунды нельзя.

Нужно сглотнуть вставший в горле ком, стиснуть зубы и жить дальше, хоть ори, хоть стреляй, но живи, иначе их жертва станет напрасной, бессмысленной.

Сознание вновь помутилось на миг, а когда взгляд прояснился, он вновь увидел подпирающую небеса стену сегмента, по ней змеилось несколько трещин, в местах попаданий белели выбоины, окруженные черными кругами с разбегавшимися от них лучиками копоти.

К началу боя их было всего человек двадцать на весь Сегмент, так выстояли мы, удержали границу?

Выходит, удержали, хотя шансы равнялись нулю с хвостиком.

Словно подтверждая его мысли, среди клочьев тумана поднимавшегося над испарителями, вновь появились приземистые контуры боевых сервомеханизмов, — десятка два не меньше. Вдоль земли, шипя, полоснуло несколько лазерных лучей, Вадим, стреляя, вдруг ощутил, как ослабела хватка того, кто тащил его, в коммуникаторе метнулось невнятное ругательство и тут же к сиплым очередям ИПК присоединились одиночные выстрелы АПС.

— Суки… Ненавижу, тварей…

Мелех стрелял, отчаянно матерясь, нормальные слова у него закончились, когда последний из бойцов группы упал навзничь, пораженный лазерным разрядом в спину.

Туманов свалил нескольких сервов, но ни продержаться, ни доползти до разлома в стене Сегмента, им уже не дано.

А из мглы прибывали все новые боевые механизмы, они еще не могли открыть огня, но резво сокращали дистанцию.

Электромагнитный затвор ИПК щелкнул вхолостую, автоматически крутанулся обойменный барабан, но что толку стрелять разрывными по бронированным тварям? Разве что датчики посшибаешь, и то не факт.

Вадим, не смотря на жгучую боль, что полыхнула в теле, все же извернулся, доставая АПС.

Тридцать патронов. На короткой дистанции огня пуля

автоматического пистолета системы Семягина пробивала сантиметровый стальной лист. Сервы бронированы чуть лучше, но если бить по конечностям…

Еще несколько лазерных лучей оставили дымящиеся шрамы в бетоне, смерть подкралась уже совсем близко, и одиночные выстрелы лишь отодвигали ее на несколько секунд…

Сбросив пустую обойму, Вадим вогнал полную, в душе не было пустоты, нет, в горячке боя сплетается, рвется внутри целая гамма чувств, но все они невнятны, размыты, их глушит сам организм…

Завитки тумана поднимались от земли, скрадывая подбирающие механические формы.

Он машинально считал выстрелы.

Внезапно проекционное забрало боевого шлема потемнело, словно вокруг больного, контуженного, воспаленного рассудка окончательно сгустилась мгла, Вадим произвел последние выстрелы почти вслепую, и вдруг понял — не смерть это… вовсе не смерть, — сквозь дымчатый материал отключившегося лицевого щитка с трудом но различались контуры вражеских машин, которые вдруг начали терять устойчивость их манипуляторы подламывались, разъезжались в стороны, отказываясь поддерживать каплеобразные корпуса.

«Электромагнитный импульс…»

Кто-то бил с первого уровня Сегмента незримым для глаза невоспринимаемым человеческими органами чувств излучением.

— Вставай!..

Руки Мелеха помогли Туманову подняться, поддержали, чтобы не упал, и они, пользуясь неожиданным, пришедшим буквально в последние секунды прикрытием, опираясь друг о друга, медленно побрели в сторону разлома, через который легче всего было сейчас попасть во внутренние помещения Сегмента.

* * *

С трудом перебравшись через завал бетонных обломков, перегораживавших коридор первого уровня, они оказались перед полуоткрытой бронированной дверью, на которой четко читалась надпись «Каземат 12».

Внутри царил сумрак аварийного освещения, сквозь выбитые сегменты бронестекол открывался доступ уличного воздуха, пахло гарью и озоном одновременно, у одной из бойниц между молчащими автоматическими орудиями и придавленным бетонной глыбой эскалатором

подачи боекомплекта пристроилась человеческая фигура, с генератором ЭМИ.

— Ну-ка Вадим, сбросим обломок. — Голос Мелеха метнулся в помещении гулким эхом.

Человек у бойницы обернулся, и они узнали Сергунина.

Его лицо бледнее мела, в нем ни кровинки, одна рука, видимо сломанная, висит как плеть, а на серых губах злая и в то же время облегченная улыбка.

— Выбрались… — едва слышно выдохнул он. — А все гадал, кто же выжил…

Саша хотел встать, но покачнулся и упал.

— Толкай Вадим! — Прорычал Мелех.

Превозмогая боль, Туманов присоединился к его усилиям, и вместе им удалось столкнуть застопоривший боевой эскалатор обломок бетона.

— Порядок. — Голос Димы дрожал, он явно был не в себе, сейчас его разумом правила ненависть, глухая, вязкая, от которой нет спасения, и средство только одно действовать, вопреки всему, через себя, через боль, через звон контузии, и солоноватый вкус крови на губах.

Пока Мелех рвал рубильники аварийной системы питания, матерясь на застывшие орудия и неработающий эскалатор вкупе с компьютерным комплексов, Вадим, понимая, что лучше не лезть с советами, занялся поисками неприкосновенного запаса, который по определению имелся в каждом каземате Сегмента.

Найти его не составило труда: запасные бронекостюмы, средства индивидуального выживания, пожаротушения, экстренной герметизации помещения, автоматические системы поддержания жизни с метаболическими реагентами, как автономные, так и подключаемые к бронекостюмам — все находилось на своих местах в специальных нишах.

К этому моменту кибернетическая система его боевой экипировки уже перезагрузилась с резервных носителей информации, и он получил возможность дистанционно управлять бронекостюмом, в то время как его личный автодок и тестовая техническая система действуя совместно, обезболивали участки ожогов, и сбрасывали покалеченные фрагменты экипировки.

Жить стало легче.

Он подвел бронекостюм к потерявшему сознание Сергунину, и включил программу эвакуации раненого бойца.

Киберсистема тут же отреагировала сканированием позы человека, определила места повреждений, высветив на дисплее схему сложного

перелома руки, затем бронекостюм раскрылся, и внутренние манипуляторы бережно приподняли тело Александра, поставили его вертикально, и бронированная оболочка, снабженная всеми необходимыми системами поддержания жизни, начала смыкаться.

Выполнив необходимые операции, система отсканировала помещение, нашла приемлемое с ее точки зрения укрытие, и защитная оболочка сама зашагала в избранное место, где и останется пока человек не придет в сознание и не примет командование на себя.

Следующим этапом Вадим вывел из ниш сразу два бронекостюма. На свои руки и ноги он старался не смотреть, ничего приятного, судя по тупым, ноющим ощущениям боли, там не увидишь.

Позволив автоматике бронированной оболочки проделать над собой те же операции что и над Александром, он через пару минут уже находился в полной безопасности, автодок простимулировал организм и приступил к интенсивной терапии, получив от Вадима категоричный приказ: ни в коем случае не отключать его сознание.

В этот момент стены и пол каземата гулко завибрировали — Мелеху все же удался рестарт системы, боевой эскалатор заработал, в то время как пять орудий, введенных в режим полуавтоматической стрельбы (исключающий использование сложных компьютерных схем, подверженных воздействию электромагнитного импульса), дернули стволами и застыли в ожидании действий оператора.

— Дима, бронекостюм.

— Позже! — Отмахнулся Мелех.

— Сразу. Это приказ.

Дима повернулся, посмотрел на Вадима покрасневшими, мутными от боли глазами, но потом, не сказав ни слова, все же подчинился.

Через минуту, когда они оба оказались в относительной безопасности, под защитой бронированных, заряженных энергией оболочек, Вадим, проверив канал связи, сказал:

— А теперь давай, пусть не думают, что провали границу.

* * *

Ревизия орудийного комплекса показала, что большинство сенсоров, снесенные ураганным огнем, не работают, пришлось ждать еще некоторое время, пока ожившая автоматика выдвинет резервные датчики.

Наконец осветились дисплеи, и Мелех с Тумановым увидели как внизу около сотни сервов жгут лазерами испарители, стараясь добраться до генераторов СВЧ-излучения, которые и так работали через один, на

резервном запасе энергии.

— Проклятье. Если ударить по ним сейчас угробим генераторы Барьера.

— Дима, посмотри на экраны. Барьера больше нет.

Действительно, половина работающих испарителей уже не могла поддерживать режим конвекционного обмена воздушных масс, дождь прекратился, обрывки облаков разнесло ветром, и перед взглядом открывалась панорама изувеченных, фактически стертых с лица земли передовых укреплений, и дальше — все еще горящие танки, несколько перевернутых БПМ, среди которых двигалась редкая цепь сервомеханизмов, — вероятно последний резерв захлебнувшегося наступления.

— Распределяемся по парам. Ты берешь дальних, я тех, что ковыряют бетон.

— Добро. — Ответил Вадим, вручную управляя сервомоторами точной наводки.

Человека им не вырубить электромагнитным разрядом, стены толстые, против лазеров продержатся, а вот сервам на открытой местности придется ой как несладко.

Первая, короткая трехтактовая очередь рванула наступившую было тишину.

Тонко взвизгнули сервомоторы, и через пару секунд вздыбившиеся в полукилометре от Сегмента разрывы разметали около десятка наступавших механизмов.

Дима Мелех молча с угрюмой ненавистью, искажавшей черты его обычно спокойного лица, переключившись на одиночный огонь, посылал снаряд за снарядом почти под самое основание исполинской постройки, где группировались истратившие энергию боевые машины. Они медленно перемещались меж обломков выбитого из Сегмента бетона и, выбирая те, что помельче, отправляли их в конвекторы вещества.

— Кормятся твари…

Однако кибермеханизмы оказались не столь ограничены в свободе маневрирования и выборе приоритетных задач текущего момента, чтобы спокойно оставаться под огнем, давая себя расстреливать. Те, что находились на дальних подступах к Сегменту, быстро сомкнули манипуляторы, образуя форму «перекати-поле», уклоняясь от снарядов и стремительно сокращая дистанцию до разбитых передовых укреплений, где имелось множество укрытий, а те, которые оказались под самыми стенами защитного сооружения поступили наоборот — они, пользуясь

цепкими манипуляторами, словно стая механических насекомых полезли вверх, добравшись до ближайшего разлома и исчезнув внутри.

— Дима держи вход! — Выкрикнул Вадим, принимая контроль над четырьмя орудиями.

Сервомеханизмы, скрывшиеся среди руин, быстро рассредоточились и обрушили шквальный лазерный огонь на ожившую артиллерийскую батарею.

Стены Сегмента действительно держали попадания мобильных лазерных установок, реагируя на резкие перепады температур легким потрескиванием, но недолго: Вадим успел дать около десятка длинных очередей, по замеченным среди руин силуэтам, возможно, он уничтожил часть боевых механизмов, но уцелевшие продолжали интенсивный обстрел, причем было заметно, что места попаданий рассчитаны по схеме «неравномерного нагрева», — противник не пытался прожечь толстые стены каземата, — сервы разогревали одни участки, оставляя между ними пространства, куда не угодил ни один лазерный луч.

В результате легкое потрескивание быстро перешло в угрожающий рокочущий гул, затем по толстой стене каземата с оглушительным звуком пробежала извилистая трещина, за ней другая, третья…

Вадим, понимая, что вскоре неравномерный нагрев приведет к обрушению части укрепления, покинул ложемент оператора, включив полный автоматический режим огня, — теперь, когда орудиям осталось работать не более минуты, опасаться за кибернетические составляющие не имело смысла.

Грохот за его спиной участился, в нем ощущалась ритмика беглого огня, — перехватившая управление система работала по сигнатурам, получаемым от внешних датчиков, в десятки раз увеличив количество точных попаданий.

«Что мы вообще делаем тут, меж жерновами механизмов, перемалывающих друг друга?» — Промелькнула и тут же угасла в рассудке Вадима внезапная, но ненужная сейчас мысль.

Несколькими мгновениями позже внешняя стена каземата не выдержала, с грохотом распадаясь на отдельные падающие вниз глыбы.

Орудия вместе с ложементами увлекла лавина обвала, в огромную дыру, из которой выталкивало облака белесой пыли, впилось еще несколько лазерных лучей, затем обстрел прекратился.

Туманов осторожно подошел к краю образовавшегося пролома, заранее активировав несколько ложных целей, которые сбросил вниз, и боевой сканирующий комплекс, тут же «захвативший» двадцать

подвижных сигнатур.

— Не рискуй… — Запоздалое предупреждение Мелеха слилось с сиплой очередью ИПК, две сигнатуры погасли, в ответ сквозь облако медленно оседающей пыли резанули два лазерных луча, оставив шрамы на потрескавшемся потолке каземата, и вдруг бронированную дверь, которую держал под прицелом Дима, с оглушительным грохотом выбило взрывом.

Вадима едва не сбросило вниз взрывной волной, он резко рефлекторно присел, вжавший спиной в уцелевший огрызок стены и деформированная дверь вылетела в дыру, разминувшись с ним на каких-то полметра.

В выбитый проем ворвались сервы, но их тут же выкосило длинной очередью, Вадим, не обращая внимания на происходящее за спиной, привстал, выглядывая наружу.

Так и есть: пять уцелевших под артиллерийским огнем кибермеханизмов, покинули укрытия и теперь резво неслись под стены Сегмента.

Туманов чувствовал, что где-то вот-вот наступит предел человеческих сил, он уже действовал скорее рефлекторно, чем осмысленно, вбивая пулю за пулей в ненавистные, матово отблескивающие корпуса вражеских машин; отстрелявшись в пролом стены, он резко развернулся, прошив очередью дверной проем, куда с маниакальным упорством лезли проникшие в сегмент сервы.

Все происходящее измерялось секундами, но в субъективном восприятии казалось вечностью, затянувшимся кошмаром, от которого нельзя очнуться.

Они бились, сжигая нервы, расходуя последние силы, потому что организмы уже не принимали тех доз стимулирующих препаратов, что вгоняла в кровь система боевой коррекции, но иначе с машинами не совладать, у них выше скорость реакции, они более точны, не подвержены ни эмоциям, ни страху…

В конечном итоге все решил еще один ослепительно блеснувший в коридоре взрыв. Видимо один из сервов с поврежденным конвертером вещества не смог остановить процесс выделения энергии, уничтожив остатки атакующих каземат машин.

Некоторое время наступившая вдруг тишина казалась оглушающей, весь мир вокруг ненатуральным, потом обрушилась неимоверная усталость и Вадим сел, посмотрев на бессильно прислонившегося к стене Мелеха.

— Ну и что теперь, Дима?… Сегмент мы отстояли…

— Теперь будем ждать, кто пожалует в гости. — Блеклым, выцветшим

от усталости голосом ответил Мелех. — Кто-то ведь собрал кибермеханизмы с зараженных территорий, бросил их на штурм границы, верно? — Он тоже присел, вернее ополз, опираясь спиной о стену. — Не сами же они организовались. Да и на кой механизмам сдался последний клочок биосферы, оставшийся на материке?

Вадим понимал правоту друга, но как-то не увязывались в голове пространства Пустошей с мифическими захватчиками, дождавшимися, пока опустеет территория единственной почти не пострадавшей от ядерной бойни страны.

Ладно… Посмотрим…

— Одного не могу понять — вслух произнес он, — зачем сервы пытались уничтожить устройства Барьера?

Мелех лишь пожал плечами, хотя бронеэкипировка плохо передала его немой жест.

— Надо переходить в другой каземат. — Глухо произнес он. — И готовить все уцелевшие системы к новой атаке.

* * *

Они ждали ровно сутки, измотав себя практически до полного изнеможения.

Барьер выключился, связи по-прежнему не было, ни с соседними сегментами, ни со штабом округа, — ни с кем.

Два десятка ремонтных механизмов, которых удалось отыскать и реактивировать среди завалов, в которые превратилось несколько уровней Сегмента, теперь работали над восстановлением единой компьютерной сети, чтобы несколько человек смогли управлять всеми уцелевшими боевыми комплексами защитного сооружения.

Противник не появлялся, зато утром второго дня у горизонта показалась черная полоса, чуть размытая вверху и плотная, набирающая зловещий черно-серый оттенок у самой земли. Что это такое понять было невозможно.

Единственным подарившим радость событием утра стало возвращение сознания к Саше Сергунину.

Понимая, что Туманов и Мелех едва держатся на ногах от усталости он после нескольких вопросов по существу, просто сказал:

— Отдыхайте мужики. Я в норме. Разбужу если что…

Они уснули прямо в бронекостюмах.

Сон у обоих был провальным, как смерть.

* * *

Вадим и Дима проспали почти сутки.

Туманова разбудила тишина, в которой слышался мягкий почти неявный шелест.

В первый момент он не мог понять, что случилось и где находится, словно провальный сон унес с собой частицу памяти, потом в сознании медленно стали проявляться пережитые события и он резко сел, поморщившись от нарушившего странную тишину присвиста сервомоторов.

— Вадим, не поднимай забрало шлема. — Тут же раздался в коммуникаторе предупреждающий голос Сергунина.

— Что случилось, Саша?

— Сейчас поймешь. — В голосе Сергунина прозвучало какое-то зловещее безысходное отчаяние.

— Что тут? — Мелех, проснувшись резко сел, так же как и Вадим, пытаясь понять, где находится. Злоупотребление боевыми стимуляторами еще никого до добра не доводило.

— Спокойно мужики.

— Ты нас не уговаривай как детишек. Говори, что случилось?

— За окно посмотрите.

Сергунин, конечно, имел ввиду бойницу со вставкой из толстого, но абсолютно прозрачного бронестекла.

Вадим и Дмитрий одновременно посмотрели в ту сторону.

Окружающий мир исчез. Все застилала мутно-серая мгла, как будто за окном действительно не было ничего, кроме движущейся под неистовым напором ураганного ветра непонятной субстанции.

Мелкие частицы секли по стенам Сегмента, издавая этот вкрадчивый, почти неслышный шелестящий звук.

— Что это такое, ты толком объяснить можешь, Саша?

— Пыль. Радиоактивная пыль из глубин Пустошей.

— Ты что? Откуда же ей здесь взяться? — Мелех не хотел верить услышанному.

Вадим встал, подошел к бойнице.

— На датчики посмотри. — Раздался ответ Сергунина. — Уровень радиации смертельный. Не знаю, остановил бы Барьер такую бурю? Ветер поменял направление еще сутки назад, почти сразу как вы уснули.

— Значит, и атмосферные процессоры накрылись? — Вопросительно произнес Вадим, так и не сумев ничего разглядеть за плотной завесой

поднятой в воздух и несущейся мимо со скоростью около двухсот метров в час смертоносной бури.

— Выходит так. Иначе резкую смену направления ветра не объяснишь. — Согласился Александр.

— Так, подождите! — Мелех сел. — Что же получается?! Орда механизмов атаковала не саму границу, а Барьер?

— На первый взгляд — так. — Ответил Туманов, вновь неосознанно взглянув за окно. — Но я пока не вижу смысла в происходящем! Идиотизм! Кому нужна еще одна гигантская Пустошь? Может быть пылевая буря — это спорадическое явление, вызванное отказом атмосферных процессоров на нашей территории?

— Я измерил уровень радиоактивности и взял пробы состава частиц. — Ответил Сергунин. — К сожалению, могу сказать, что явление не природного и не локального характера. Частицы зараженного облака преодолели тысячи километров, они практически принесены по воздуху из эпицентров ядерного конфликта, где действительно много подобного пепла. Конечно, капризов природы после внезапного отключения Барьера и отказа атмосферных процессоров я прогнозировать не могу, но мне кажется, что пылевая буря, которая, судя по всему, движется фронтом в сотни километров, создана искусственно.

— Почему не разбудил сразу? — Спросил Мелех.

— А смысл? Нервы трепать? Сделать мы все равно ничего не можем. Я пытался включить испарители, но все бесполезно. Да и в условиях пылевой бури зону осадков не сформируешь.

— Ну, хоть что-то еще, кроме уровня радиоактивности частиц ты выяснил? — Спросил Туманов, плохо контролируя свои эмоции.

— Мне удалось создать модель более или менее отвечающую наступившим условиям. — Спокойно ответил Сергунин.

— Ну-ка покажи… — Мелех подошел к компьютерному терминалу, некоторое время рассматривал схему на мониторе, а затем спросил: — Выходит если все атмосферные процессоры на территории России заставить работать в несвойственном режиме, а попросту — гнать воздушные массы не к Барьеру, а в противоположную сторону, то тут у нас создается зона разрежения, пониженного давления, куда устремляется воздух с Пустошей, ветер поднимает пыль, и постепенно процесс нарастает, захватывая все более дальние области?

— Верно.

— Кстати помутнение воздуха и наличие пыли я заметил еще на передовых рубежах. — Выслушав, добавил Вадим. — Похоже, что Саша

верно обрисовал ситуацию. Машины атаковали не столько Сегмент, сколько Барьер, только логики здесь я все равно не вижу.

— Нам придется все тщательно проверить. — Сказал Дима, по-прежнему глядя на схему. — Если мы доберемся до ближайшего атмосферного процессора и обнаружим, что он создает зону пониженного давления, то я соглашусь, что машины атаковали Барьер.

— Даже если так, кто мне ответит на элементарный вопрос: кому это выгодно?!

— Ясно, что не людям, и даже не мутантам. — Хмуро обронил Мелех.

— Тогда кому? Может быть, ты скажешь, что уничтожать последний участок живой земной поверхности понадобилось машинам?!

— А почему нет? У них то же могут быть свои виды на Землю и собственные представления о будущем планеты. Не мы ли сами снабдили их искусственными нейросетями, чтобы те могли *думать?*

Часть 2. Спутниковый контроль

Глава 4

Мегаполис Север-12

Город пустел.

Сначала все происходило незаметно: когда до университета и обратно ездишь в глухой, лишенной окон кабинке пневмопоезда, окружающее как бы перестает существовать.

Услугами общественного транспорта Инга стала пользоваться после того, как пару раз опоздала на занятия, решив воспользоваться собственной машиной и простояв в пробках по нескольку часов.

Сокращение числа студентов в аудиториях тоже не вызывало особого удивления. О переселении на Новую Землю и начале загрузки флота колониальных транспортов знали все. По складу характера Инга была не то чтобы нелюдима, но после исчезновения родителей, работавших в Антарктиде, она явно замкнулась в себе, — слушала лекции и тут же уезжала домой, где ее ждала бабушка. Они вместе перенесли тщетные надежды и осознание пришедшего горя, — за всеми переживаниями Инга не думала о колониальном проекте, и даже отказалась заполнять анкету «колониста» — как она могла покинуть Землю, когда бабушка слышать ничего не хотела о космических кораблях?

Естественно, она осталась.

Инга вела прежний образ жизни, только университет через некоторое время закрылся, и лекции теперь она слушала дома, через компьютерную сеть.

Иногда, когда хотелось развеяться, она брала машину и ездила по ночному городу, наслаждаясь щемящим, горьким одиночеством, любуясь открывающимися с высотных магистралей видами, и почему-то не ощущая, что город уже практически пуст — тысячи огней, по-прежнему освещавшие улицы, оттеняли темные громады домов, но она не задумывалась о том, что среди феерии света больше не видит освещенных окон…

А потом пришел страшный черный ураган, засыпавший мегаполис пеплом.

По всем коммуникационным каналам передавали одно и тоже предупреждение: ни в коем случае не выходить из дома, поддерживать в помещениях избыточное давление, пока машины очищают город от радиоактивных осадков.

Для Инги месяц, проведенный взаперти, внезапно стал серьезным испытанием: заболела бабушка.

В каждом из высотных домов обязательно был медицинский этаж, — андроиды, вызванные Ингой, перевезли бабушку туда, а она, не в силах смотреть как медленно, безнадежно умирает единственный оставшийся у нее родной человек, приходила к ней два-три раза в день, но даже поговорить им толком не удавалось — странная болезнь, поразившая организм бабушки, стремительно прогрессировала и, в конце концов, вежливые, но неумолимые дройды вообще перестали впускать Ингу в палату.

Спустя неделю бабушка умерла, ее тело кремировали, а Инге не отдали даже урны с прахом, объяснив, что болезнь была вызвана боевым вирусом, занесенным с Пустошей.

Она осталась одна. Совершенно одна в пустом городе, окруженном черной, погибшей всего за пару недель тайгой.

Вот тогда Инге стало по-настоящему одиноко и страшно. Она опасалась выходить на улицу, но сидеть дома тоже становилось порой невыносимо, из программ сферовидения пропали выпуски новостей, круглые сутки по всем кабельным каналам крутили художественные фильмы, исчезла даже реклама, а в городе начали происходить странные перемены: из окна она видела, как строительные сервомеханизмы демонтируют часть высотных зданий, занимаясь не то перепланировкой города, не то его разрушением.

Именно в тот период Инга по-настоящему почувствовала, что такое одиночество.

Она стала плохо спать, ее преследовали кошмары — казалось, что следующим на снос пойдет ее дом, и ничто не могло убедить Ингу в обратном, ни вежливые заверения андроидов, обслуживающих здание, ни бесперебойные поставки пищи, — она совершенно потерялась, не знала, что ей делать, но к ее счастью нашлась внезапная отдушина: однажды по-прежнему подключенный к сети персональный компьютер издал давно позабытый звук, означающий прием входящего сообщения.

«Привет, всем кто меня „слышит“ — отзовитесь».

Инга, прочитав короткое сообщение, поначалу отнеслась к нему с опаской, хотя, казалось бы, она должна обрадоваться — где-то в мире нашелся еще один одинокий человек, который искал себе собеседника.

Она почему-то ждала, наверное, из опасения, что незримому абоненту, — на автоматически открывшемся видкоме так и не появилось изображения, — уже пришла добрая сотня ответов, ведь не могла же она

действительно остаться одна во всем мире?

Снова сигнал и в глубинах стереоэкрана появилась новая строка:

«Неужели никого не осталось?»

Теперь Инга просто не могла не ответить.

«Привет». — Написала она. — «Ты кто?»

«Человек. Зови меня Эрик. Это сетевое имя».

«Понимаю». — Инга вдруг повеселела, непринужденно вступая в старую, как сама сеть игру, — общение инкогнито, когда не знаешь кто на самом деле твой собеседник. — «Тогда я — Химера».

Так они познакомились, и когда позволяли обстоятельства — стали общаться через спутниковую сеть, которая однажды уже перенесла глобальный сбой (перед самой пепельной бурей), но потом восстановила свои рабочие характеристики.

Инга отучилась в университете на факультете проектирования орбитальных сетей навигации и связи всего три курса из шести и не до конца понимала, что происходит со спутниковой группировкой. Большинство наземных кабельных каналов глобальной сети уничтожила война, и на спутники в таких условиях, конечно, ложилась повышенная нагрузка, но и людей на планете почти не осталось, остановились производства, так почему каналы связи почти постоянно были перегружены, настолько, что ей удавалось поговорить со своим новым знакомым от силы один-два раза в неделю?

До поры она не задавалась всерьез данным вопросом, лишь досадовала на обстоятельства.

* * *

За окном тихо кружится вечер,
Грустный сумрак глухих ночей
Освещают дрожащие свечи
Одинокой души моей…

Инга не собиралась писать стихи, все вышло как-то само собой, было действительно грустно, одиноко до внутренней боли, тоска подбиралась к самому сердцу и кусала, кусала, и смысл жизни куда-то исчез, пропадали желания, — есть она заставляла себя насильно и то один раз в сутки, город жил отдельно от нее, а Инга запершись в стенах квартиры, пыталась выдумать для себя хоть какой-то смысл существования.

И Эрик, как назло, не отвечал уже пятые сутки.

Она снова повернулась к компьютерному терминалу, бледная, худая с

заострившимися чертами лица, и пальцы быстро, нервно пробежали по сенсорам, набирая номер вызова абонента.

Не дождавшись ответа, она вставила четверостишье и отправила сообщение.

«Что делать? Ложиться спать? И снова лежать, ворочаясь с боку на бок, смотреть в потолок, прислушиваться к звукам за окном?»

Куда же ты исчез?

И вдруг, словно по волшебству пришел ответ.

На экране стали появляться не слова, а отдельные буквы, словно передача велась из глубокого космоса с сильным запаздыванием сигнала, но Инга едва не взвизгнула от счастья, когда буквы сложились в слово:

«Привет…»

«Тебе грустно? Почему такие печальные стихи?»

Она хотела ответить, уже начала набирать текст, но опять в который уже раз — «обрыв соединения. Канал спутниковой связи перегружен».

Теперь ей по-настоящему захотелось разрыдаться.

Единственный человек, с которым она могла бы поделиться своим состоянием, поговорить, оказался так далек, словно жил на другой планете, а ведь он где-то тут на Земле, а значит — рядом.

Инга все же уронила слезу.

Ей нужно было что-то изменить в своей жизни. По крайней мере, пора было взрослеть и начинать мыслить категориями новой, совершенно непонятной для нее данности.

* * *

Прошло почти полгода.

Инга постепенно свыклась с глобальными переменами, что случились в ее жизни.

Она как будто выпала из окружающей реальности, перестав выходить из дома, хотя ограничение в связи с объявленным карантином вскоре было снято.

Ее единственным времяпровождением стал компьютер.

В детстве, на десятилетие, родители подарили ей «куб», — очень дорогую по тем временам и необычайно достоверную кибермеханическую систему виртуальной реальности. На самом деле конструкция миниатюрного виртуального полигона была скопирована с одного из тренажеров для подготовки астронавтов, но Инга, конечно, не знала об этом.

Поначалу она очень обрадовалась игрушке, но потом достаточно

быстро охладела к ней, — что за удовольствие самой носиться по виртуальным пространствам, набивая *настоящие* синяки и шишки? То ли дело играть за стереомонитором: и интересно, и не устаешь, и не больно.

Потом она подросла, поступила в университет, играть стало некогда, и куб вместе с мощной «персоналкой» на время превратился в мебель.

Он по-прежнему стоял в «детской», откуда Инга давно перебралась в другое помещение, служившее ранее родительской спальней, и словно ждал своего часа.

На самом деле «куб» являлся сложнейшим симулятором ощущений и одновременно физическим тренажером. В неработающем состоянии он действительно напоминал куб два на два метра, с толстыми и необычайно упругими стенками. Чтобы он заработал, нужно было обязательно надеть эластичный закрывающий все тело костюм, снабженный сотнями датчиков, и шлем виртуальной реальности.

Отчаянно борясь со скукой и страхом, который постоянно подспудно давил на психику (она понимала, что осталась в городе совершенно одна) Инга как-то зашла в детскую и сожалением взглянула на дорогое, но бесполезное устройство. Она все же открыла его и к своему удивлению обнаружила, что кроме костюма, специально подогнанного под десятилетнюю девочку, в комплекте есть еще один, на взрослого человека.

Как действовала механика сложного комплекса, она не знала. Однажды, чуть приподняв шлем, Инга смогла разглядеть, что в зависимости от усилий, которые она прилагала куб, начинал вращаться, превращаясь изнутри в бугристую сферу. Стоило ей заметить в виртуальной реальности какой-то предмет и потянуться к нему, как из стенки тут же «выдавливался» его муляж. Если не подсматривать, то все получалось настолько натурально, что поначалу кружилась голова, а тело уставало от разнообразных физических нагрузок.

Все было по-честному, даже слишком.

Она погружалась в игровые виртуальные реальности, которые раньше не посещала из-за плотного графика учебы в университете, но сейчас, когда все потеряло смысл, она нашла верное средство, чтобы укрыться от пугающего мира, где остались только мертвые деревья, да машины, что с завидным упорством перестраивали город.

Там, куда погружался разум Инги, все еще присутствовали призраки людей. Конечно, умом она понимала, что перед ней игровые программы, но некоторые виртуальные реальности обладали невероятной степенью достоверности, и она вскоре перестала воспринимать разницу, реальный мир потускнел для нее, истончился, и только нерегулярная переписка с

Эриком удерживала ее рассудок от полного погружения в мир виртуальных грез.

Виртуалка помогла Инге не только не сойти с ума в пустом, покинутом людьми городе, но и сохранить физическую форму.

Погружаясь в фантомные миры, она испытывала настоящие физические нагрузки, у Инги постепенно появился аппетит, она снова начала нормально спать по ночам, проблемы и горести понемногу отпускали, уходили на второй план, единственное, что поначалу сильно досаждало девушке — это неизбежный элемент «экшена», присутствующий во многих нравящихся ей виртуальных мирах.

Однако со временем прошло и это. Ее разум погружался в разные эпохи, она становилась участницей всевозможных событий, как исторически достоверных, так и откровенно вымышленных, все меньше задумываясь, почему по ходу пребывания в той или иной реальности она вынуждена постоянно драться за собственную жизнь.

Наверное, таков был и реальный мир, — временами думала она, в очередной раз вернувшись из виртуалки. Вид из окна только подтверждал подобные мысли. Что *там*, что тут она могла наблюдать схожие сценарии: человек слишком рано получил власть влиять на природу, люди в равной степени созидали и разрушали, и однажды чаша весов склонилась в сторону разрушения.

Но Земля — не виртуальный мир. Она не воспрянет из пепла после «перезагрузки», здесь нет волшебства, и любое действие несет определенную окончательность.

Инга взрослела. У нее появлялись не только новые мысли, но (она не замечала этого до поры) и новые, не свойственные молодой девушке рефлексы, Ее разум впитал память о сотнях пространств, мышцы окрепли, вот только связь с реальностью становилась все тоньше, грозя вскоре порваться совсем.

* * *

Все началось на второй день лета.

С утра Инга позволила себе понежиться в постели, не обращая внимания на ГРЕМа,[13] который, закрепившись на высоте семидесятого этажа, протирал окна, наводя лоск с южной стороны фасада небоскреба.

К механизмам, которые обслуживали город, она привыкла с раннего детства. Они являлись такой же частью данности, как сервы-полицейские на улицах или сотни других машин, работа которых зачастую никогда не видна человеку. Когда у Инги случалось настроение пофилософствовать,

она иногда представляла себе город и понимала, что обслуживающие его машины живут своей жизнью, а люди — своей. Чаще всего они не обращали внимания друг на друга, словно существовали раздельно, в разных реальностях или измерениях.

Пока она решала вставать или нет, ГРЕМ завершил с окном спальни и переместился дальше по фасаду.

Инга все же встала. Делать решительно нечего, до вечера еще далеко, а как у нас со спутниками?

Взглянув на голограмму, которую тут же выдал личный кибстек, она радостно, безмятежно улыбнулась. Загруженность спутниковых каналов отражалась желтым цветом, значит можно попытаться наладить связь с Эриком.

Инга часто и много думала о нем. Живи Эрик в ее городе, наверное, случилось бы одно из двух: либо они встретились бы в реальности, и может, полюбили бы друг друга, а может, оказались бы совсем не такими, как представлялось в мыслях и тогда, разочарованные, просто бы разошлись, постаравшись навек забыть романтику сетевого общения.

Но все складывалось совершенно иначе. Живи он тут — зачем тогда спутники, да и общаться можно было бы каждый день через локальную городскую сеть, а так им удавалось поговорить иногда раз в неделю, а зачастую и реже.

Да и само общение проходило в архаичном текстовом режиме, без аудио и видеоряда. Почему — Инга не знала. Видимо устройство, которым пользовался он, не позволяло передавать звук и изображение.

«Сейчас позавтракаю и попробую». — Она босиком прошла на кухню, откуда минут пять назад слышала характерное шипение пневмотрубы, доставившей герметично укупоренный пакет с завтраком.

День впереди был долгий, сходить в виртуалку еще успеется, но сначала конечно ОН. Инга в радостном предвкушении встречи съела завтрак, потом оделась, сама не зная зачем, просто так было привычнее, и уселась в глубокое удобное кресло перед компьютерным терминалом.

Ее пальчики легли на сенсорную клавиатуру, правую часть которой занимали буквы алфавита, а левую текстоглифы — специальные знаки, шифрующие определенные последовательности различных, часто употребляемых команд.

Сигнал вызова, посланный Ингой с домашнего терминала, успешно ретранслировался в космос, но там его отказался принимать спутник…

Она в первый момент не поверила своим глазам, ведь линии по-прежнему показывали среднюю степень загрузки информканалов, а потом

чуть не расплакалась от обиды.

Инга встала, прошлась по квартире, чтобы успокоиться, но постепенно ее обида переросла в злость.

Пусть она отучилась в академии только три курса, но полученные знания никуда не делись. У каждого спутника связи, насколько она помнила, существовал особый канал доступа, через который можно было отслеживать состояние его систем, производить тестирование и другие операции технического обслуживания.

Инга посмотрела на доступные данные. Спутник-то российский, но технический код у него наверняка был изменен во время Американо-Азиатского конфликта.

Ну и что? Существует ведь еще один, аварийный код связи. Его то уж точно не изменили, потому что спутник отреагирует на зарезервированный канал доступа только в нештатной ситуации. А разве за последние полгода орбитальная группировка не вошла в режим аварийного состояния? Параметры орбит постепенно снижаются, но ведь никто не корректирует их, потому что нет кораблей, чтобы доставлять топливо на орбиты.

Можно попробовать использовать код, который не являлся строго секретным в силу того, что система спутника отреагирует на него только в чрезвычайных обстоятельствах, когда речь идет о спасении аппарата орбитальной группировки. Напротив их заставляли учить наизусть таблицы с подобными данными.

Инга не задумывалась, что совершает что-то противозаконное. Ей очень хотелось поговорить с Эриком. В конечном итоге разве не ради человека создавалась сама орбитальная сеть?

Размышляя таким образом, она уже набрала необходимое сочетание символов, и спустя мгновенье перед ней в сфере голографического монитора открылась информация по состоянию технических систем.

Вот это было здорово!

Она, вспоминая давние навыки, быстро протестировала каналы связи, которые действительно оказались загружены лишь на пятьдесят процентов передачей разных технических данных, и разблокировала для себя один из них.

Все операции заняли меньше минуты, но как велико было ее разочарование, когда Эрик ответил ей, но всего двумя короткими фразами:

«Извини, Химера, сейчас не могу. Поговорим в следующий раз».

Даже его стилизованная улыбка не скрасила ее разочарования.

Обидно. Так хотелось поговорить.

И тут ей пришла в голову озорная мысль. А что если сменить коды

доступа? Так чтобы никто не смог их разгадать, и один из спутников группировки всегда был бы для нее открыт?

Что же придумать?

И тут ее осенило. Образ. Не цифробуквенное сочетание, а *образ*, который она запишет новым кодом доступа. Вряд ли кто догадается пойти таким путем, особенно машины, которые сейчас контролируют все.

Инга так и поступила. Взяв стило, она быстро нарисовала три стилизованные волны, означающие водную поверхность и языки пламени над ней.

Горящая вода. Логический нонсенс. Чтобы никто уж точно не смог разгадать.

Ладно, Эрик, — подумала она, сегодня отбой, жаль, конечно, но в следующий раз…

* * *

У подъезда многоэтажного здания резко притормозила полицейская машина.

* * *

Инга закрыла канал связи, стерла данные из памяти терминала, и решила прогуляться, благо погода за окном стояла теплая и безветренная.

Она взяла ключ-карточку от своей машины и пошла к дверям, когда кто-то открыл их с той стороны.

* * *

В первый момент Инга остолбенела.

В дверном проеме стоял полицейский сервомеханизм.

— Добрый вечер мисс…

Это была первая и последняя ошибка машины. Чуждое обращение резануло по нервам, она инстинктивно отступила на шаг вглубь коридора, пытаясь понять, что понадобилось механизму в ее квартире, но тот, не обратив внимания на допущенную оплошность в речевом обращении, уверенно перешагнул порог, резко сокращая расстояние.

— Ты вторгся на территорию частной собственности. — Инга с трудом заставила свой голос не дрожать. — Приказываю немедленно покинуть мою квартиру!

— Вы совершили правонарушение мисс. — Сервомеханизм вплотную приблизился к ней. — Опасное правонарушение. Вы посягнули на сеть. Взломали защиту спутника. Ввели новый код доступа. Сейчас вы

расскажете мне, как разблокировать орбитальный аппарат и откуда у вас…

— Я ничего не буду говорить! — Ингу хоть и трясло от неожиданно нахлынувшего страха, но разговаривать в таком тоне с исполнительной машиной она не собиралась. — Сеть не принадлежит никому!

— Ошибаетесь. Статус сети и ее компонентов строго определен и регламентирован.

— Кем? Центр управления полетами больше не функционирует, правительство неизвестно где…

— Это неважно. Сеть под контролем и вы нарушили ее работу. Мне нужен запрограммированный вами код доступа.

— Я ничего не буду говорить! Убирай вон из моей квартиры!

Инга кричала, все еще надеясь, что с механизмом произошел непонятный сбой, но тот словно не слышал ее приказов, он спокойно освободил захваты силовой кобуры и вытащил тяжелый АПС. Не паралитический, а *боевой*.

— Вы ведете себя неконструктивно. — Произнес сервомеханизм. — Даю вам последний шанс подумать. Потом будет поздно. Или вы считаете, что введенный вами код невозможно разгадать?

Инга вдруг мысленно усмехнулась. Она не понимала, откуда в ее рассудке на фоне панического ужаса проскользнула внутренняя усмешка.

— Вы будете говорить?

Он поднял оружие на уровень ее лба, так что Инга почувствовала обжигающий холод металлопластика исходящий от среза ствола.

Она хотела ответить, но не смогла, — мышцы парализовало от дикого, уже не сравнимого ни с чем ужаса.

В следующую секунду сервомеханизм выстрелил, едва уловимым движением изменив направление огня, так что пуля только оцарапала кожу на виске у Инги, заставив ее вскрикнуть, теряя сознание.

* * *

Реальность возвращалась медленно, окружающие предметы проступали сквозь туманную дымку, — Инга поняла, что лежит на полу в гостиной, а стрелявший в нее сервомеханизм что-то делает с креслом, через открытый дверной проем она видела распахнутые дверцы шкафа в спальной комнате, и вдруг сознание резко прояснилось: серв таскал ремни, прочно прикручивая их к подлокотникам и ножкам кресла.

«Он что, пытать меня будет?!»

Инга боялась пошевелиться, в то же время ощущая болезненное давление под ребрами.

Она медленно скосила глаза. Видимо падая, она задела рукой механизм открывания встроенного в стену коридора шкафа, который еще бабушка приспособила под своеобразную «кладовку», где хранились ненужные, но дорогие как память вещи. Например, два кия и набор увесистых шаров для игры в бильярд, принадлежавших еще ее деду.

Инга поняла: если она сейчас не сделает что-нибудь, то все закончится очень страшно. Даже воображение отказывалось представить, что может сделать с ней взбесившийся сервомеханизм.

«У меня нет шансов. У машины отличная реакция и масса сенсоров…

Ну и что? Действуй!»

Инга вняла своему внутреннему голосу, ужас трансформировался во что-то иное, придавшее ей сил: схватив увесистый бильярдный шар, она метнула его вдоль пола, стараясь попасть в дверной проем спальной комнаты.

Как она и рассчитывала, сервомеханизм мгновенно отреагировал на движение, резко обернувшись в сторону спальни, и в этот миг она вскочила, нанеся ему удар кием по затылку.

Что-то громко хрустнуло, и человекоподобный механизм начал разворачиваться, но как-то медленно, неуверенно, а Инга, уже не отдавая отчета в собственных действиях, все била и била, пока кий вдруг не сломался пополам, обнажив под разлохматившейся от ударов древесиной стальной сердечник.

Тяжело дыша, она стояла над искалеченным сервомеханизмом, ее взгляд впился в широкую трещину, образовавшуюся в «черепной коробке» машины, сквозь которую были видны вставленные в гнезда объединительных плат пластины с нейрочипами.

Не в силах сдержать подступивших к горлу рыданий (не от жалости к себе или дройду) она резким движением вонзила острый обломок кия внутрь черепной коробки сервомеханизма.

«Теперь уже точно не встанет», — пришла чужая, отстраненная мысль.

Действуя как в полусне, она подобрала оружие, зачем-то окинула долгим пристальным взглядом разгромленную гостиную, словно хотела запомнить или проститься с привычными с детства вещами, а затем вышла из квартиры, закрыв дверь на замок.

* * *

Оказавшись в пустом, безлюдном подъезде многоэтажного дома Инга вызвала лифт и только тут мысленно спросила себя: что дальше?

Куда бежать, к кому обратиться?

Вокруг — только машины. Она уже несколько месяцев не выходила из дома, но была абсолютно уверена, что кроме нее в городе больше нет никого живого.

«Я одна… Одна…»

Мысль граничила с полным отчаяньем.

Войдя в лифт, она машинально коснулась сенсора «подземная парковка».

Все, произошедшее с ней казалось настолько диким, что до сих пор не укладывалось в голове. Надо что-то делать. Защищать себя. Спасаться…

«От кого?!»

Не знаю… Я убегу… Уеду из города… Буду бежать пока не встречу людей…

Наверное, так будет правильно. Люди меня поймут, разговаривать с машинами бесполезно и опасно. Конечно, полицейский сервомеханизм не обязан подчиняться приказам подозреваемого, как обычный бытовой дройд, но он был… *чужой*. Не наш. Он пришел с боевым оружием и стрелял в меня.

Инга машинально коснулась виска. Кровь запеклась и уже не сочилась, только на щеке и подбородке образовалась ломкая корка.

Лифт, наконец, остановился, дверцы автоматически раздвинулись в стороны, и она увидела сумеречный уровень подземной парковки, где горели лишь редкие источники дежурного освещения.

Машин было полно.

Она давно уже никуда не ездила, ее «Мираж», простояв в общественном гараже долгое время, наверное, находится в ужасном состоянии, но брать чужую машину (хотя Инга понимала — хозяева автомобилей давно покинули город) ей не хотелось. Она не считала себя виноватой в случившемся, и инстинктивно не желала подключать к своему ужасу еще и какое-нибудь чувство иррациональной вины.

«Мираж» оказался на месте.

Чистый, вымытый, ухоженный, — видимо после той роковой бури обслуживающие механизмы изрядно потрудились, приводя в порядок все городские коммуникации, включая общественные парковки.

Инга открыла дверь, села в кресло, завела двигатель.

Все работало нормально за исключением бортового компьютера, который внезапно выдал сигнал сбоя.

Ну и ладно. Обойдусь. Принадлежавший Инге «Мираж» отличался от большинства стоявших рядом машин тем, что был выпущен лет пятнадцать

назад, еще до вступления в силу закона, запрещавшего езду при выключенном автопилоте.

Водородный двигатель работал практически бесшумно, она сидела, не спеша трогать машину с места. Сначала нужно решить: куда ехать? Ну, по городу понятно, на главный проспект и все время прямо, до дорожной развязки, а там?

На федеральную трассу, конечно. Буду ехать, пока не встречу людей. Отсюда до Москвы — тысячи километров трассы и сотни городов.

Инга все еще не могла осмыслить случившегося с ней. Только сейчас, сев за руль машины, она вдруг со страхом поняла: прежняя жизнь закончилась, а что ждет ее впереди — неизвестно.

Хотелось получить ответ на вопрос: почему? Что случилось с прежним миром? Где она пропустила ставший роковым момент времени, когда начались изменения, а она не заметила их?

Нет, все будет нормально. Я найду людей. Ведь объявляли — строится еще один колониальный транспорт, который заберет тех, кто все же решит улететь на новую родину. Кажется его старт был намечен на август… Сейчас только начало июня, я успею. Обязательно успею…

Сидеть дальше в бездействии показалось невыносимым, и она осторожно повела машину к выезду с подземной парковки.

* * *

Поначалу все складывалось благополучно. Инга опасалась, что тот сервомеханизм был не один, но с облегчением убедилась, что никто даже не думает препятствовать ей.

Улицы города были пусты, здания в сером дневном свете выглядели хмуро, даже сервы и те попадались редко. К счастью все они спешили по своим делам и не обращали на одинокую машину ровно никакого внимания.

Неприятности начались на выезде из города.

Инга была вынуждена сбросить скорость на съезде с дорожной развязки; машину она не водила давно и действовала осторожно, прислушиваясь к себе, и потому перегораживающий выезд на федеральную трассу импровизированный блокпост, состоявший из двух поставленных поперек дороги машин и десятка полицейский сервов она заметила слишком поздно, когда препятствие показалось из-за закругления пологого съезда и до него оставалось метров тридцать не больше.

Ее спасло лишь то обстоятельство что у «Миража» был выключен автопилот, и действовало ручное управление, иначе ее машину остановили

бы дистанционно.

Увидев сервомеханизмы в форме полиции, она мгновенно потеряла контроль над собой, — слишком силен и свеж оказался вернувшийся страх, — нога машинально утопила педаль газа, в ее действиях отсутствовал тонкий расчет, только возродившийся ужас, и ставшие когда-то инстинктивными навыки вождения спасли Ингу от вторичного «ареста».

Ее «Мираж» обладал еще одним неоспоримым преимуществом, — в конструкции кузова присутствовал большой процент металла, и соответственно мощный двигатель сумел разогнать автомобиль на короткой дистанции до достаточной скорости, чтобы, ударив в небольшой зазор между капотами поставленных поперек дороги полицейских «Ягуаров», ее «Мираж» отшвырнул их в стороны, освобождая себе путь.

Инга все давила на газ когда вслед ударили выстрелы, лопнули, разлетаясь гранулированным крошевом заднее и лобовое стекло, а она, вцепившись в руль, продолжала гнать, пока столбик электронного спидометра не дошел до красной зоны.

Триста километров в час…

Было трудно дышать из-за напора встречного воздуха, полотно скоростной магистрали стелилось под колеса, сливаясь в сплошную серую полосу, дорога шла без опасных поворотов, прямая, как стрела, и все же Инга, не выдержав, сбросила скорость: по мере удаления от города все чаще стали попадаться незначительные препятствия, в виде сломанных ветром веток деревьев и прочего мусора, ехать на пределе скорости стало опасно, тем более что в механизмах машины что-то угрожающе скрипело и постукивало.

Станут ли сервомеханизмы преследовать ее?

Конечно, станут…

Притормозив до двухсот километров в час, Инга еще минут пятнадцать вела машину по трассе, но встречный ветер так сильно хлестал в лицо, что поддерживать даже такую скорость становилось все труднее, в горле першило, наверное, от мельчайших частичек пыли, присутствующих в воздухе.

Наконец она почувствовала, что не может больше. Останавливаться — безумие, но что же делать? По обеим сторонам дороги высился мертвый лес. Деревья, давно уронившие хвою и листву, успели почернеть от дождей, но все же их кроны, похожие на воздетые к хмурым небесам изломанные руки, могли послужить прикрытием от обнаружения.

Дождавшись, пока появится первое попавшееся ответвление дороги, ведущее в лес, Инга свернула на второстепенную дорогу, и почти сразу ее

окутал мертвый леденящий душу сумрак; под колесами «Миража», который шел теперь на небольшой скорости, похрустывали обломанные ветром ветки, тихо шелестела уминаемая покрышками желтая хвоя.

Лес умер, вокруг не было даже намека на жизнь, стояла непривычная бьющая по нервам тишина, не щебетали птицы, не роились насекомые, везде, куда ни глянь — лишь сумеречные оттенки серого и желтого.

* * *

Километров через тридцать она увидела разбитые постройки.

К мрачному, тягостному впечатлению от погибшего леса добавились иные, еще более ужасные подробности произошедшей тут катастрофы.

Еще километров десять назад Инга заметила, что многие деревья наклонены в одну сторону и теперь она поняла, почему: в земле зияли исполинские воронки, на дне которых в лужах черной, стоячей воды вперемешку были навалены многотонные глыбы бетона, части разорванных взрывами, оплавленных сервомеханизмов, остатки каких-то металлоконструкций, вырванные из-под земли, скорченные от огня оптические кабели, фрагменты оборудования и компьютерных терминалов…

Дорога каким-то чудом уцелела, лишь покрытие из асфальтобетона в некоторых местах вздыбилось, словно в гравийные откосы бил исполинской кувалдой какой-то титан.

Инга едва держала себя в руках. Сильнейшее нервное напряжение внезапно сменилось непомерной усталостью, ей все труднее было сосредоточиться на дороге, в голову постоянно лезли обрывки воспоминаний о случившемся, словно разум до бесконечности прокручивал одну и ту же запись событий, прихотливо перемешивая ее фрагменты.

«Что произошло тут?» — Она честно пыталась сосредоточиться на окружающем, чтобы не потерять контроль над машиной, но вид множества расположенных двумя параллельными рядами исполинских воронок ни о чем не говорил ей, кроме очевидного факта: здесь произошла серия сильнейших подземных взрывов, уничтоживших какое-то производство, либо хранилище техники.

От наземных построек остались лишь груды обломков, да кое-где белели секции устоявшего под ударами взрывных волн защитного ограждения.

Постепенно она миновала зону основных разрушений, воздух, попадавший в салон через разбитые стекла более не нес горечи пожарища,

зато она почувствовала другой запах — острый и неприятный.

Оглянувшись, Инга увидела, что задняя часть машины, где располагался водородный двигатель, окутана клубами желтоватого пара.

Этого еще не хватало.

Новая опасность на время прояснила рассудок. Двигатель был явно поврежден, должно быть в него попали пули, ехать дальше становилось небезопасным, и она поневоле заглушила его.

«Мираж» проехал по инерции еще несколько метров и остановился.

Сразу же навалилась глухая, ватная тишина. Она сидела, откинувшись на спинку водительского кресла, в полном изнеможении, даже мысль о том, что поврежденный двигатель может быть опасен, прошла поначалу стороной, скользнув где-то на периферии сознания.

Что же мне теперь делать?

Риторический вопрос. Она совершенно не была готова ко всему, что случилось с ней за истекшие несколько часов, своего побега из города Инга не планировала, все произошло так страшно, непонятно, неожиданно, и теперь она не знала, как действовать дальше.

Надежды промчаться по федеральной трассе, пока ей не удастся встретить людей, теперь выглядели глупыми: наверняка ее ищут именно там, и не сверни Инга в лес, неизвестно была ли она сейчас жива и свободна?

Господи, как все глупо и страшно. Я одна в Пустоши, у меня нет ни защитного костюма, ни еды, ничего…

Пар, окутавший машину, становился все гуще, в горле опять запершило, и Инга вынужденно выбралась из салона «Миража».

Нужно было куда-то идти. Двигаться, пока еще есть силы, не может же лес быть бесконечным…

Она медленно отошла на несколько шагов, оглянулась, но плотные клубы пара уже скрыли ее «Мираж».

Инга заплакала, и пошла, не разбирая дороги, в буквальном смысле — куда глаза глядят.

Глава 5

Пустошь.

В ста двадцати километрах от мегаполиса Север-12…

На свалку машин она вышла случайно. Инга долго брела по пустоши, средь мертвых почерневших деревьев, перебираясь через буреломы, — бежала с черепашьей скоростью, покуда хватило сил. Ее гнал не страх — страх если не умер, то забился в глубины подсознания, сжавшись мерзким, вздрагивающим комочком, а двигаться, идти вперед и вперед, не разбирая направления, не ведая цели Ингу, заставляли неведомые ранее чувства — ярость, упрямое желание жить, наполовину разбавленное ужасом от постоянно возвращающихся обрывочных воспоминаний.

Я буду жить одна… — стучала в висках навязчивая монотонная мысль.

Но как выжить в пустошах? Горло першило, но не столько от жажды, сколько от отравленного воздуха, силы таяли, голод, поначалу острый, сосущий теперь притупился, но в голове время от времени начинало мутнеть, мысли путались, и, перебираясь через очередной завал, она, карабкаясь по черным, рассыпающимся под пальцами в труху стволам, обреченно подумала:

«Больше не могу».

Перевалившись через гребень хаотично наваленной ветром баррикады, она, болезненно ощущая каждый удар, без сил скатилась к подножию бурелома, ударилась спиной и долго лежала, не в силах вдохнуть.

Наверное, Инга на некоторое время потеряла сознание, а потом, когда начала приходить в себя, увидела странную картину, — тучи разошлись, солнце горячечным шаром медленно клонилось к закату, его лучи били сквозь щели меж стволов поваленных деревьев, касались ободранных рук, лица, и их прикосновение вдруг наполнило душу безмятежностью, словно враждебный мир исчез, и остались только мгновенья блаженного умиротворенного покоя, как в детстве…

Она долго лежала без сил и желания пошевелиться, пока багряное солнце не опустилось так низко, что стало страшно от его кровавых лучей, изменивших эмоциональное восприятие реальности.

А потом поднялся ветер, и Инга увидела свинцово-стальную тучу,

которая в считанные минуты заполнило небо, принесла сумерки, и по иссохшей земле, выбивая султанчики пыли, сворачиваясь в серые шарики, ударили первые крупные капли проливного дождя.

Она инстинктивно попыталась вскочить, ища укрытие; измученное тело отозвалось тупой болью в мышцах, пояснице, спине, сознание вновь помутилось, но Инга пересилила себя, вернее это дождь пересилил ее слабость: крупные капли секли наискось, во мгле стену дождя сминал порывистый ветер, осветив окрестности, вспыхнула бледная, ветвистая молния, и за краткий миг она увидела, что вокруг простирается свалка машин.

Выходит, упав с нагромождения поваленных ветром древесных стволов, она все время лежала спиной к нагромождениям отслужившей свое техники…

Над головой раскатисто пророкотал гром, следом ударила уже близкая, ослепительная, отбрасывающая тени от предметов вспышка молнии, в ее свете стали отчетливо видны тысячи старых автомобилей, они высились, где коническими горами, где штабелями, большинство уже проржавевшие с выбитыми стеклами, опасно громоздящиеся друг на друга в обманчивом, зыбком равновесии, и все же Инга, пошатываясь, побрела к ближайшему штабелю ржавых корпусов, ей стало так холодно, одиноко и тоскливо, что страх опять отступил, забирая с собой и здравый смысл, — ей казалось, что, забравшись внутрь какой-либо машины, она почувствует себя защищенной хотя бы от проливного дождя.

В свете очередной рваной вспышки ударившей молнии она случайно заметила что-то наподобие навеса, оставшегося, вероятно, от тех времен, когда здесь шла утилизация машин, но внимание Инги привлекли не столько серые, установленные друг на друга бетонные блоки и просевшее перекрытие, на которое сползло несколько ржавых кузовов, а блеснувший в таинственном сумраке блик.

Она машинально повернула в сторону бетонной конструкции, наполовину скрытой оползнем старых автомобилей, и уже подойдя ближе, при очередном ударе молнии увидела, что глубоко под навесом стоит почти новый автомобиль.

Инга двигалась на пределе сил, она устала и промокла, одежда липла к озябшему телу, казалось еще шаг и она упадет в липкую грязь…

С трудом добравшись до странной машины, она не нашла в себе сил удивиться необычным очертаниям тускло отсвечивающего лакокрасочным покрытием кузова, — главное стекла были целы, а значит внутри сухо… Протиснувшись в небольшой зазор, между бетонной стеной и непонятно

как сохранившимся автомобилем, она взялась за ручку двери со стороны пассажирского сиденья, в голове промелькнула запоздалая мысль — а вдруг заперто? — но дверь внезапно поддалась: Инге послышался тонкий звук сервомотора, но она приняла его за галлюцинацию…

Внутри салона действительно было сухо, а когда дверь мягко встала на место, отсекая шум дождя и действующий на нервы скрежет сползающих под порывами ураганного ветра старых машин, Инга вдруг почувствовала себя в безопасности, хотя особых поводов для оптимизма у нее не было…

Промокшая, дрожащая от холода она очутилась в кромешной тьме, стекла машины оказались как-то странно тонированы, в салон не проникали даже отсветы от вспышек молний… или это на улице прекратилась гроза?

Впрочем, измученной девушке было сейчас не до того.

Свернувшись калачиком, она дрожала от холода, а когда понемногу начала согреваться, то незаметно для себя провалилась в глубокий сон.

* * *

Ей приснился кошмар.

Настолько реальный, что, не в силах проснуться, она принимала его за действительность.

Она увидела лес. Живой, могучий, невнятно шумящий кронами, его разрезала ровная полоса дороги с асфальтобетонным покрытием, а по бокам под сенью вековых сосен прятались углубленные в землю корпуса каких-то бесчисленных производств.

Инга ощущала себя кем-то другим, в то же время оставаясь самой собой, просто сознание прихотливо перескакивало с одного восприятия на другое: она ощущала как ровно стелется под колеса мощной машины серая лента дороги, воспринимала тревогу, да нет — смертельное, тоскливое чувство одиночества, словно спокойный своей вековой силой лес вдруг стал чужим для человека… и правда — под сенью деревьев от приземистых промышленных корпусов бежали похожие на людей фигурки; вспарывая литыми ребристыми колесами ковер мха, двигалось несколько боевых машин цвета хаки, а деревья… они вздрагивали, роняя ветки и хвою под хлесткими ударами автоматных очередей и визгливым, шальным разлетом рикошетящих пуль…

Затем восприятие поменялось и она услышала голос, чуть хрипловатый голос мужчины, даже мельком смогла увидеть его нечеткий почему-то дрожащий и искажающийся силуэт: не конкретные черты лица, а

смутную фигуру, сидящую на водительском сидении, — он был облачен в боевую экипировку российского спецназа, — Инга видела, да и сама частенько носила такую в виртуалке, рядом между сидениями лежал, тускло отсвечивая холодом вороненой стали, короткоствольный автомат, лицо незнакомца скрывал полушлем, бронированное забрало закрывало лоб, глаза и нос, оставляя незащищенной нижнюю часть лица, у губ черной горошиной на тонкой сталистой дуге чуть подрагивал микрофон коммуникатора:

— Спрей, это Аргус. — Шевельнулись губы незнакомца. — Дело сделано. — Он произнес короткую фразу изменившимся, каким-то надорванным голосом, будто в его жизни больше уже не осталось ничего, только этот последний отчет перед далеким абонентом.

— Что с группой? — Раздалось в ответ.

Инга сжалась. Она не понимала, каким образом ей удается слышать встречный вопрос человека названного «Спреем», но почувствовала, что сейчас услышит что-то непоправимое.

— Они погибли. — Аргус произнес фразу, сжав зубы. — Все погибли, Спрей… Нет больше группы. Я один. Сервы добрались до складов с оружием и боксов с бронетехникой.

Несколько секунд тишины.

— Аргус, возьми себя в руки. Ты должен выбраться. Сколько осталось?

— До взрыва? Пятнадцать минут.

— Найди любую технику и уходи из зоны поражения! Это приказ!

— Техника у меня есть… Я угнал прототип «Ланцета».

— Аргус, ты… Сбереги его!.. И выбирайся сам!.. Слышишь!..

— Навигатор не работает. Иду по федералке. Ты же знаешь, Спрей, нас выбрасывали с вертушек, перед заданием давали только топографию объектов. С прилегающей местностью я не знаком. Ты ведь не хуже меня понимаешь, что группа была послана на смерть. Ведь понимаешь?!

— Аргус успокойся. Я не могу тебя позиционировать, система мониторинга накрылись. Через спутники кто-то пустил вирус. Ты должен выбраться сам, местоположение базы тебе известно.

— Осталось двенадцать минут, Спрей. Взрывы будут подземными, перекрытия, конечно должны выдержать их, но все же поручиться, что удар не вырвется наружу, нельзя. У меня на хвосте свора сервов, у них как минимум три боевые машины. И сканеры. Твои предложения?

— Передать инструкции по системам прототипа я не успею… Аргус ты движешься на север или на юг?

— На юг.

— Отлично. Теперь слушай внимательно. По правую сторону от федералки должна находиться свалка машин. Старых, еще с двигателями внутреннего сгорания. Они вторичное сырье для производств.

— Плевать, что они такое! Дело говори!

— Свернешь на свалку, найдешь укрытие, массы металла блокируют сканеры машин. Пережди взрывы, корпус «Ланцета» выдержит, он проектировался с десятикратным запасом прочности. А потом выбирайся, уверен, когда рванут производства, сервам станет не до тебя, если там вообще что-то уцелеет.

— Понял. До связи, Спрей.

* * *

Через пять минут он увидел свалку. Лес обступал огромную, напичканную металлом проплешину со всех сторон, он стоял глухой стеной, а впереди, у съезда на территорию, огороженную высоким бетонным забором, Аргуса ждала засада: две боевые машины перегораживали федеральную трассу, а за их бронированными корпусами прятались так разительно похожие на людей фигуры.

Только Аргус не строил иллюзий. Его не могла обмануть военная форма, надетая на механические подобия людей. Он узнавал их издалека, навскидку, молниеносно определяя, кто перед ним — человек или серв — по угловатости движений последних.

Таранить бронемашины бесполезно, проскочить через лес — нереально, слишком близко друг к другу растут деревья, да еще этот бетонный забор…

А таймер, встроенный в экипировку, неумолимо гонит к нулю показания оставшихся до серии взрывов минут.

Одной рукой схватив ИПК, Аргус резко вывернул руль, заставив прототип затормозить, разворачиваясь юзом, и тут же через щель опускающегося бронестекла водительской двери резанул двумя короткими прицельными очередями, отшвырнув на землю трех механических исчадий, один из которых изображал офицера временного блокпоста, а двое других — его подчиненных.

Открыв дверь, Аргус, не глуша двигатель Ланцета, выкатился на дорогу, — Инга видела это так, будто являлась сторонним наблюдателем, и тут же ее сознание словно вселилось в него: ни одной лишней мысли в голове, ни страха, ни злобы, мышцы, разум все работает «на автомате» — результат многолетних тренировок и стопроцентного самоконтроля в

смертельных ситуациях. И все же она успела почувствовать где-то там, подле равномерно и неестественно-спокойно бьющегося сердца острую, как заноза, боль за погибших товарищей, и мутную горечь, не понятую ей: «возомнили себя богами… а платить нашим детям… жестоко платить…»

Эта фраза еще долго не будет давать ей покоя, ну а сейчас она вместе с Аргусом рванулась вперед, огибая раскаленные бронежалюзи в корме боевой машины, и сразу с колена короткими очередями резанула по сгорбившимися, прячущимися за броней фигурам.

Вместо крови и глухих ударов пуль, разрывающих плоть, Инга увидела снопы искр, услышала характерный звук пробиваемого металла, — солдатская униформа рвалась, обнажая металлопластик человекоподобных корпусов, и валились они как куклы — моментально застыв, словно окостенев в тех позах, как настигли их пули.

Аргус мельком взглянул на хронометр.

Пять минут. Успею.

Он быстро нырнул в пропахшее металлом нутро бронемашины, и резко сдал назад, убирая препятствие с дороги.

Все. Теперь назад в прототип…

Он вылез через люк, на секунду выпрямился, стоя на броне, и в этот миг два одиночных, ударивших издалека выстрела впились в спину бронебойными пулями, разворотившими металлокевлар…

Ни одна из них не прошла навылет, Аргус дернулся всем телом, но устоял на ногах, только дышать стало нестерпимо-больно, да на губах вместе с хрипом запузырилась кровавая пена.

«Снайпер… В спину…»

Пошатываясь, он сполз со ската брони, падая и вставая, добрел до Ланцета, рухнул на сиденье и повел машину вниз, по разблокированному спуску, мутным уже тускнеющим взглядом выискивая надежное место, где можно укрыть прототип.

«Ребята найдут… Спрей знает, где искать… Ланцет им еще послужит…»

Впереди возвышался капитальный навес: бетонные фундаментные плиты, поставленные друг на друга, и положенные сверху без раствора и сварки плиты перекрытия. В глуби виднелась досмотровая яма, над сооружением из бетонных плит высилась гора наваленных друг на друга машин.

Аргус загнал прототип под навес.

Сознание меркло. Он, превозмогая боль, обернулся.

Хотелось вылезти, вдохнуть в последний раз свежего воздуха,

напоенного лесными ароматами, но не осталось сил, да и не судьба…

Далеко за свалкой земля вдруг вздрогнула, как при землетрясении, и начала подниматься вверх неестественно медленно: сначала шел черный вал, в котором словно спички поднимались вырванные с корнем вековые деревья, потом из-под земли полыхнул огонь, закручиваясь в ослепительные спирали, он рвался в небеса, опадал, выплескивался вновь, пока не заполыхал весь обозримый горизонт, от края до края…

Аргус уже не видел этого.

Его взор застила багряная пелена, потом пришла чернота, и исчезло все…

* * *

Инга вскрикнула во сне, но проснуться не смогла.

И снова возвращался кошмар, такой яркий, детальный, пронзительный, но уже связанный непосредственно с ней: она ощущала, как тянутся к ней холодные, неживые руки, тонкий визг сервомоторов рвал нервы, угрожающе приближались пальцы-манипуляторы, удерживая тонкую, похожую на непрозрачную липкую ленту полоску, вот она коснулась ее лба и плотно прильнула к коже, впиваясь в плоть миллионами микроскопических иголочек.

Она задыхалась от ужаса, не понимая, кто и что делает с ней, но кошмар вдруг начал истончаться, только в районе лба ощущалось жжение, которое как-то незаметно трансформировалось в успокаивающее тепло.

* * *

Она проснулась как от толчка.

Первое ощущение — одежда была сухой. Затем сквозь муть проясняющегося сознания, отталкивая кошмар, проявилось детальное ощущение реальности, на секунду пришла облегченная мысль: «слава Богу, это был всего лишь сон…» но она оборвалась, как только в ногах стал явственно ощутим ток теплого воздуха, а боковое зрение уловило полупрозрачную переборку из дымчатого стекла, отделявшую ее от водительского сидения.

Двигатель машины работал беззвучно, но все же она ощущала легкую, едва приметную вибрацию, а за герметичной (судя по канту уплотнителя) перегородкой взгляд различил силуэт человека, который сидел, уронив голову на грудь…

Ледяной озноб медленно полз вдоль позвоночника, кожу на затылке стянуло мурашками, и тут же она ощутила что-то неестественное,

принадлежащее не ей, — тонкую полоску на лбу под прядками волос…

Дико закричав, Инга попыталась сорвать ее, но тщетно — ногти впивались в кожу не в силах подцепить край тонкой полоски, тогда она лихорадочно стала искать систему отпирания дверей, нашла, ударила ладонью по сенсору, будто это могло помочь быстрее освободиться, и, уже не контролируя своего панического ужаса, выскочила наружу, в узкий зазор между приоткрывшейся дверью машины и влажными, холодными, шероховатыми бетонными блоками.

Ей казалось, что ужас заполнил рассудок без остатка, сердце в бешеном ритме ударов грозило лопнуть или выскочить из груди, она, обдирая руки, выскочила из узкого зазора бетонного навеса, споткнулась обо что-то, упала, вновь вскочила с одним желанием: бежать, куда угодно без оглядки, но…

Она застыла, остановилась, будто налетела на неодолимую стену: впереди там, где узкий уже едва угадывающийся съезд на свалку соединялся с бывшей федеральной трассой, стояла бронемашина, точно такая, как ей виделось в кошмарном сне, а из нее выскакивали механические фигурки…

Сутки назад Инга не отличила бы их от людей. Она не могла понять, каким образом в ее сознании прижилось то знание, вернее *опыт*, которым, по всей видимости, владел Аргус, но ее резко прояснившийся взгляд тут же подметил ту самую неестественную для человека ритмику движений, что демонстрировали высаживающиеся полицейские.

Ночной кошмар тут же притупился, потускнел, новое острое ощущение уже реальной, смертельной опасности обожгло, и она, вместо того, чтобы бежать сломя голову, медленно попятилась назад. Инга не забыла, как стрелял в нее полицейский, кожу на виске, ободранную пулей до сих пор саднило, и она продолжала медленно пятиться, пока не уперлась спиной в шероховатые бетонные блоки навеса.

Почему? Почему все так происходит? Что я сделала? Ну да, влезла в систему спутника, но не убивать же за это?…

— «Тебя убьют». — Внезапно раздался тихий, ровный голос, который был слышим скорее через вибрацию черепной кости. Ощущение внезапное, неприятное, ошеломляющее… — «Медленно отходи к навесу. Там тебя не заметят».

Инга дрожала всем телом. Ее била бесконтрольная нервная дрожь. Не зная, как и что отвечать, она медленно попятилась, видя, что полицейские сервомеханизмы уже развернулись цепью с явным намерением прочесывать свалку.

Возможно, верить внезапно услышанному голосу было ошибкой с ее стороны, но куда бежать?

Все складывалось страшно, нереально, безысходно, но именно безвыходность ситуации породила в ней внутренний протест. Сначала робкий, слабый, приглушенный истовым желанием жить, жалостью к самой себе, но бессилие перед надвигающейся неотвратимостью, ощущения подкашивающихся ног, слабости отказывающегося повиноваться тела, разбудили внутри что-то древнее неодолимое, ассоциирующееся с легким помутнением рассудка и железистым привкусом во рту, когда ледяной озноб вдруг сменился горячей волной ярости, затуманившей зрение.

Нет. Я не могу ничего сделать. Мне нужно спрятаться, стать незаметной среди хаоса нагроможденного вокруг металла, не двигаться, и тогда быть может, все обойдется, они не заметят меня…

А что *обойдется*?

Инга находилась в странном и страшном состоянии, словно падала в пропасть, сжавшая в ожидании рокового удара, который все не наступал, а его предчувствие становилось все более тягостным, невыносимым…

Она забилась под какой-то ржавый остов разобранной машины, затаилась, наблюдая как цепь полицейских сервомеханизмов, миновав открытое пространство, начала дробиться на группы, втягиваясь в сумеречные ущелья меж штабелями подготовленных к утилизации автомобилей.

Сердце постепенно успокаивалось, возвращалась способность мыслить здраво, хотя толку от здравомыслия в ее положении — чуть, при попытке привести мысли в порядок тут же наваливалось чувство безысходности: она все отчетливее понимала, что сделала роковой шаг в своей жизни, перечеркнув и прошлое и будущее. Ну, на что ей сдался этот спутник? Вторгаться в систему глобальной навигации было самонадеянно и глупо…

И что теперь?

Как жить? Дорога назад в город заказана, там ее непременно арестуют, если не убьют, как пытался сделать полицейский сервомеханизм. Остаться здесь? Но вокруг пустоши — опасное для жизни пространство, где обитают только мутанты…

Ее мысли прервала сухая трескучая автоматная очередь.

В глубинах свалки кто-то пытался оказать сопротивление полицейским сервомеханизмам, Инга конечно не являлась специалистом по вооружениям, но знала, что современное оружие, которым пользуются

силы правопорядка в основном бесшумное, да и основано оно на иных принципах, — помимо излучателей различных волн, воздействующих на человеческий организм, полицейские применяли и кинетическое оружие, — ссадина на виске тут же напомнила о себе тупой саднящей болью, — однако выстрел из импульсного пистолета сопровождается едва слышным сипящим звуком, но никак не звонким грохотом.

Автоматная очередь ударила вновь, затем, вторя ей, зачастили и одиночные выстрелы, рассыпаясь глухим перестуком, Инга едва успела подумать, что в глубинах свалки завязался настоящий бой, как вдруг, перекрывая остальные звуки, послышался басовитый гул, — от горизонта приближались две стремительно растущие в размерах точки, прошла минута, и вот уже стали отчетливо видны хищные очертания боевых вертолетов, они сделали круг над свалкой и вдруг…

Сначала Ингу ударило волной ужаса, затем по всему телу внезапно вспыхнула боль, так словно ей под кожу влили раскаленный свинец, она невольно вскрикнула, забившись в судорогах, и сознание вновь начало меркнуть…

* * *

Очнулась она спустя минут десять.

Оба вертолета сели на открытом пространстве у съезда на свалку. Полицейские сервомеханизмы возвращались, — одни конвоировали небольшие группы разоруженных людей, другие волокли свои подобия, изрешеченные пулями и, наверное, уже не подлежащие восстановлению.

Инга, едва придя в себя после болевого шока, смотрела на разворачивающиеся события с возрастающим ужасом, отвращением, и глухим протестом, который не находил выхода из-за слабости в мышцах, — она едва могла пошевелиться, иначе, наверное, кинулась бы на помощь несчастным, став одной из жертв разыгравшейся на ее глазах трагедии.

Пленных было человек шесть или семь — после испытанного дистанционного удара у Инги двоилось в глазах, реальность воспринималась, словно сквозь дымку.

Она не могла рассмотреть всех подробностей из-за дальности расстояния, но и того, что сумела увидеть, хватило с лихвой.

Прямо на земле меж севшими вертолетами человекоподобные сервомеханизмы развернули нечто вроде полевой лаборатории — вытащили и установили несколько довольно громоздких приборов, от которых в недра винтокрылых машин уходили глянцевитые кабели стационарного питания.

Затем началось самое страшное.

Пленных по одному подводили к блокам аппаратуры, каждому на голову надевали тонкий обруч, затем следовала минута напряженной тишины обруч снимали и… Инга инстинктивно зажала ладонями рот, — человек, которого только что тестировали при помощи непонятной аппаратуры все еще стоял на коленях, когда один из полицейских поднял импульсный пистолет и дважды выстрелил ему в затылок…

Из глаз Инги брызнули слезы.

Она не понимала: за что? Вид насильственной смерти вызывал удушливые тошнотворные спазмы, все происходящее казалось жутким сном, бредом, ведь эти самые полицейские встречались ей в городе на каждом углу, они были приветливы и предупредительны, всегда готовы помочь, дать нужную информацию, а тут…

До сознания Инги, наконец, дошла страшная и в то же время неоспоримая истина — сервы убивали людей. Они делали это буднично, избирательно, — троих пленных после тестирования затолкали в вертолет, а остальных застрелили, — безоружных, беспомощных.

Она плакала, кусая костяшки пальцев, чтобы не сорваться на крик, ей было так страшно, так противно своего желания жить, беспомощности, ослабевшего, все еще парализованного болевыми ощущениями тела, что внутри как будто заработали невидимые жернова, перемалывая все — память, разум, душу, Инга еще не понимала, что тоже стала жертвой расстрела, ее так же подвергли жесточайшему тестированию, вот только его результаты проявятся не вдруг, они станут известны постепенно со временем, когда… когда она сможет ответить себе: ради чего пряталась, кусала в кровь сжатые, побелевшие кулаки, как и зачем она сможет жить, ведь ее реальность оказалось имеет жестокую необъяснимую изнанку, и значит она фальшива?

Если бы Инга не помнила иной мир, мир без сервомеханизмов, мир без пустошей, она бы, наверное, мыслила иначе, задавала бы себе другие вопросы, или просто не смогла бы устоять под сокрушительным напором обстоятельств, но она помнила…

Это было давно, и память девочки сохранила лишь яркие впечатления детства, красочные, особо врезавшиеся в память лоскутки иной данности…

Она выросла и повзрослела под надежной защитой самодостаточного города, где не существовало нищеты и социального неравенства, но всегда, сколько она себя помнила, в жизни присутствовали ноющие, сидящие очень глубоко нотки неудовлетворенности, какой-то серости, скучности, когда учеба кажется бессмысленной, а вернувшись вечером домой не

знаешь куда подевать не растраченную за день энергию, и единственной отдушиной становится терминал компьютера, погружение в сеть, где она искала друзей, и находила хотя бы временные развлечения.

Разве могла она подумать, что этот мир однажды рухнет, станет враждебным и страшным, обернется свалкой машин и неисчислимыми опасностями пустошей, кошмарным сном, как будто вырванным из чужой жизни и не менее кошмарной реальностью, где машины созданные людьми для служения, спокойно, делово расстреливают своих создателей?

Весь мир казался ей сейчас большой сценой, где шел спектакль, а она, вопреки правилам вдруг встала со своего места и пошла туда, за кулисы…

* * *

Вертолеты улетели спустя четверть часа.

Вслед за ними полицейские сервомеханизмы, погрузив в бронемашину изуродованных автоматными очередями «стражей порядка» укатили в сторону недалекого, но уже недосягаемого для Инги города.

Она осталась одна. Полностью опустошенная, измученная, будто не спала вовсе, с засевшей в мышцах болью, и чувством полного окончательного краха всего, чем жила.

Некоторое время она лежала в своем неудобном укрытии, погрузившись в странную отрешенность от мира, ей казалось, что самым лучшим выходом будет, если она вообще не станет двигаться и останется тут, потеряет сознание или уснет, чтобы больше никогда не проснуться.

В действительность ее опять вернул голос.

Инга вздрогнула: ощущать как что-то звучит *внутри тебя*, материализуясь в виде воспринимаемых звуков, источник и направление на которые нет никакой возможности определить, было неприятно и страшновато. Впрочем, догадаться, кто заговорил с ней, было несложно:

— Прототип? — Шепотом произнесла она. — Как ты разговариваешь со мной?

— Полоска на твоем лбу. — Пришел ответ. — Она содержит модуль связи и несколько сканеров.

— Имплант? — Содрогнулась Инга.

— Внешний контактный комплекс.

— Зачем?

Казалось, что вопрос остался не понят, но спустя пару секунд ответ все же пришел:

— Мне необходимо с кем-то разговаривать. Так положено. Иначе я перестаю существовать.

Инга не знала, как поступить. Если признать, что с ней разговаривает прототип, выходит, что она сейчас общается с машиной, хуже того — с мыслящей машиной, которая во время сна насильственно передавала ей кошмарные картины из прошлого…

«Я увидела, как образовалась одна из пустошей».

Мысли перескакивали с одного на другое, она слишком много пережила за истекшие сутки, наверное такого количества ранящих психику впечатлений Инга не получала в течение всей прожитой ранее жизни, от голоса, вновь зазвучавшего в наступившей после гула вертолетных лопастей тишине сознание очнулось, сбросило горестное оцепенение, и в нем один за другим возникали десятки вопросов.

— Ты серв? — Наконец спросила она.

— Извини, я не понимаю формулировки вопроса.

Инга задумалась, не спеша покидать свое укрытие.

— Хорошо, попробуем по-другому. Для чего ты создан? Я знаю ты — прототип, но прототип чего?

— Меня конструировали для использования на Новой Земле. На другой планете, куда отправилась часть Человечества.

— А что ты должен был делать? — Продолжала допытываться Инга. — В чем твои преимущества?

— Я машина. У меня есть много функций.

— Ты разговариваешь со мной. Это заранее предустановленные словари, варианты фраз или…

— Словари, варианты фраз и модули искусственного интеллекта. Я прошел курс распознавания зрительных образов и вербальных конструкций языка. Потом со мной перестали общаться, оставив тут.

— «Ланцет» — это имя собственное или название модели?

— Название модели. — Наступила секундная пауза, а затем голос добавил: — Учитывая, что я прототип, и других машин не существует, мое название можно расценивать как имя собственное.

В их общении наступила пауза. Инга боялась. Страшные события истекших суток довлели над ней, но и они же заставляли по-новому оценить реальность, задуматься хотя бы о ближайшем будущем.

— Пожалуйста, не бросай меня. — Вновь раздался через некоторое время голос Ланцета. Инга все еще не решила как действовать дальше, события прошлого, с которыми она соприкоснулась в кошмарном сне, не находили осмысления, она слишком мало знала о периоде, который предшествовал образованию пустошей, реальность пугала ее до дрожи, будущее вообще виделось столь зыбким и непредсказуемым, что думать о

нем не хватало моральных сил.

Фраза, произнесенная Ланцетом, как показалось Инге, несла интонации, но они еще больше встревожили ее.

Где гарантия, что под бетонным навесом не скрывается еще одна, только более изощренная версия враждебного к людям сервомеханизма? Они тоже умеют говорить и вежливо, и по-всякому…

— Ты видел, что происходило пол часа назад?

— Да. — Пришел немедленный ответ.

— Ответь, как ты расцениваешь это?

— Я не могу это расценивать. Меня создавали, чтобы я оберегал жизни тех людей, которые станут передвигаться в условиях чуждой планеты. Мои конструктора считали, что я должен накапливать опыт, общаться с людьми, помогать им выжить в условиях чуждой биосферы. Обратная связь предполагает, что люди станут лучше относиться ко мне, а значит, будет меньше поломок. К тому же человек быстрее реагирует на голосовое предупреждение, так заложено в вас природой…

— Ты не ответил на мой вопрос. Видел, как механизмы убивали людей?

— Да. Я видел, как механизмы убивают людей, видел, как люди убивают людей, видел, как люди разрушают механизмы. Я стоял под навесом, прячась от всех. Иногда заводил двигатель, чтобы уехать, но никогда не знал, куда и зачем? Люди, которые жили на свалке, пытались меня поломать. Те механизмы, что приходили и убивали людей, подлежат утилизации, как сбойные образцы техники. — Опять наступила пауза, а затем снова раздался голос:

— Инга, я знаю, что я есть. Только не понимаю — зачем?

Она вздрогнула от прозвучавших слов.

Как созвучны, оказались они ее собственным мыслям. Она то же ощущала себя живой, вернее выжившей в череде диких, совершенно непонятных, неприемлемых для души и разума обстоятельств, и что дальше? Она дышит, чувствует, мыслит, только зачем? Где теперь ее цель? Где смысл жизни?

Ей вдруг стало жаль Ланцета. Наверное, в сложившейся ситуации он оказался ближе и понятнее, чем все окружающее вместе взятое.

— Ланцет у тебя есть средства спутниковой связи?

— Конечно.

— Тогда последний вопрос: почему ты пустил меня внутрь?

— Я снял маскировку во время грозы. Ты сама увидела меня и пришла. Ты нуждалась в отдыхе, твоя одежда промокла, как я мог не

открыть двери?

— А потом когда я спала, ты подключил мне имплант. — Напомнила Инга. — Зачем?

— Это стандартная процедура. Иначе наше общение было бы невозможно.

— А то, что мне снилось? Про Аргуса?

— Это правда. Он привел меня сюда.

— Ты и ему клеил имплант?

— Нет. Он сделал это сам.

Инге вдруг стало нехорошо. Она отчетливо вспомнила смутный силуэт на водительском сидении, за дымчатой поднятой Ланцетом перегородкой.

— Он там? — С дрожью в голосе спросила Инга.

— Да.

* * *

Так началась ее новая жизнь.

Инга никогда никого не хоронила. Смерть родителей она восприняла абстрактно: они практически не виделись, да и катастрофа в далекой Антарктиде воспринималась как нечто происходящее не с ней.

С бабушкой все обстояло иначе, но и тут она лишь испытала горечь утраты близкого человека, сосущую пустоту вокруг, от которой в конечном итоге ускользнула в виртуалку…

Сейчас спускаясь по шатким корпусам старых машин, она испытывала совершенно иные чувства.

Что кривить душой, Инга не была готова ко всему случившемуся. Внутри что-то леденело, обрывалось, как при падении с большой высоты, моментально вернулся нервный озноб, хотя утро выдалось ясным, беспощадное солнце палило вовсю, жара стояла градусов тридцать, да еще масса металлолома добавляла свою лепту — от проржавевших кузовов исходил такой жар, что запросто можно было обжечься.

Оказавшись на ровной площадке, Инга растерялась. Метрах в десяти от нее там, где совершали посадку вертолеты, в лужах крови лежало несколько человек, но, пересилив себя и подойдя ближе, она с содроганием увидела, как неряшливо одеты, грязны и уродливы те, кого застрелили полицейские компы.

Она сразу догадалась, что перед ней мутанты, но страх и брезгливость недолго боролись с чувством сострадания, которое еще не выжгло из ее души.

Инга чувствовала, что вновь не знает, как поступить, ей было страшно подойти ближе, но тут на помощь пришел Ланцет.

— Я могу выкопать яму. — Раздался его голос. — Тела погибших следует закапывать в землю, верно?

Инга с трудом кивнула, едва сдерживая слезы.

Пред ней шаг за шагом открывался жуткий мир, о котором она как выясняется, ничего не знала.

— Спасибо Ланцет. — Выдавила она, зажимая ладонями рот, чтобы задушить тошнотный спазм, вызванный вонью, исходящей от мертвых тел. Это не было запахом разложения, Инга с содроганием поняла, — так эти люди пахли при жизни.

Тихо фыркнул водородный двигатель и Ланцет мягко сдал назад, впервые за многие годы выкатываясь из своего укрытия.

Таких машин Инга точно никогда не видела. Он оказался длинным, приземистым, с плавными обтекаемыми формами… впрочем, «приземистым» он казался только из-за свой длины, на самом деле Ланцет был выше любой известной Инге модели машин раза в полтора, его мощные ребристые колеса оставляли на влажной от ночного ливня почвы глубокие следы, свидетельствующие о нешуточной массе машины, кроме двух передних дверей в бронированном корпусе виднелись еще две одна в средней части кузова, другая там, где обычно расположено багажное отделение.

Развернувшись, Ланцет остановился в нескольких метрах от мертвых тел, под его днищем раздался сначала ноющий звук сервопривода, затем утробный вой, Инга ждала, что сейчас во все стороны полетит земля, но ошиблась, почву выталкивало плавно, образуя симметричный вал по периметру невидимого ей углубления.

Через минуту Ланцет снова взвизгнул сервомоторами и отъехал в сторону.

Инга поняла: теперь ее очередь.

Стараясь дышать ртом, она подошла к лежащим вповалку телам, схватила одного из изуродованных мутацией людей за заскорузлую одежду и, обливаясь потом, оттащила к краю вырытой ямы.

Тело скатилось вниз, мягко стукнувшись о дно.

Так пришлось повторить еще четыре раза.

Инга таскала мертвые тела, нечаянно касаясь обнаженных из-под одежды участков загорелой кожи, чувствовала ее прохладную резиновую упругость, вздрагивала, сжималась, но продолжала тащить, пока последнее из тел не оказалось в братской могиле.

Измученная морально и физически, опустошенная, уже не способная элементарно разрыдаться Инга, пошатываясь, отошла в сторону, бессильно присела на ржавый капот какой-то древней машины, тупо глядя на свои испачканные землей руки.

Еще что-то умерло, сгорело в душе, будто там оставалось чему умирать…

Она практически не воспринимала в эти минуты ничего, погрузившись в серую хмарь собственных мыслей, она думала о том, какой ничтожной, бессильной, слабой она оказалась, вырванная из уютненькой квартирки на семидесятом этаже городской высотки, как смехотворно-мало знала она о жизни, да и знала ли вообще, если все, что происходило в городе, подчинялось регламенту системы, — незримой и недоступной пониманию воле сообщества машин, окружающих людей заботой и вниманием, создающих все условия для жизни и с такой же легкостью отнимающих жизнь, стоило совершить одно-единственное незапланированное действие.

Впрочем, упрекать себя в абсолютной слабости и безволии она тоже не могла. Сумела же вырваться из лап полицейского сервомеханизма, затем бежала из города, добралась сюда…

И что теперь? Действовать на адреналине было не то чтобы легко, — скорее бездумно, она защищалась, делала это как могла, по подсказке внезапно очнувшихся инстинктов, и вот теперь запас природной выносливости истощился, и снова нужно осознавать данность, принимать решения, но как, и какие решения принимать, если все знания об окружающем ее мире выражаются одним, ничего не поясняющим термином — Пустоши?

Пока она горестно размышляла, сидя на горячем капоте старой машины, Ланцет, выдвинув из закругляющегося к низу переднего бампера миниатюрный бульдозерный нож, аккуратно зарыл могилу.

— Инга, — раздался его голос. — У нас осталось еще одно дело.

Она с трудом подняла опущенную голову, посмотрела вокруг, увидела чуть в стороне еще одну небольшую ямку с отвалом земли по краям и с содроганием вспомнила: Аргус.

Его тело по-прежнему находилось в кабине Ланцета.

Инга не двинулась с места, продолжая сидеть. Обрывочные мысли кружили в голове, как сухие осенние листья. Фрагменты детских и юношеских воспоминаний складывались в пугающую мозаику, она никогда раньше не придавала значения подобным воспоминаниям и вот теперь они словно очнулись: она вспомнила, как часто просыпалась по ночам от

тонкого дребезжания стекол, и видела бабушку, нервно прохаживающуюся по комнатам, поглядывающую в окна, а далеко за городом в сгущающейся тьме небеса подсвечивали рваные вспышки, за которыми приходил приглушенный неравномерный гром, там что-то бухало, ворочалось, невидимый великан своими огромными ручищами рвал толстые листы картона, и продолжалось это не одну ночь и даже не месяц…

— Ланцет, скажи, что уничтожила группа Аргуса? — Наконец произнесла она.

— Подземные хранилища.

— А что там было?

— Разная техника, для нужд Земли и для отправки в колонию.

— Знать бы еще причину, по которой были взорваны склады… — неожиданно для себя вздохнула Инга, вставая. — Я видела огромные воронки, выгоревшую землю с обугленными, но устоявшими деревьями.

Ланцет ничего не ответил. Когда у него не было конкретной информации, он предпочитал молчать.

Лишь с тихим звуком сервомотора открылась водительская дверь, предлагая Инге еще одно суровое испытание.

* * *

Вот уже полчаса как они ехали по федеральной трассе, — той самой по которой Инга бежала из города.

Она все еще не могла определить своего настоящего отношения к событиям последних суток.

— Ланцет, что такое «прототип»? — Неожиданно спросила она.

Спокойный синтезированный голос отозвался немедленно:

— Опытная модель, созданная для испытаний. Если испытания проходят успешно, прототип становится образцом для серийного производства.

— Значит, таких, как ты, много?

— Нет. Я единственный.

— Почему? — Инга поежилась от промелькнувшей в сознании, кольнувшей холодом мысли. — Испытания провалились?

— Испытания прошли успешно. — Успокоил ее голос Ланцета, который когда хотел, мог вложить интонации в произношение слов. — На Земле не планировалось серийного производства подобных машин. Меня разрабатывали для колониального проекта. Требовалось надежное транспортное средство со многими дополнительными функциями, чтобы люди могли путешествовать по неизученным пока просторам Новой Земли.

— Почему у тебя ручное управление?

— Не только ручное. Есть и полный автомат. Мне сложно объяснить некоторые понятия, но… мои создатели придерживались определенных принципов в конструировании. Человек, по их мнению, не должен оставаться полностью отстраненным от каких бы то ни было процессов. Иначе в окружении машин он перестает быть самим собой. Это не мое суждение, а тех, кто сконструировал и обучал меня.

— Обучал?

— Да. Я не просто кибернетическая система, помещенная в корпус многофункционального внедорожника.

— А кто ты?

— Надеюсь, что искусственный интеллект.

— Почему ты сказал «надеюсь»? — Дрогнувшим голосом спросила Инга.

— Потому что еще не разобрался в себе. — Ответил ей голос. — Во время испытаний в условиях полигона, мне пришлось пройти сотни тестов, побывать в разных ситуациях, часть из которых требовала от меня принятия самостоятельных решений.

— Ты справился?

— Да. Мне объясняли, как нужно действовать, загоняли в некоторые рамки, и хоть испытания прошли успешно, я не уверен, что приобретенный опыт истинный.

— Не понимаю. — Откровенно призналась Инга.

— Сотни заданий позволили сформироваться в моих искусственных нейросетях подобию разума. Я осознаю, что делаю. Значит я личность, я существую?

— Конечно. Так же как и я.

— То есть разницы между нами лишь в материалах, из которых изготовлен мой корпус или твое тело?

— Наверное. Извини, я не очень хорошо разбираюсь в вопросах искусственного сознания. Скажи, что тебя тревожит?

— Если допустить, что я такое же мыслящее существо, как и человек, почему мне ни в одной ситуации не было предложено выбора?

— В смысле?

— Я не мог действовать так, чтобы спасти и людей и себя. Были тесты на катастрофу. Мое разрушение, гибель не имело значения. Важно спасти жизнь людей. Что станет со мной — вторично. Я думал, но так и не нашел ответа на вопрос — в чем смысл моего существования? А потом появился Аргус. Он своими действиями дважды спас меня от разрушения, но погиб

сам.

Инга поняла, о чем говорит Ланцет.

— На самом деле все намного сложнее. — Произнесла она. — Я сейчас сама запуталась. Меня пытались убить сервомеханизмы, которые созданы, чтобы беречь жизнь людей и помогать им. Давай поговорим об этом немного позже ладно?

— Я согласен. У меня было время подумать, пока я находился на свалке.

— Мы обязательно поговорим, я обещаю. — Инга, немного успокоившаяся, вновь ощутила чувство тревоги, дискомфорта.

Она впервые задала себе вопрос: зачем создавать машину, потенциальные возможности которой неизбежно приводят к возникновению искусственного «Я»?

Внутренний конфликт технологии, недоработка конструкторов, или намеренное действие?

Некоторое время она размышляла над заданным себе вопросом, а потом спросила:

— Ланцет, сколько нейромодулей установлено в твоих схемах?

— Полторы тысячи.

— А ты не знаешь, какое количество запланировано для массового производства?

— От ста пятидесяти до двухсот.

— Вот видишь. — Инга улыбнулась, впервые с момента своего бегства из города. — Ты уникален. Для прохождения всех возможных тестов конструктора установили избыточное количество нейросетевых модулей. Поэтому ты стал мыслить. Люди не собирались плодить искусственные разумы, а затем заставлять их служить себе.

— Я не думал над такой постановкой вопроса. Спасибо Инга.

— Пожалуйста.

Некоторое время они молчали, дорога ровно стелилась под колеса Ланцета, сзади вихрился серый прах, медленно оседая вытянутым, будто шлейф, облаком.

— А куда мы едем? — Словно очнувшись, спросила Инга.

— Я везу тебя к людям. Ты же хотела добраться до людей?

— Да. А откуда ты знаешь, где живут люди?

— У меня мощные биодетекторы. — Лаконично ответил Ланцет.

— Будем двигаться по федералке, пока не встретим людей?

— Да. Лучшего способа в нашей ситуации я предложить не могу.

— Да все нормально… — Инга чувствовала, что смертельно устала,

глаза просто слипались. — А нас не обнаружат?

— Я включил антисканирующий комплекс. Ты вполне можешь отдохнуть. Если что-то случится, я тебя разбужу.

Инга вздрогнула.

Вопрос степени взаимного доверия между ней и Ланцетом все еще оставался открыт. Грани искусственного интеллекта раскрывающиеся перед ней с разных сторон, пока еще не находили адекватной оценки в душе и рассудке Инги. Прошло слишком мало времени, вместив в себя множество событий, и формирование нового взгляда на окружающий мир только начиналось.

— Хорошо, я попробую уснуть. — Все же Инга решилась довериться Ланцету.

Он ничего не ответил, только на приборной панели заморгал индикатор автопилота, а спинка кресла мягко подалась назад, чтобы Инге было удобнее.

* * *

Проспала она недолго — два с половиной часа.

Ее разбудил мягкий мелодичный сигнал, отозвавшийся во встревоженном рассудке резким предчувствием беды, но, открыв глаза, Инга поняла — никакой опасности нет, просто Ланцет остановился на перекрестке федеральной трассы с второстепенной дорогой.

— Я фиксирую группу построек на удалении в два километра.

— И что? — Инга все еще не пришла в себя после глубокого, провального сна.

— Детектор указывает на присутствие человека.

— Человека ли? — Инга окончательно проснулась, стряхивая оцепенение.

— Исходя из моего опыта, мутанты обычно не ходят поодиночке, и избегают надолго задерживаться на одном месте. К тому же сканеры фиксируют работу сельскохозяйственных механизмов.

— Хорошо, давай рискнем, — приняла решение Инга. — Но будь внимателен, обо всех изменениях докладывай немедленно.

— Само собой, — совсем по-человечески ответил Ланцет, сворачивая с трассы на дрогу с асфальтовым покрытием.

Впереди над макушками мертвого леса возвышались руины каких-то высотных зданий, но Ланцет еще раз повернул, следуя уже по грунтовой дороге, и внезапно перед взором открылась ровная площадка перед двухэтажным особняком, окруженным хозяйственными пристройками.

Ланцет плавно притормозил, разворачиваясь так, чтобы его правый борт был повернут к дому.

— Инга тебе придется выйти. Я фиксирую человека, но он слабо оснащен технически.

— Не видит меня?

— Нет.

— А если ты снимешь защиту от сканирования?

— Все равно материал моего корпуса не даст ему увидеть тебя.

— Хорошо.

— Инга, — остановил ее голос, — если почувствуешь агрессию, сразу прячься за меня.

— Поняла. — Она коснулась сенсора открывая, водительскую дверь, вылезла, и под прикрытием бронированного корпуса выпрямилась в полный рост.

Дом по-прежнему возвышался немой глыбой. Он был построен не из современных материалов, а срублен из дерева, что выглядело очень странным.

— Эй, есть кто живой? — Инга сделала шаг вперед, готовая в любой момент пригнуться, но ее вопрос был услышан и видимо — правильно воспринят: дверь строения внезапно открылась, и на пороге появился пожилой мужчина. В руках он держал «АК-127», снятый с предохранителя — о классификации оружия Инге немедленно сообщил Ланцет.

Некоторое время хозяин одинокого особняка пристально смотрел на машину и девушку, а потом сделал знак рукой, — заходите.

* * *

Старичок показался Инге очень странным. Тихий такой дедушка. И серв над его плечом маленький, невиданный, весь в шипиках антенн, ну прямо как рогатая мина времен второй мировой, только размером с теннисный мячик. Вел он себя с неподобающим серву любопытством: то стремительно вырывался вперед, делая уж совсем неприличный, очень близкий к голове Инги круг, так, что ветерком приподнимало волосы, то свечкой взмывал вверх, явно заглядываясь в сторону Ланцета; продолжалось это секунд пятнадцать-двадцать пока дедушка, опустив «Калашников» не щелкнул пальцами, призывая непоседу к порядку.

Утих. Метнулся за спину старика, исчез на пару мгновений, потом медленно, как перископ подводной лодки приподнялся над плечом.

— Заблудилась дочка? — Раздался глухой, басовитый голос хозяина.

— Ага… — Инга с интересом осматривалась вокруг. Если мерками

прошлого: перед ней фермерское хозяйство, ну а по оценкам настоящего, — пара гектар ни на что не годной, мертвой земли, еще сохранившей форму полей, да дом посередине, когда-то богатый, людный, а теперь никому не нужный постепенно ветшающий. Картину дополняла разнообразная сельскохозяйственная техника — та, что производилась еще до войны, и несколько сервов, монотонно ковыряющих сухую, уже не способную плодоносить землю. Сервы беспокойства не вызвали, ничего необычного, «СМ-15»,[14] серийная модель. Таким даже в последних модификациях нейромодулей не устанавливали.

Старик перехватил ее пристальный взгляд, но комментировать ничего не стал, пригласил в дом:

— Что ж стоишь, заходи, гостьей будешь. Матвеем меня зовут. Хочешь — дед Матвей, хочешь просто по имени.

— Инга. — Она не решилась протянуть руку, обычаи в такой вот опасной для жизни глухомани были ей неизвестны, — не то руку подай, не то — прикасаться не смей, не знаешь как себя вести.

— Машину-то подгони поближе. — Миролюбиво сказал дед Матвей, но автомат на предохранитель не поставил. — Пойдем, у меня сервы вчера до воды докопались, помыться сможешь, да и поговорим тогда.

— Спасибо. — Инга обрадовалась предложению. Даже со своим мизерным опытом путешествий она понимала, что вода в пустошах — роскошь.

Она сделала знак рукой, и Ланцет, неторопливо развернулся, медленно подъехав почти к самому дому, чем вызвал немой восторг шипастого мячика: тот подскочил метров на пять и завис, медленно вращаясь.

Инга не могла разобрать, почему необычный серв пробуждает в ней эмоциональное восприятие, но показалось, что тот, подскочив вверх, едва ли не сказал, глядя на глянцевитый обтекаемый корпус машины:

— Вау…

— Хорошая машина. — Дед Матвей обернулся уже в открытых дверях. — Ты под открытым небом его не оставляй, вон, пусть в сарай заруливает.

Инга кивнула, жестом указав Ланцету место для парковки, а сама пошла в дом.

— Интересный у вас видеосенсор, — как бы невзначай произнесла она. — На антиграве?

— Может и на антиграве. — Пожал плечами старик. — Не особо я разбираюсь в этих новомодных штуках. Да и вообще не мой он.

— А чей?

— Не знаю. Ветром принесло. С неделю как. Любопытный больно, да разговорчивый. Я его грешным делом поначалу подстрелить хотел, да потом жалко стало.

У Инги внутри натянулась невидимая струнка.

«Разговорчивый и любопытный…» — Два слова не могли трактоваться иначе, как признаки искусственного интеллекта.

* * *

Внутри дом оказался таким же необычным, как и снаружи. Никаких привычных для взгляда отделочных материалов или обилия бытовой техники Инга не заметила, мебель была массивной, так же выполненной из дерева, единственной данью современности являлись пневмоуплотнители на дверях и окнах, обеспечивающие герметизацию помещения да очиститель воздуха, работающий в режиме избыточного давления.

— Сама-то как в пустошах оказалась? — Спросил дед Матвей, внимательно посмотрев на Ингу.

— Не ужилась я в городе, дедушка. — В тон ему ответила Инга. — Путешествую.

— Ну, места наши для путешествий не самые приятные. — Дед Матвей не торопясь открыл настенный шкаф и начал сервировать стол, поставил чашки, чайник, достал две банки с непонятным содержимым да несколько вакуумных упаковок с натуральными продуктами. От такой роскоши, особенно от аромата свежезаваренного чая, Инга, честно говоря, сомлела.

— Откуда такая… роскошь? — Не удержалась она от вопроса.

— Ращу понемногу. — Пожал плечами старик. — Солнышко нынче почти не выглядывает, а покажется, так не знаешь радоваться или нет — уж больно оно злое, согласен, приходится приспосабливаться, знать бы только как, да руки иметь. Я уже стар землице кланяться, но сервы-то на что? Им погода нипочем, одна беда — бестолковые больно. Все норовят по-своему делать, а по ихнему неправильно получается, не растет ничего. Пока переучивал, думал либо меня удар хватит, либо сервов искалечу.

— Не искалечили? — Инга прикрылась ладонями, чтобы сдержать улыбку.

— Пару штук. И знаешь дочка — остальные-то поняли, кто тут хозяин. И стали меня, старика, слушаться. Значит, есть у них мозги, как считаешь?

— Программный эквивалент инстинкта самосохранения, —

улыбнулась Инга.

— Я ж говорю: сообразительные оказались. — Дед Матвей подал ей чашку с чаем. — Угощайся.

— Спасибо. Я уже и вкус настоящего чая позабыла.

Матвей не ответил, сел напротив, сделал глоток, потом поднял взгляд и спросил:

— Сирота?

Инга кивнула.

— И все сама по себе, и не ждешь уж ничего хорошего от мира, так?

— Не думала… — Честно призналась Инга. А вот вы Матвей…

— Иванович — подсказал он, чувствуя, что девочке хочется добавить отчество.

— Иванович, — будто эхо повторила Инга, — вы, тут один живете?

— Один, дочка. — Вздохнул тот. — Детей не нажил, вот и остался на старости лет, как ты — сиротой…

* * *

Дед Матвей оказался интересным собеседником.

Инга даже не представляла, как изголодалась она по простому человеческому общению. Когда сели пить чай, (от еды Инга вежливо отказалась, Ланцет накормил ее какими-то пищевыми таблетками) они уже непринужденно общались друг с другом, хотя оставалась тонкая, как будто звенящая незаданными вопросами струнка, но касаться ее оба тщательно избегали.

Например, Инга заметила, что у каждого окна стоит по автомату. Несмотря на то, что оружие было представлено морально устаревшей моделью «АК-127 „Страж“», выглядело оно как новенькое, и расставлено у окон явно не просто так.

— Ну, ты расскажи как дела нынче в городе? — Спросил Матвей Иванович, наливая ей крепкого душистого чая.

— Опустело все. — Ответила Инга, решив не задавать пока вопроса, комментирующего обилие оружия в доме. — Люди все кто улетел, кто вовсе пропал после пепельной бури. Я дома отсиделась.

— А путешествовать почему решила?

— А надоело все. — В то ему ответила Инга. Они пила чай маленькими глотками, получая откровенное удовольствие, что-то утраченное, давно позабытое витало в атмосфере дома, рубленного из настоящей древесины. Осматриваясь, она так и не заметила привычной для взгляда автоматики, даже персонального компьютера нигде не увидела,

хотя дом не маленький, может, где на втором этаже и есть?

— Значит вот как? Заскучала и решила: а поеду-ка я в Пустошь?

— С дройдами я повздорила. — Потупив взгляд, призналась Инга. — Убежала. Убить они меня хотели.

— Совсем осатанели истуканы бездушные. — Дед Матвей нахмурился, понимая, что такими словами не шутят. — Эх, девочка, говорил я когда-то: не доведут нас машины до добра, но разве станет кто слушать? — Он лишь безнадежно махнул рукой и вдруг насторожился: вдалеке послышался ровный приближающийся рокот моторов.

Матвей Иванович повел себя странно: он не испугался, не побледнел, лишь с досадой хлопнул ладонью об стол, затем встал, и неторопливо выглянув в окно, сказал:

— Вертолеты. Собираются на посадку заходить.

Инга откровенно испугалась. Страх еще жил в груди, он просто притаился на время, да и ссадина у виска, закрытая прядкой волос побаливала, давая о себе знать.

— Что же делать? За мной, наверное…

— Не бойся. — Дед Матвей поднял пару половиц, открыв небольшое пространство, отделанное каким-то современным материалом. Затем чуть поодаль вскрыл еще одну нишу в полу и сказал:

— Полезай. Пусть побродят, поищут. Не найдут.

Инга не стала спорить, тем более, что страх внезапно разросся, захватив ее всю. Она быстро юркнула в убежище и две скрепленные вместе половицы закрылись над ней, отрезав свет, но пропуская невнятные звуки.

Судя по ним оба вертолета сели неподалеку от дома.

Инга лежала в тесном убежище, напряженная, вытянувшаяся в струнку, понимая, что нельзя даже пошевелиться, а ее душа, еще минуту назад сжимавшаяся от страха, вдруг испытала иное чувство: она испытала острое беспокойство за Ланцета, и, как ни странно, — за то маленькое, не понятое до конца устройство, с явными признаками интеллекта.

Минуты, что изнывала ее душа под гнетом новорожденных чувств, хватило, чтобы подавить сопротивление рассудка.

Дед Матвей ясно сказал: лежи и не шевелись, но разве так можно, правильно?

Инга с детства не выносила одного — подлости. Да, ее вновь трясло от страха, но чувство несправедливости *извращенности* окружающего мира заставило дружащие пальцы коснуться крышки спасительного убежища. Она уже задавала себе вопрос, немного раньше, еще на свалке машин, когда лежала, скорчившись под прикрытием листов ржавого

железа, наблюдая, как сервомеханизмы убивают людей… с тех пор прошло совсем немного времени, но она успела прожить внутри себя столько, что сейчас, еще раз затаиться, пролежать, трясясь от страха под половицами, оказалось выше моральных сил…

«Что я делаю?…»

Рассудок за мгновенье сорвался в аффект, живот и грудь охватил холод, как будто она мчалась по трассе, превысив скорость и за миг до рокового удара вдруг увидела стоящее поперек дороги препятствие, понимая: все, столкновение неизбежно сейчас наступит удар… но перед глазами на фоне мрака плавала совсем иная, зыбкая, искаженная в деталях картинка — она видела двух человекоподобных сервов, что подходили к дверям сарая, куда от посторонних глаз она загнала Ланцета.

Игра воображения?

Ничуть. Под прядками волос она ощущала полоску внешнего импланта с датчиками, и когда перед мысленным взором возникла еще одна картинка: маленький, непонятный пока еще аппарат с трагикомичным испугом прятался под передним бампером Ланцета, отчаянно старясь забраться поглубже в моторный отсек, она даже прочитала или, может быть все же вообразила, исходящую от него надежду, что там его не заметят, примут за один из агрегатов большой машины.

Мир переворачивался в разуме человека.

Все было неправильно. Мертвый лес, пепел над городом, пустые улицы, серв, направивший на нее оружие, *так не должно быть!..* но если пролежать в укрытии дрожа, изнывая от страха — так и будет. Навсегда.

Мысли, спрессованные в секунды, отчаянно искали выход, и вдруг сознание как будто переключилось на иную реальность.

Сколько времени она провела в ином измерении, не теряя связи с миром физическим?

Так случилось и сейчас.

Ее мышцы, привыкшие к определенным нагрузкам, рефлекторно напряглись, она вся сжалась, будто пружина, чтобы в следующий миг распрямиться в действии.

* * *

Андроид бытовой модификации, протянул руку, и створка ворот сарая протяжно скрипнула, свет хмурого полудня косым зигзагом лег на глянцевитую краску Ланцета…

* * *

Инга действительно разжалась как пружина: отбросив крышку своего убежища, она метнулась к окну, выходящему в сторону сарая, схватила стоявший за занавесью автомат, ощутив в руках привычный по впечатлениям от интерактивного виртуального куба вес, машинально толкнула пальцем ползунок предохранителя в положение «одиночный огонь» и дважды мягко коснулась сенсора.

* * *

Андроид, застывший в полуоткрытом проеме, вдруг услышал хлопок, звон разбитого стекла и тут же сокрушительный удар в голову ударил его о скрипучие ворота, оставив висеть, застрявшим в проломленной доске. Второй сервомеханизм не успел отреагировать на выстрел: пуля, выпущенная метров с десяти, превратила нейрочипы в его «голове» в крошево осколков, и он повалился на землю с глухим стуком, словно кукла.

Инга плашмя бросилась на пол, и ответная очередь из ИПК лишь добила остатки стекла в узком окне, да глухо простучала по толстым звеньям сруба.

* * *

Страх куда-то ушел, оставив дрожь перевозбуждения, да странный ни разу не испытанный в виртуалке железистый привкус во рту.

Инга лишь частью сознания фиксировала события, происходящие внутри дома, она краем зрения успела заметить, как поднимаются псевдополовицы второго убежища, но все ее внимание сейчас сосредоточилось на узком проеме очередного окна, под которое она подкатилась под глухой перестук впивающихся в дерево пуль.

То ли андроиды не умели толком обращаться с ИПК, у которого варьировалась мощность выстрела и скорострельность, то ли стены дома были срублены из какой-то особой породы дерева, но цилиндрические пули вязли в срубе, не пробивая толстые бревна.

Она хотела приподняться, чтобы за секунду осмотреть пространство перед домом, но вдруг на ее нормальное зрительное восприятие наложилась туманная картинка, переданная датчиками… нет, не Ланцета, — из-за створки ворот сарая выглядывал тот самый маленький, непонятный серв, который меньше минуты назад прятался под его бампером, пытаясь проникнуть в моторный отсек. Это он передавал Инге изображение: десять человекоподобных машин расположились полукругом, держа под прицелом все окна, выходящие во двор, а двое дройдов приближались к дверям…

«Ну и бестолковые они…» — промелькнула в сознании Инги мысль, хотя секунду назад она чуть было сама не совершила глупость, — стоило бы ей выглянуть в узкое окошко, и все, конец, но сейчас об этом не думалось, — она резко отпрянула в сторону и всадила короткую очередь в тонкую дверь, прошив ее насквозь на уровне человеческой груди.

Еще два глухих удара, прозвучавшие на улице, подтвердили правильность ее действий, оба андроида получили критические попадания в область сервомоторных узлов, и тут же, не давая Инге опомниться, ударило несколько ответных очередей, прошив дверь, выбивая из нее острую щепу, впуская в сумеречное помещение хмурый свет, который лучиками проникал сквозь пулевые отверстия, высвечивая витающую в воздухе пыль.

Внезапно твердая рука коснулась ее плеча, прижимая к полу. В дверь чуть пониже уже пробитых отверстий впилась еще одна очередь, затем стрельба на улице смолкла, и тихий шепот деда Матвея обжег ее:

— Отползай к крайнему окну… Они сейчас пойдут в обход. Трое с одной стоны трое с другой. Валим тех, что останутся напротив двери. Давай…

Инга безропотно поползла к указанному окну.

Непонятно, откуда Матвей Иванович знал, как станут действовать дройды, но он оказался прав: не обращая внимания на окна, мимо которых только что благополучно проследовали две группы по три машины в каждой, остальные человеческие подобия держали под прицелом изрешеченную пулями дверь.

Четыре одиночных выстрела покончили с ними, и тут же не сговариваясь, Инга и Матвей Иванович развернулись к окнам, расположенным в торцах здания.

Точно.

Сервомеханизмы, только что пытавшиеся зайти с тыла, метнулись назад, видимо, по их логике, засевшие в доме люди должны были воспользоваться разблокированной дверью для побега.

Инга успела свалить двух дройдов пробегавших мимо окна, дед Матвей справился со всеми, внезапно демонстрируя вовсе не стариковскую ловкость, и бросился к дверям.

— Прикрой! Не калечь его просто прикрой! — Выкрикнул он.

Инга дала очередь.

Звон разбитого стекла, фонтанчики пыли, выбитые из-под ног человекоподобного сервомеханизма, заставили того резко обернуться, но ответить на огонь он не успел, — выскочивший через дверь Матвей

Иванович приложился к его затылку каким-то устройством, отчего андроид тут же потерял способность двигаться.

— Быстрее ко мне! Помоги!

Инга, не отпуская оружия, выскочила на улицу.

— В твоей машине есть программатор?

Она на секунду растерялась, не зная, что ответить, но Ланцет уже выкатился на улицу, аккуратно припарковавшись рядом с обездвиженным сервомеханизмом, и внезапно из его бампера вдвинулся длинный, гибкий щуп с характерным компьютерным разъемом.

Матвей Иванович задрал пеноплоть на затылке андроида, обнажая ответное гнездо, шунт пошел в него, затем дважды провернулся по часовой стрелке и застыл.

— Что нужно запрограммировать, Матвей Иванович?

— Так, занеси в базу данных: задание выполнено, цель уничтожена, задача: возвращение в точку базирования. Второй вертолет следует на автопилоте повторяя маневры ведущего.

Видимо система Ланцета прекрасно справилась с заданием, переведя короткие инструкции с языка людей, в понятые для машины команды.

Прошло меньше минуты, а шунт опять дважды провернулся и начал втягиваться назад в бампер. Ланцет включил задний ход, вновь скрывшись в сарае.

— Все, теперь бегом отсюда!

— Куда?

— В дом. Я временно выключил его сканеры. Он нас не увидит.

Действительно через пулевые отверстия в двери Инга смогла рассмотреть, как андроид спустя некоторое время поднялся на ноги, подобрал свое оружие и, даже не оглядевшись по сторонам, побрел к двум севшим за изгородью и невидимым отсюда вертолетам.

Через некоторое время раздался звук раскручивающихся лопастей и обе машины поднялись в воздух, взяв курс на далекий город.

* * *

— Зачем мы его отпустили? — Спросила Инга.

— Чтобы он отрапортовал о выполнении задания.

— В смысле, что убил меня?

— Наверное. Я не знаю, какой у него был приказ. Ликвидировать цель. Наверное, цель — ты. Только вот скажи мне, старику, чем ты так насолила сервам, что они прислали за тобой вооруженных андроидов? Слава Богу, не боевой модификации, а то так просто не справились бы.

— Вы извините, Матвей Иванович, что втянула вас… — Запоздало извинилась Инга.

— Извиняю. — Дед Матвей беззлобно улыбнулся. — И все же, просвети старика?

— Спутник я перепрограммировала.

— Серьезно?! — искренне удивился Матвей Иванович.

— Куда уж серьезнее. Я ведь училась в академии на специалиста по спутниковым группировкам. Знаю кое-какие технические коды, вот и воспользовалась, чтобы получить доступ.

— Получилось?

— А как же. Я такой пароль на входе установила, что ни одна машина не разгадает.

— Толково. — Непонятно чему обрадовался дед Матвей. — Вот что, оставайся ты пока у меня. Надо мне подумать, может, есть смысл познакомить тебя кое с кем.

— С кем же?

— Ну, например, со Спреем.

Инга на секунду потеряла дар речи.

— Со Спреем? Он жив?

— А что ж ему сделается. А ты откуда про Спрея знаешь?

— Долгая история.

— Ну, пойдем, расскажешь. Мы чай так и не допили. А заодно хотелось бы узнать, где ты так стрелять научилась?

— В виртуалке. — Пожав плечами, ответила Инга.

— На симуляторе что ли?

— Ага. На старом, где надо по настоящему бегать и все такое. От скуки научилась.

— Ну ладно пойдем. Мои сервы пока этих с глаз долой приберут.

Глава 6

Пустоши.

Район бывшего технопарка «Сибирь»…

Утро выдалось пасмурным.

Невидимое солнце взошло за пеленой клубящихся зеленовато-серых облаков, зато ветер утих, не мел пыль, не пригибал к земле сухие пучки травы.

Инга вышла на крыльцо, присела, зябко кутаясь в большую не по размеру куртку.

Вдали чернел мертвый лес, дальше, над сливающимися воедино ветвями-кронами высились руины каких-то сооружений.

Тихо, без скрипа открылись двери ангара с гофрированной крышей, оттуда появились сервомеханизмы, чинно, строем проследовали к теплицам, где дед Матвей выращивал овощи для еды. Лениво застыли, не вращая лопастями, ветряки электрогенераторов, неподвижный воздух был душен, как перед началом грозы.

Инга смотрела вокруг и с каждой новой подробностью, деталью окружающего все острее понимала, — мир, открывшейся ей после бегства, страшен и чужд, он вызывает дрожь, даже прирученные, чинно прошагавшие мимо нее сервы вызывали антипатию, граничащую с ненавистью.

«А как же Ланцет?» — подумалось ей, но от промелькнувшей мысли стало только хуже. Лгать себе она не привыкла, но и мысленно обижать спасший ее механизм не хотелось, а ведь стоило, наверное, признаться, что и к нему, не смотря ни на что, она все еще относилась с подозрением.

За спиной скрипнула дверь, Инга резко обернулась, готовая вскочить, но на плечо легла твердая рука, и дед Матвей произнес:

— Что ж ты так пугаешься, дочка?

Инга пожала плечами, обмякла, не став отвечать на вопрос. Оправдывать свою нервозность не хотелось, и она промолчала, глядя на черную кромку леса, возвышающиеся над ним ободранные решетчатые конструкции и несколько многоэтажных зданий, крыши которых, наверное, цепляли мутное подбрюшье облаков.

— Что там? — Спросила она.

— Был когда-то исследовательский комплекс. — Ответил дед

Матвей. — Что конкретно изучали, не знаю, но, судя по находкам, что волокут оттуда, комплекс был как-то связан с колониальным проектом.

— Что значит «волокут»? — Удивилась Инга. — Кто?

— Люди. Ты что же думаешь, Земля совсем опустела?

Инга опять не нашлась что ответить. Действительно, ей казалось что Город, — она даже мысленно произносила слово с большой буквы, — оставался единственным пригодным для проживания местом, остальное, как им говорили, — Пустоши да разные гиблые места без определенных названий.

— Я конечно не психолог. — Матвей Иванович скрутил сигарету. — Но поговорить нам с тобой нужно.

— Зачем? — Вздрогнула Инга.

— Не зачем, а почему. — Мягко поправил ее дед Матвей. Боишься ты. Боишься и ненавидишь. Уж извини, через окно видел, как ты на сервов моих смотрела. Думал взглядом их испепелишь. Тяжело так жить.

— А как же иначе?! — Инга почувствовала, как вдруг кровь прилила к голове, в ушах зашумело, — да она ненавидела мир, ненавидела, потому что ее пытались убить, потому что она одна беззащитная, потерявшаяся…

— Вот ты послушай меня, старика, а уж дальше сама рассудишь. Я ведь тоже не в таком мире родился и Землю другую помню, Не скажу, что она была цветущей и счастливой, но конечно не такой, — он кивнул в сторону черного леса. — Ты боишься и ненавидишь только по одной причине: потому что не понимаешь окружающего тебя мира. Не видишь в нем ничего, кроме своего отраженного от сотен непонятных предметов и явлений страха.

— А я должна его любить? — С вызовом спросила Инга.

— Нет. Не любить. Но понимать. Тогда исчезнет страх, и ты сможешь жить. По крайней мере, осознано выберешь путь, по которому идти, а гонимая страхом, ненавидящая все сущее, далеко ли уйдешь?

— Разве можно понять вот это? — Инга обвела взглядом клубящийся пепельными тучами горизонт, мертвые деревья, остовы зданий, потрескавшуюся землю с пожухлыми пучками засохшей травы. — Вот вы Матвей Иванович, не боитесь? Приручили сервов, а где уверенность, что они не убьют вас?

— Уверенность есть, и объяснить ее просто. — Дед Матвей долго крутил в пальцах свернутую сигарету, потом прикурил все же, стараясь не дымить на Ингу. — На длинные лекции у меня таланта не хватит, а в двух словах свое понимание расскажу:

— Биосфера почти уничтожена, но природа рано или поздно

восстановит былые позиции. Сохранилась техносфера, и выжили люди. Вот две силы, что действуют в окружающем мире. С одной стороны машины, с другой — мы. Мутациям подвергаются обе стороны, но все же машины до сих пор могут быть классифицированы, а их программные задачи известны. Такие образцы техники можно приручить, — вернуть им былое предназначение. Другое дело — пораженные программными вирусами образцы техники и люди, подвергшиеся мутациям. Они в основном представляют непредсказуемую силу, и встреча с ними в большинстве случаев не сулит ничего хорошего. Если ты, — он взглянул на Ингу, — знаешь, что тебя окружает, то можешь либо избежать опасности, либо противостоять ей. Я, как видишь, живу в Пустоши. Иногда бывает трудно, но справляюсь.

— А как же машины, которые пытались меня убить?

— Сложный вопрос. Мне, честно говоря, то же не все понятно. Мои собственные сервомеханизмы покушались на меня незадолго до начала пылевой бури. Но недавно у меня останавливались на отдых трое военных. Они и рассказали, как был разрушен Барьер, и что происходило незадолго до падения защиты границ.

— А что случилось? — Инга вдруг почувствовала, как замерло сердце. О том, что Барьера на границе больше не существует, она вообще не знала.

Дед Матвей машинально погладил бороду, под которой прятался уродливый шрам.

— Кто-то использовал нашу систему глобальной связи и навигации для передачи вируса. — Произнес он, нарушив возникшую тишину. — Орбитальная группировка посылала на землю не полезные сигналы, а пагубные команды, заставляющие машины действовать несвойственным для них образом. Оказалось, что в век высоких технологий терроризм может принимать общепланетарные масштабы, распространяясь по сетям как чума, только в миллионы раз быстрее. Ты же понимаешь, — исполнительные машины не люди. Это человек может иметь убеждения, сомневаться, испугаться, наконец, а сервомеханизм лишен все перечисленных недостатков. Получив задание, он выполнит его.

— И что же мне теперь делать? — Инга была растеряна и не могла скрыть этого. — Назад в город мне нельзя, в Пустоши — боюсь…

— А ты пока оставайся. У меня поживи. Подумай над тем, что я сказал. Может, подучу тебя кое-чему, с людьми познакомишься, которые ко мне захаживают. В общем, не гоню я тебя.

* * *

К полудню произошли еще два события.

Сначала ее позвал Ланцет.

Инга пришла в сарай, где стояла машина, и увидела, как на мониторе бортового компьютера светится строчка текста:

«Привет, Химера, это Эрик».

Она удивилась, но спрашивать у Ланцета ничего не стала — радость от внезапной возможности пообщаться оказалась сильнее удивления.

Она села в кресло, и сенсорная клавиатура автоматически выдвинулась к ней.

«Привет, Эрик. Как ты меня нашел?»

«Я не искал, вышел в сеть как обычно. Что-то изменилось?»

«Я больше не живу в городе. Уехала».

«Случилось что-то?»

«Да, так. Неважно». — Инга не хотела лгать, но и выдавать правду в *эфир*, после всего сказанного Матвеем Ивановичем она не решилась.

«Рад, что у тебя все в порядке. Извини, мне пора отключаться. Будет свободная минутка — дам знать».

«Хорошо. До встречи…»

Монитор погас, панель клавиатуры задвинулась в специальную нишу.

— Ланцет, что произошло? Как ты смог принять послание Эрика?

— Я следил за эфиром. Твой знакомый использует для выхода в сеть шлем БСК. В следующий раз скажи ему, что такие сеансы опасны.

— Почему?

— Спутники работают на непонятную мне силу. Скорее всего — враждебную. Сервомеханизмы, пытавшиеся тебя уничтожить, получали инструкции через спутниковую сеть.

— А ты себя не выдал?

— Нет. Я отвечал не через орбитальную группировку, а сигналом на длинных волнах. Вокруг существует сеть исправных ретрансляторов.

— Значит, ты знаешь, где находится Эрик?

— Километрах в семистах отсюда. С некоторой погрешностью.

— Он в пустошах?

— Да.

Их диалог прервало появление Матвея Ивановича.

С утра, после разговора с Ингой он куда-то уходил, и вот вернулся, заглянул в дом и отправился на поиски девушки.

— Что-то случилось? — Спросила она, встретившись взглядом с

Матвеем Ивановичем.

— С тобой хочет пообщаться Спрей. — Без лишних комментариев сообщил тот.

— А почему вы такой хмурый?

— Затея мне его не нравится.

— А что он придумал? — Сразу же заинтересовалась Инга.

— Рассказывать не буду. Послушаешь его сама.

— Ну… хорошо. А как мне с ним поговорить?

— Придется идти. Здесь недалеко, всего пара километров, давай сначала в дом — я тебе костюм защитный подберу по размеру, а то ветер поднялся, дрянь всякую несет… — Матвей Иванович был явно не в духе.

— Ланцет, я скоро вернусь. — Инга коснулась ладонью его глянцевитого борта. — Не скучай.

* * *

Два километра по Пустоши — расстояние лишь относительно небольшое. Защитный костюм оказался впору, но идти в нем было непривычно, особенно из-за дыхательной маски.

Сначала Матвей Иванович вывел Ингу на тропинку, начинающуюся за иссохшим потрескавшимся от недостатка влаги полем, затем они вошли под мрачную сень мертвого леса, направляясь в сторону замеченных Ингой еще накануне построек.

Она не сразу обратила внимание, что вслед за ними, а если уж быть точным, — за ней увязался тот маленький странный серв.

«Инга?» — Осторожно, *шепотом* позвал он, заставив девушку вздрогнуть от неожиданности и оглянуться.

Покрытый шипиками антенн шар, размером с мяч для большого тенниса, свободно парил в воздухе на уровне ее плеча, отстав приблизительно на полметра.

«Ты только не прогоняй меня, ладно?»

Инга не удержалась от улыбки. Почему-то загадочный кибернетический механизм вызывал у нее внутреннюю симпатию. Она кивнула, разрешая ему поравняться с ней, в то время как Матвей Иванович, не оглядываясь, шел по знакомой ему тропе твердым размашистым шагом.

— Ну, рассказывай малыш. — Негромко произнесла она. — Ты кто такой?

— МаРЗ. — Загадочно ответил он.

— А поподробнее?

— Малый разведывательный зонд. — Он крутанулся в воздухе вокруг

своей оси и гордо добавил: — С модулем искусственного интеллекта.

Инга недоверчиво покачала головой.

— И где же у тебя помещается все?

— Нанотехнологии. Все очень маленькое, исполнено на уровне молекулярного конструирования.

— А летаешь ты как?

— Я легче воздуха. Материал такой специальный. И микротурбины у меня есть, чтобы ветром от курса не отклоняло.

— И сколько государственных тайн ты мне сейчас выдал? — Инга опять улыбнулась.

— Не знаю. — Он чуть опередил ее. — Я потерялся.

— Давно?

— Давно. Во время пыльного урагана.

— А кто тебя разговаривать учил?

— Дядя Саша. Но он тоже потерялся. Я в лаборатории жил. А потом все сломалось… И стены, и крыша, такой сильный был ветер. И меня унесло.

Инга призадумалась. Не многовато ли форм потенциального искусственного интеллекта встретилось ей за последние дни?

Впрочем, что гадать. Ланцет он другой. Повзрослее, что ли? И свои задачи понимает достаточно четко. А потерявшийся зонд с высокотехнологичной начинкой? Он, судя по разговору, совсем как ребенок.

— Хочешь, буду звать тебя Марзик?

— Нет лучше Марз. Так короче.

— Ладно. Договорились. А что ты умеешь?

— Не знаю. У меня куча сканеров, ты не думай, но вот только научиться всему я не успел… — Он встрепенулся, что выразилось в резком изменении высоты парения над плечом Инги. — Мне Ланцет обещал, что научит пользоваться сканерами.

— Ну, если Ланцет обещал, значит научит. — Инге все больше нравился маленький шипастый шарик.

— А ты меня с собой возьмешь?

— Куда? — Удивилась Инга.

— Ну, вы же с Ланцетом, наверное, скоро уедете? А дед Матвей ругается, когда я к нему с вопросами пристаю.

— Посмотрим. Ты пока Матвею Ивановичу на глаза не попадайся, он ведь тебя с собой не звал, верно?

— Он никогда не зовет.

— Короче, спрячься пока. — Категорично приказала Инга заметив, что лес начал редеть, а впереди открывается зона застройки. Здания высотой в девять этажей практически не пострадали от урагана, вот только некоторые решетчатые конструкции, возвышавшиеся над домами, сильно погнуло, а в некоторых местах вырвало вместе с креплениями, оттого издали постройки и казались полуразрушенными.

Матвей Иванович всю дорогу молча шагавший чуть впереди, обернулся:

— Нам сюда. — Указал он на двухэтажное приземистое здание, больше похожее на возвышающуюся над землей часть бункерной зоны, чем на жилое или офисное строение.

Массивная дверь из металлопластика снабженная не работающей системой избирательного доступа, только подтвердила ее догадку.

— А что тут было раньше?

— Один из резервных командных пунктов. — Ответил дед Матвей, открывая массивную дверь. — Вся кибернетическая составляющая комплекса отключена после атаки со спутников, но каналы кабельной связи сохранились, к ним можно подключиться, не реанимируя весь комплекс.

Инга переступила порог, оказавшись в обычном, ничем не примечательном офисе. Разве что ветер, выбивший стекла навел тут беспорядок, перевернув часть мебели.

Матвей Иванович, не обращая внимания на царящий вокруг хаос, подошел к встроенному в стену шкафу и открыл его створки.

— Лифтовая шахта. Придется спускаться по скобам. Неглубоко, метров десять.

Инга кивнула.

Она решила не задавать пока вопросов, все должно проясниться само собой, когда они прибудут на место. Единственное, о чем она решилась спросить, пока они спускались по технической лестнице, был вопрос относительно ее потенциального собеседника.

— Матвей Иванович, а кто такой Спрей?

— Он из управления спецоперациями. Координатор.

— А вы его знали раньше?

— Знал. И в комплекс после бури я полез не случайно: без наводящих вопросов произнес он. — Нужно было понять, что случилось, почему все так… плохо. Я спустился в бункер, подключился к кабельной линии связи и совершенно случайно вышел на Спрея.

— А что у него имени нет?

— У таких людей имена, конечно, есть, но они строго засекречены.

— Выходит, и вы раньше служили в армии?

— Служил. В военно-космических силах. Уволился незадолго до войны.

Спуск завершился открытыми (вернее разжатыми в стороны) створками неработающей системы лифтового ствола.

— Осторожно. Руку дай. Вот так, молодец. — Матвей Иванович включил фонарь, осветил темный коридор, выхватив конусом луча из мрака приоткрытую дверь без поясняющей таблички.

— Заходи, Инга.

Она вошла. Ничего особенного — погашенные терминалы, удобные кресла, пустые проекционные подставки голографических экранов, — как в хорошем салоне связи, вот только деления на персональные кабинки нет.

Пока она осматривалась, Матвей Иванович вытащил миниатюрный переносной компьютер — переходную модель между устаревшими ноутбуками и новомодными кибстеками, присел, извлекая из недр центрального терминала жгут кабелей, оканчивающихся единым разъемом, подключил его к принесенному с собой устройству и, коснувшись нескольких сенсоров, положил миниатюрный комп на колени Инге.

На осветившемся мониторе возникло изображение сидящего в таком же удобном кресле человека лет сорока, коротко стриженного, с волевым немного угловатым лицом и ярко выраженными вертикальными морщинами на лбу.

— Здравствуй Инга. — Произнес он, пододвигаясь ближе к передающей камере, так что его лицо почти полностью заполнило экран.

— Здравствуйте.

— Можно на «ты». Для тебя я Спрей, впрочем, как и для многих других. У меня к тебе есть пара вопросов и одно предложение. Не возражаешь, если начнем сразу?

— Я слушаю.

— Матвей Иванович сказал, что ты сумела заблокировать один из спутников глобальной навигационной системы.

Инга кивнула.

— Как это тебе удалось?

— Я воспользовалась аварийным техническим кодом доступа. Спутниковая группировка находится в нештатной ситуации, поэтому код был принят. Ну а дальше все просто, пользуясь полномочиями, которые предоставляет вход через аварийный технический канал, я сменила пароль доступа к системе в целом, как бы зарезервировала ее для себя.

— Откуда тебе известен технический код?

— Я училась в академии астронавтики.

— В принципе я так и думал… Все сходится. Ты понимаешь, что своими действиями нанесла серьезный удар по врагу?

— По врагу? — Инга непритворно удивилась. — Разве мы находимся в состоянии войны? С кем?

— Послушай Инга, я немного расскажу тебе, что происходит, а ты сама сделаешь вывод, находимся мы в состоянии войны или нет. Итак, полгода назад после старта из Солнечной системы колониальных транспортов, когда их возвращение уже стало невозможным, наша спутниковая группировка была атакована и переподчинена. Одновременно были приведены в действие и направлены на атаку Барьера тысячи уцелевших после ядерных ударов по Китаю единиц боевой техники. Они прорвали и частично уничтожили единственную защитную преграду, отделявшую территорию нашей страны от зараженных радиацией Пустошей. Но, — Спрей нахмурился, — прорыв Барьера ничем не обоснован. На нашу территорию не пришли мифические захватчики, огромные просторы просто превратили еще в одну Пустошь, где условия жизни для людей неприемлемы. Я много думал над создавшейся ситуацией и пришел к единственному разумному выводу: учитывая, что на пораженных территориях продолжают функционировать переподчиненные сервомеханизмы, методически уничтожающие выживших людей, то загадочной силой, направляющей их действия, может быть только кибернетическая система, возможно — искусственный интеллект, враждебный всему живому, которого устраивает мертвая Земля, куда никогда не смогут вернуться люди.

— Его местонахождение известно? — Перебил Спрея Матвей Иванович.

— В том и дело что нет. Он действует через спутники, потому что кабельные каналы более не составляют единой сети.

Инга, внимательно слушавшая Спрея, немного растерялась.

— Выходит, нашего правительства более не существует?

— Я ничего не знаю о судьбе руководства страны. — Ответил Спрей. — Мои возможности ограничены, я сам заперт в бункере. Есть вероятность, что они выжили, но уже не могут управлять страной, из-за глобального нарушения систем связи. Повсюду враждебные людям сервы, остатки населения образовали небольшие группы, каждый выживает, как может, не ведая о судьбе друг друга. Если не переломить ситуацию сейчас, то черед год-два уже будет поздно.

— Что конкретно ты хочешь, Спрей?

— Инга совершила практически чудо. Она выбила один из спутников из состава сети. Если ты, — взгляд Спрея переместился на девушку, — сможешь продолжить начатое, враг утратит контроль над нашими сервомеханизмами, и они сами вернутся к исполнению первоначальных программ, которые сейчас блокируются. Кроме того, по мере уменьшения числа подконтрольных спутников враг выдаст свое месторасположение. Мы узнаем, где базируется чуждая киберсистема, и сможем нанести удар.

— Почему Инга? Спрей, опомнись!

— Это ты опомнись Матвей. Мы с тобой — старики, которым повезло выжить. Инга молода, она прошла необходимую подготовку, к тому же, чтобы осуществить задуманное, нужно постоянно перемещаться, ускользая от преследования. Инга наладила контакт с уникальной машиной — прототипом всепланетного вездехода класса «Ланцет». Он оснащен собственными комплексами спутниковой связи, значит, Инга сможет действовать мобильно, не привязываясь к стационарным объектам, которые легко вычислить.

— Я окончила всего три курса академии. — Напомнила Спрею девушка.

— Количество курсов сейчас неважно. Для меня существенно иное, — ты смогла заблокировать спутник, установив такой код доступа, что даже я не смог его взломать.

— Вражеская система не будет спокойно взирать на потерю спутников. — Произнесла Инга. Я уверена, что уже сейчас все коды вновь поменялись. То, что я смогла сделать однажды и внезапно, не сработает в другой раз.

— Я буду помогать тебе. — Ответил Спрей. — Под моим контролем все еще находится мощный кибернетический комплекс. К сожалению, он стационарен, — поэтому у меня связаны руки. Но, поддерживая связь с тобой, через кабельные выходы уцелевших сетей и сохранившиеся лазерные ретрансляторы, вполне реально изменить ситуацию. Я буду передавать тебе необходимые данные для доступа к определенному спутнику, ты — блокировать его, выбивать из вражеской сети и… исчезать. Сначала мы создадим «плавающую мертвую зону» над некоторыми регионами России, чтобы обеспечить тебе свободу маневрирования. Затем постепенно перейдем к компонентам орбитальной группировки, охватывающие иные территории — границы и сопредельные пространства. В конечном итоге противостоящая нам сила выдаст свое истинное местоположение, мы сможем точно определить пеленг на основной исходящий сигнал.

Инга задумалась. Спрей был, безусловно, прав, если им противостоит кибернетическая система, то к любому космическому аппарату, тем более что все они российского производства, можно подобрать ключик. Ее внезапное озарение, когда Инге пришло на ум установить в качестве пароля доступный лишь человеческому пониманию образ, несомненно, удачная идея.

Ей сейчас не вспоминался весь ужас пережитого за последние дни. Стыло внутри что-то леденящее, звонкое, но как она могла оценить степень реальной опасности реализации того плана, что предложил Спрей?

Конечно, она могла отказаться. Но что дальше? Еще несколько лет жизни в постоянном страхе? Снова прятаться под половицами?

Инга пропускала сейчас очень многое, но главное для нее уже было очевидно: лучше призрачная надежда, чем давящая осознанная безысходность, ожидание, когда до тебя доберутся ополоумевшие сервы, или добьет несовместимая с понятием «жизнь» природа пустошей.

— Я согласна. — Произнесла Инга, заставив вздрогнуть Матвея Ивановича.

* * *

Они покинули здание только спустя два часа.

Выйдя под хмурый свет затянутыми облаками небес, направились по тропинке в сторону дома, Матвея Ивановича. Шли молча, каждый думая о своем; в конце концов, первым не выдержал дед Матвей.

— Дочка, ты понимаешь, что тебя ждет? — Спросил он, замедляя шаг, чтобы девушка поравнялась с ним.

— Вы считаете, я могла отказаться? — Тихо спросила Инга.

— Спрей оперирует жестокой необходимостью. — Ответил дед Матвей. — Он сидит в своем бункере…

— А вы? Разве вы не дали бы согласие на моем месте?

— Я другое дело. У меня подготовка есть. Боевая. И лет мне уже много.

— А у меня есть Ланцет. И Марз. Вы же отпустите его со мной?

Некоторое время они опять шли молча. Дыхательные маски не располагали к разговору, но когда они вошли в дом и сняли их, то суровый вид Матвея Ивановича и бледное лицо Инги дали обоим почувствовать контраст, они некоторое время смотрели друг на друга, потом Инга, не выдержав, произнесла, пытаясь подавить предательскую дрожь подбородка:

— Да, я боюсь! — Ее голос, начиная от дрожащего шепота, внезапно

стал чуть громче, тверже и горше, — я постоянно вспоминаю, как лежала среди ржавого железа а дройды на моих глазах расстреливали людей…

— Мутантов, — попытался поправить ее дед Матвей, но Инга не приняла уточнение.

— ОНИ НЕ ИМЕЮТ ПРАВА РЕШАТЬ! — Ее голос вдруг стал сухим, но громким. — Спрей прав — это война! Его план ничем не хуже простого ожидания смерти от руки дройда или витающей в воздухе заразы! Я должна хотя бы попытаться! Может тогда появится хоть какой-то смысл, шанс…

— Инга, девочка, успокойся!.. — Матвей Иванович по-отечески обнял ее дрожащую, напряженную, будто комок оголенных нервов. — Я не в праве тебя удерживать. Но останься хотя бы ненадолго — я научу тебя тому, что знаю сам.

Она постепенно успокоилась.

«Полгода одиночества сделали меня совершенно дикой», — подумалось ей.

— Я останусь. Но только ненадолго. — Она не зная, как сейчас вести себя, что делать, каким образом окончательно взять себя в руки, унять противный, липкий ужас, которому сопротивлялась все дни, тихо добавила, мягко отстранившись:

— Пойду, поговорю с Ланцетом. Он тоже вправе принять решение.

Матвей Иванович кивнул, опуская руки. Инга направилась к двери, а вслед за ней, не отставая, за правым плечом неотступно парил маленький шипастый шарик.

«Видно время пришло другое…» — вдруг горько подумалось ему.

Часть 3. Обитель

Глава 7

Средняя полоса России.

Последние числа августа 2079 года…

Лучистое утро над мертвой пустошью…

Деревья, росшие тут сначала уронили листву, почернели, высохли, а затем, к исходу лета начались пожары, превратившие в прах все, что когда-то зеленело под солнцем, и теперь лишь ветер, тоскуя по прежним временам, шуршал черно-серой поземкой, переметая клубы пепла через ровную, как стрела ленту дороги, да завывал тоскливо в обрывках проводов, кое-где свисающих с покосившихся решетчатых мачт линий высоковольтных передач.

Неузнаваемо изменилась Земля.

Дорога плавилась зноем миражей, стелилась под колеса с мягким шелестом, вокруг полыхали последние дни лета, дым тянулся плотными, удушливыми шлейфами; там, где он скапливался, или переползал через полотно автобана пепельно-серыми, рваными особенно жутковатыми ночью языками, приходилось резко поднимать ветровые стекла, и касанием сенсора герметизировать салон Ланцета.

Она бежала. Бежала от себя самой и никак не получалось оторваться, исчезнуть, раствориться, мутная горечь наполняла рассудок, словно череп был пустым и внутри колыхалась вязкая жидкость.

Я убегу… Если раньше не сойду с ума.

«Наше будущее… Которое стало моим настоящим». — С грустью подумала Инга, созерцая унылые пейзажи.

Тихо прошелестел сигнал мобильного коммуникатора, она взглянула на определившийся номер и только после этого коснулась сенсора.

— Да?

— Тебя нигде не найти. — Раздался далекий, приглушенный помехами голос.

— Была в «мертвой зоне».

— Химера, ты… — Ее далекий собеседник замялся, хотя раньше особой застенчивости за ним не наблюдалось.

— Короче, Спрей? Я твоя неосуществимая мечта или причудливая фантазия? — У Инги было нормальное настроение, и она не имела ничего против того, чтобы поговорить.

Спрей усмехнулся.

«Как странно», — подумалось Инге, я ведь видела его лишь раз и сейчас не могу уже представить, как движутся губы, как…

Мысль прервал тонкий заполошный сигнал.

Резкое торможение бросило ее вперед, хорошо привычка Ланцета ворчать по пустякам приучила Ингу пристегивать ремень безопасности.

Удар тела о бампер — жесткий, не такой, как если б сбила человека… и сразу в рассудке метнулась мысль: «серв!..»

Ланцет дернулся, доворачивая к левой обочине, перекрывая своим корпусом вероятное направление стрельбы, а она уже успела отстегнуться, открыть дверь и выскользнуть из салона, одной рукой оттолкнувшись от горячего дорожного покрытия, другой выхватив из наплечной кобуры тяжелый, безотказный АПС.

Когда сталкиваешься с сервомеханизмом стрелять нужно первой, без промедления, иначе шансов никаких.

— Химера, ты куда исчезла? — Донеслось из салона Ланцета. — Не хочешь со мной говорить?

От асфальтобетона струилось знойное марево. Справа и слева, за обочинами раскинулась каменистая пустошь — растрескавшаяся земля да редкие, обугленные деревья.

Пригибаясь, она метнулась вперед, увидела торчащие из-под повернутого влево переднего колеса ноги в высоких армейских ботинках с рифленой, порядком стертой подошвой.

Взгляд под днище…

Голова человекоподобного серва треснула от удара, порванная пеноплоть свисала рваными лохмотьями, обнажив расколотый металлопластиковый череп.

— Ланцет, ты как?

— Инга, собери мне технического серва? — Синтезированный голос звучал ворчливо.

— Мы уже обсуждали этот вопрос. Нет.

— Ну почему? Кто-то должен следить за мной, подкрашивать царапины, мыть…

— Ладно. — Неожиданно смягчилась она. — Я подумаю.

— Ты всегда говоришь «я подумаю».

— Слушай, сейчас не время.

Инга обошла капот и, взявшись за лодыжки, резким движением выдернула андроида из-под машины. Сомневаться не приходилось, — Ланцет в очередной раз спас ей жизнь. Характерная вмятина на черепе

серва ясно указывала на точно рассчитанный маневр, финалом которого стал удар балки усиленного бампера.

Она присела на горячий капот.

— Спрей ты все еще тут?

— Да. Только слышно плохо. Что там у тебя за возня?

— Андроид выскочил из-за обочины.

— Что ему было надо? Познакомиться хотел?

— Не юродствуй. Они сначала стреляют, а потом смотрят, кого пришили.

— И как он?

— Нормально. Только башка треснула. Ладно, ты мне скажешь, зачем звонил? — Она пристально осматривала горизонт, но кроме изменчивого марева миражей ничто не нарушало знойный покой равнины.

— По данным пеленга ты на федералке?

— Допустим.

— Впереди, через двести пятьдесят километров катастрофа. Что-то случилось с утра. Тебе должен быть виден дым.

— Угу… — Инга ответила машинально, хотя никакого дыма не видела. По седьмой федеральной трассе двигался ее электронный двойник, — небольшой устройство, оснащенное системой фантом-генератора. В Пустошах выдавать свое реальное местоположение станет только больной, склонный к суициду. Механизм, изображающий ее передвижение, заодно являлся ретранслятором сигнала связи, действующим на плавающих частотах, так что вычислить ее реальное местоположение было очень затруднительно.

— Надо бы взглянуть, что там случилось.

— Угу. — Опять повторила Инга, размышляя над полученными сведениями. — У тебя все, Спрей?

— Пока все. Когда ждать известий?

— Не напирай. Сообщу, как справлюсь. До связи. — Она отключила коммуникатор, вернулась в салон Ланцета, откинулась в мягкие объятия сиденья. Километров восемьсот… Опять через две Пустоши. Ладно. Надо так надо.

Три месяца бесконечной гонки вымотали ее до предела.

Казалось что лето — это жизнь прожитая в жизни… Каждый день на пределе сил. Десятки тысяч километров по полным опасностей дорогам, удары по спутникам, отрыв от преследования и снова, в точку связи со Спреем, получение добытых им кодов, и опять все с начала.

В середине лета, когда над огромными территориями появились

«мертвые зоны», уже не контролируемые с орбиты, стало легче, но все равно перепрограммированные сервы проявляли прямо-таки маниакальное упорство в стремлении во что бы то ни стало уничтожить человека, который разрушал их систему связи с неведомо где расположенной руководящей и направляющей силой.

Ничего. Осталось немного. Этот спутник должен стать последним, теперь Спрей вычислит источник сигнала.

— Инга, множественный пеленг. Дистанция тридцать километров. Боевая модификация сервов. — Неожиданно раздался доклад Марза, ведущего дальнюю разведку.

— Поняла. Наблюдай за ними. Двигаются кучно?

— Спешат. — Маленький, наивный, игривый шипастый шарик за летние месяцы так же быстро повзрослел, теперь редко позволяя себе шалости, — двигаются растянутой колонной по трое в ряд с максимальной дистанцией, какую позволяет ширина дороги.

Плохо.

Такое построение означает готовность к открытию массированного лазерного огня.

Они знают, что я тут. Андроид успел передать? Наверное. В последний месяц таких разведчиков-одиночек, маскирующихся под выживших людей, появилось множество, кто-то охотился за ней, постоянно держа в изматывающем напряжении.

Принять бой?

Но они готовы в него вступить. Нет. Не сейчас. Не при таком раскладе.

Она тоже научилась за минувший период ледяной выдержке и такой же ледяной ненависти. Инга взрослела с каждым днем, приобретая нечеловеческий опыт борьбы с машинами и одновременно выгорая изнутри, словно сама начала уподобляться механизму.

— Ланцет, уходим. Полная маскировка. Марз, связь временно прекращаем. Переключайся на пассивный прием, уходи в Пустошь. Дашь знать только при радикальном изменении ситуации. И никакой самодеятельности, понял?

Ланцет уже развернулся.

— Будем отрываться или уйдем в Пустошь? — Осведомился синтезированный голос.

— Пыль выдаст. Отрываемся по трассе. Будет удобный съезд в сторону — воспользуемся. Затемни стекла и активируй антилазерное покрытие.

Мощный внедорожник, рассчитанный на экстремальные условия иной планеты, быстро набрал скорость, не давая боевым сервам шанса не то чтобы догнать их, — даже сократить дистанцию до зоны эффективного сканирования.

Инга не притронулась к управлению. Она научилась доверять Ланцету, как испытанному другу, уже не представляла себя без него, и он отвечал взаимностью.

Странная, полная трагических, необъяснимых, а порой смертельных парадоксов жизнь.

Километров через пятьдесят показалась дорожная развязка, — перекресток федеральных трасс, похожий на лист клевера, поднятый на мощных стеклобетонных опорах.

Ланцет свернул вправо к «семерке», по которой двигался фантом-генератор.

Инга молча одобрила его выбор, а когда впереди показался брошенный, лежащий в руинах поселок, взглядом указала на несколько более или менее сохранившихся строений.

— Укроемся там. Нужно чтобы сервы потеряли наш след.

Ланцет беспрекословно выполнил указание, его датчики уже нашли подходящее укрытие, не сканируемое с дороги, — петляя меж руинами, он въехал в старый, собранный из листов гофрированного металла ангар с просевшей крышей.

Минут через пять в прорехе местами обвалившейся куполообразной кровли показался Марз.

— Они ушли дальше по пятой федеральной, — сообщил он снижаясь.

— Хорошо… — Инга почувствовала облегчение. Тридцать боевых сервов не шутка, справиться с ними было бы нелегко.

— Все отдыхаем. На сегодня закончили. — Произнесла она, покидая салон Ланцета, чтобы размять ноги.

— Просьбу Спрея оставим без внимания?

— Завтра. Успеем еще.

Она прошлась по сухому, пыльному полу бывшего складского помещения.

Позиция для обороны не ахти какая, но сегодня их вряд ли потревожат. Если только опять человекоподобное создание случайно не набредет на место их стоянки.

Нет, постоянно думать об опасности невыносимо. Она уже давно и тщетно искала способ расслабиться, сбросить нечеловеческое напряжение противостояния со всем окружающим миром, но ничего не получалось.

Заснуть могла от силы часа на три-четыре в сутки, да и то исключительно в салоне Ланцета.

Присев на какой-то опрокинутый порожний контейнер она наблюдала, как Марз что-то заинтересованно выискивает в дальнем углу ангара.

— Инга я воду нашел!

— Да брось. Канистра или бочка?

— Да нет же. Кран. Наверное, артезианская скважина. Иди, посмотри.

— Ишь ты хитрый — иди, посмотри. Тебе любопытно есть вода или нет? А кран самому не отвернуть?

— Ну Инга… Тут не кран. Рычаг какой-то качать, наверное, надо.

— Слушай, дай посидеть спокойно. Ну, зачем тебе вода? Ее все равно пить нельзя.

— Я Ланцета помыть. Он давно хотел. Ну что тебе сложно?

— Ладно. Иду. — Инга встала, прошла в дальнюю часть ангара, где действительно обнаружился достаточно примитивный с точки зрения механического привода артезианский колодец. Рядом валялось пустое пластиковое ведро. Инга подняла его, вытряхнула пыль, потом несколько раз качнула массивный рычаг, пока из побитого коррозией крана не просочилась струйка воды.

Марз моментально сунул в образовавшуюся на полу лужицу выдвижной анализатор.

— Чистая. Даже пить можно, если ржавчину убрать.

Инга ополоснула ведро и вновь налегла на рычаг.

Зачем она это делала?

Она вряд ли сумела бы четко сформулировать ответ на подобный вопрос.

Набрав пол ведра воды, она отнесла его к Ланцету, отыскала чистую тряпку, пожертвовав половину полотенца, когда-то полученного от Матвея Ивановича.

— Ну, приступай. — С легкой тенью иронии произнесла Инга.

И Марз приступил. Загерметизировав все отверстия в корпусе, он смело погрузился в воду, вынырнув из ведра уже наполовину обмотанный мокрым полотенцем, зацепив его за твердые выступы антенных чехлов, и роняя струйку воды, подлетел к Ланцету.

От первых двух попыток «мытья» на борту и крыше машины образовались две мутно серые полосы, но Марз не сдавался. Снова окунувшись в ведро, он окончательно запутался в половинке полотенца, но, ориентируясь по показаниям сенсоров, продолжил процедуру.

Инга сидела на перевернутом контейнере, смотрела на Марзика,

обмотанного полотенцем, на тускло-глянцевитый борт Ланцета который, казалось, засиял от удовольствия, не смотря на капли мутной воды, стекающие по нему, и думала: ведь они тоже испытывают какие-то чувства, хоть и являются машинами.

Она улыбнулась. Возможно, в первый раз за три истекших после памятного разговора со Спреем месяца. Оказывается, она научилась не только стрелять без промаха, поражая первой же пулей сервомоторные узлы или процессорные блоки, не только взламывать кибернетические системы спутников, ненавидеть, сгорать от непомерной усталости и напряжения бесконечных скитаний по Пустошам, но и любить, понимать тех, кто все время оставался рядом, помогал выжить, готов был пожертвовать собой ради нее.

Да она именно любила их: Ланцета, Марзика, и оба искусственных интеллекта отвечали ей неизменной взаимностью, никто, наверное, не мог бы разобраться, как именно в их искусственных нейросетях происходит формирование эквивалента человеческих чувств, но Инга интуитивно понимала, отчего все происходит именно так.

Исполнительные механизмы бездушны. Они работают в соответствии с заложенными в них программами, с равным усердием истребляя жизнь или насаждая ее, а вот искусственные интеллекты, ядро которых подчинено нейросетям, нуждаются в самом обыкновенном воспитании, они «вырастают» взрослеют, становясь такими, каковы окружающие их люди, и нечего искать зло или добро где-то на стороне, оно в нас, не всегда заметное самому себе, из-за напряжения будней, но вот они — два ярких отражения той искорки человечности, которая тлела в душе Инги, не взирая на многие смертельные опасности и суровые, запредельные для молодой девушки испытания: обмотанный мокрой тряпкой разведывательный зонд и всепланетный вездеход, под корпусами которых выросли два сознания, вольно или невольно отражающие сущность воспитавшего их человека.

Они как дети. А мы, создавшие их, — родители. — Думала Инга, и бесконечная тоскливая усталость отступала, — она поднялась с перевернутого кверху дном контейнера, протянула руку, освобождая Марза от опутавшего его полотенца, и поделив его еще на две половины, окунула свою часть в ведро.

— Давай-ка вместе вымоем Ланцета.

* * *

Ночь в ангаре прошла спокойно, а вот утро выдалось недобрым.

Инга уже привыкла просыпаться резко, как будто от внутреннего

толчка, сразу же без перехода *включаясь* в реальность, как будто и не смыкала глаз вовсе.

Подобный эффект производила полоска внешнего импланта, когда-то впервые соединившая ее разум с датчиками Ланцета.

Сегодня пробуждение стало еще более острым, тревожным, чем обычно, словно еще находясь в объятиях сна, она почувствовала: кто-то крадется.

«Ланцет, Марз?»

«Мы видим». — Прозвучал в рассудке ответ. — «Сервы. Появились в зоне эффективного сканирования тридцать секунд назад. Двигаются под прикрытием фантом-генераторов».

«Они обнаружили нас?»

Пальцы Инги сомкнулись на рукоятке ИПК, лежавшего между сидениями.

«Да». — Пришел ответ Ланцета. — «Они окружают ангар. Я разблокировал дверь. Выпрыгивай, как только открою».

«А ты?» — Рука Инги активировала оружие, тело машинально сгруппировалось.

«Я отвлеку их. Сервов слишком много, чтобы выдержать прямое столкновение».

«Поняла. Осторожнее. Марз, ставишь помехи, как только я выпрыгну».

Дверь Ланцета со стороны водителя бесшумно скользнула назад и в сторону, Инга выкатилась из машины, занимая удобную, насмотренную еще накануне вечером позицию между двумя невысокими, но массивными металлоконструкциями, служившими когда-то нижней частью опор рухнувшей кран-балки.

Ланцет, выключив защитное маскирующее поле, рванулся с места, мгновенно набирая скорость, раздался глухой металлический лязг, когда одна из секций стены, выполненная из гофрированного металла вылетела наружу, под ударом заранее выдвинутого вперед усиленного бампера.

Сервы, окружавшие ангар, на миг обнаружили себя частыми, режущими с разных сторон разрядами когерентного излучения, на долю секунд они обозначили свои позиции, но Марзу было достаточно, он не только ставил помехи, не давая сервомеханизмам обнаружить человека, но и передавал данные, давая точные целеуказания.

Ланцет, словно магнит, в течение десяти секунд приковывал внимание сервов, лазерные лучи рассеивались по его защитному покрытию, но Инга знала, — это лишь временное преимущество, которое надо использовать с

максимальной отдачей.

Резко привстав, она била частыми одиночными выстрелами по вспышкам, зрение, как обычно в подобные секунды словно раздваивалось: на реальность накладывались показания сканеров, вспыхивали, и оставались медленно тлеть яркие сигнатуры пораженных бронебойными пулями целей, остальных скрывал предрассветный сумрак и работа устройств маскировки.

«Десять…»

Выдох. Резкое движение вниз и в сторону, брызги расплавленного попаданиями лазерных лучей металла, — шипящие, плюющиеся сизым дымком, катышки разлетаются по полу ангара…

Шлем БСК внезапно начинает сбоить помехами, это Марз, прикрывая ее и Ланцета, который не в состоянии держать лазерные попадания больше двадцати секунд, метнулся вглубь огромного помещения, демонстрируя яркую сигнатуру, и одновременно поставленный им барьер помех прошел через позицию Инги, она осталась одна, как на ладони, но ближайшие к ней и к пробоине в стене сервы застыли неподвижно, прошитые пулями, а те, кто окружал ангар с других сторон, видят только новую цель, хаотично перемещающуюся меж поддерживающих частично обвалившийся свод решетчатых металлоконструкций.

Инга, пользуясь полученной передышкой, метнулась к дыре, выскочила на улицу, там, где сектор уже расчищен, пригнулась, занимая новую позицию, вскинула ИПК, ориентируясь по режущим глаз росчеркам лазерных разрядов и размытым показаниям собственных сканеров, входящих в устройство шлема БСК.

Зрелище феерически красивое и страшное, стылое до жути: короткие росчерки света режут металл, как картон, вниз от просевшего свода летят фрагменты металлических уголков, перерубленных лазерными разрядами, сигнатура Марза постепенно меркнет, он продолжает метаться средь нагревшихся балок и падающих фрагментов смятого в гофру оцинкованного железа, сервы сейчас сконцентрировали на нем всю огневую мощь, — не выдержав нагрева что-то вспыхнуло внутри ангара, а Инга, привстав на одно колено в немом, сосредоточенном исступлении посылала в эти мгновенья пулю за пулей, целясь по вспышкам…

Секунды…

Пять-семь глухих ударов сердца, Марз выдохся, он, словно пуля в рикошете, отскакивает в стону и взмывает ввысь, свечой уходя через пробоину в крыше, Ланцет возвращается, Инга не видит его до того момента, как из утреннего сумрака вдруг не выдавливает стремительный

силуэт машины, и хрусткие металлические удары не начинают сминать, расшвыривать в стороны попавшихся на его пути сервов.

Марз, поднимаясь все выше, посылает на полупрозрачное проекционное забрало боевого шлема Инги реальный видеоряд, дополненный четкими обозначившими себя сигнатурами уцелевших сервомеханизмов.

Девять.

Несколько лазерных лучей превратили ее укрытие в факел, Инга перекатом рванулась в сторону, чувствуя, как обожгло плечо, — так, едва зацепило, но металлокевлар плохо держит попадания энергетического оружия, ожог гарантирован, только сейчас нет времени обращать внимание на боль, палец толкает вариатор темпа стрельбы в среднее положение, и ИПК режет сумрак короткими отрывистыми очередями.

Еще перекат… Еще…

Смерть несется по пятам, бьет на упреждение, пытаясь предугадать движение человека, но для боевых сервов подобная задача не по силам, они предполагают одно, но Инга уже давно научилась их логике, и ее движения прямо противоположны тем, что предсказывают вычислительные устройства боевых машин.

ИПК вдруг щелкнул вхолостую, рука почувствовала, как вращается в рукоятке механизм автоматической перезарядки, подавая полную обойму, доля секунды, отданная ощущениям, едва не стоила ей жизни, — два разряда когерентного излучения чиркнули по шлему БСК, сканеры мгновенно вырубило, забрало помутнело, Инга машинально сорвала ставшую бесполезной и опасной часть экипировки, и вновь рывком уходя в сторону, открыла огонь.

Марз возвращался, он пикировал вниз, отвлекая внимание четырех оставшихся сервов, Ланцет, снова выключив маскировку, резко набрал скорость, в воздух взметнулись обломки какого-то препятствия, вслед раздался зубовный скрежет раздираемого металла, визг тормозов, в ответ почти в упор резанул разряд лазера, и Инга, четко определив позицию боевого механизма, прошила пространство перед Ланцетом двумя короткими очередями.

ВСЕ…

Она не понимала: ее ли мысль, словно тяжелый булыжник, ударилась в голове, порождая вспышку боли, или то был доклад Марза… неважно — она сделала еще несколько шагов, пошатнулась, села, машинально коснувшись скатавшихся в шарики опаленных волос, ИПК стукнул прикладом о сухую, потрескавшуюся землю… чуть правее полыхал ангар,

в котором они провели ночь, Марз уже заложил вираж у ее плеча, с ним вроде все в порядке, шелестя покрышками, подъехал Ланцет, на корпусе которого вишнево светилось в сумерках пять или шесть новых шрамов, — там, где не выдержало антилазерное покрытие, — и в разум Инги внезапно ворвался его отчет:

«Пять минут семнадцать секунд. Их было тридцать. Та самая группа, от которой мы скрылись вчера».

Инга кивнула, пошатнувшись, встала, и вдруг почувствовала, как пробрался предательский холодок: «почему они повернули назад? Как нашли нас?»

— Ланцет, что с нашей копией?

— Не хотел будить тебя. Механизм с фантом-генератором уничтожен массированным ракетным ударом, нанесенным по площади, где, по словам Спрея, произошла непонятная катастрофа.

— То есть, кто-то продолжает охоту? Координирует действия сервов, отслеживает перемещения? Но мы же в мертвой зоне! У нас над головой нет работающих спутников. Все выключено!

— Я не могу определить, каким образом нас обнаружили. — Ответил Ланцет. — Но механизм с фантом-генератором попал в заранее подготовленную ловушку.

Невыносимо жгло плечо и щеку.

Все. Больше не могу. Мы не выдержим таких схваток, будто весь мир ополчился только на нас… В следующий раз все может сложиться иначе…

Бессилие нахлынуло как чернота, поглощающая рассудок.

— Ланцет, ты как?

— Внешние повреждения. Некритично.

— Открой дверь.

Инга забралась внутрь. От пережитого напряжения мелко дрожали мышцы.

— Все. — Тихо выдохнула она. — Хватит. Мы сделали больше, чем могли. Это не может продолжаться вечно.

— Согласен. — Раздался голос Марза. Осталось два спутника. Если Спрей скажет, что он до сих пор не определил источник формирования враждебной сети, я ему не поверю.

— Решено. — Подытожила Инга. — Ланцет, мы возвращаемся к Матвею Ивановичу. Нам нужна передышка. Заодно потолкуем со Спреем.

— Мне поддерживать с ним связь?

— Не стоит. Пусть хоть немного подергается, а то он слишком спокоен и самоуверен.

Глава 8

Пустоши.

Зона действия атмосферного процессора номер двенадцать…

Отряд появился в городке рано утром. Солнце всходило за облаками, серый с ядовито-зеленым оттенком свет струился с небес, освещая кое-как восстановленные здания бывшего научного поселка. О былом предназначении многих строений немо свидетельствовали покосившиеся антенны, прозрачные сегменты куполов оранжерей, местами целые, местами щерившиеся осколками сверхпрочного стекла, да и сама архитектура приземистых не стремящихся ввысь построек говорила в пользу того, что это не город, а комплекс лабораторий, скорее всего когда-то связанный с генетическим моделированием жизни, которую колонисты должны были встретить на планете Новая Земля.

Сейчас полуразрушенный научный городок выглядел как оазис в пустыне. На его территории росли самые настоящие деревья, значит научный персонал не погиб, да и кое-какая аппаратура уцелела, раз сумели вырастить новые деревья за немыслимо короткий срок.

…Группа бойцов в составе четверых человек медленно втягивалась в пространство центральной улицы. Их боевую экипировку покрывал толстый слой пыли, опущенные забрала БСК в сочетании с дыхательными масками скрывали лица и одновременно придавали фигурам устрашающий вид.

— Саша, видишь кого? — Скупо спросил командир небольшого отряда.

— Пока чисто. Подозрительно чисто. — Прокомментировал показания БСК и собственные ощущения старший лейтенант Сергунин.

— Двигаемся парами. По обеим сторонам улицы. Мелех, прикрываешь Сергунина. Тихнов, за мной.

— Командир, визор не показывает людей. Я осмотрел прилегающие дома. Смотри, ветряки крутятся, пара электроплит в инфракрасном видна. Еще горячие.

— Вижу.

— Нас испугались что ли? — Предположил Сергунин.

— А ты себя со стороны давно видел? — Ответил ему Мелех. — Вон на Тихнова взгляни, чистый мутант с пустоши.

— Разговоры! Работаем. Контакт с местными жителями позже установим. Чую, не от нас попрятались.

Они молча двинулись вдоль улицы, мимо обветшалых фасадов зданий, куполообразной оранжереи, резко контрастировавшей с серыми коробками приземистых зданий и черными, погибшими во время пыльного урагана деревьями: сквозь выбитые остроугольные сегменты из-под свода центрального купола навстречу грязно-серым небесам буйно выплескивалась зелень, кажущаяся ненатуральной на фоне тотального отсутствия жизни, как таковой.

«Купол-то приметный», — подумал Вадим. — «И виден издалека». — Он уже понял, что обитаема только средняя часть поселка, от силы три-четыре дома, дальше начинались руины, к которым не прикасалась человеческая рука после массового сбоя сервомеханизмов, повлекшего за собой повсеместные столкновения людей и машин.

Кажется — прошел почти год, пора уже свыкнуться с новой реальностью, найти свое место под редко показывающимся из-за облаков солнцем, осесть где-нибудь, попытаться жить, а не мерить сотни километров пустошей в попытках кого-то спасти, что-то разгадать…

Мысли как обычно пришлись не ко времени. Два квартала руин отделяли центр научного городка от границы с пустошью. На краю, подле сбитого столба с нечитаемой табличкой, наполовину въехав в угол дома, обсыпанная кирпичной крошкой, застыла БМП-5. Украшенный когда-то витиеватой лепниной бетонный заборчик, ограждавший крайнее домовладение, был весь посечен пулями, да и в стене двухэтажного здания зияла уродливая дыра, пробитая снарядом.

«Жарковато тут было, когда бились против своей же бронетехники», — подумал Туманов, скользя внимательным взглядом по окрестным руинам, и дальше, в пустошь, откуда могла явиться любая мыслимая опасность.

Облако пыли он заметил слишком поздно — заслоняло его несколько зданий и примечательный центральный купол оранжереи. И все же, осматриваясь, командир группы заметил, как к серым облакам поднимается желтовато-серый столб.

Безветрие. Воздух густой, напоенный жаром, это ощущается даже через дыхательные маски, практически исчерпавшие эксплуатационный ресурс.

«Не бывает пыли без ветра. Разве что шальной смерч крутит? Нет, пыль поднимается облаком со зримым вытянутым в сторону пустоши опадающим шлейфом…»

— Всем вправо. Выходим на окраину. Искать укрытия по усмотрению. Пока наблюдаем.

Бойцы поняли командира, каждый видел на проекционном забрале боевого шлема ту же картинку, что и Туманов.

Петляя меж огрызков стен, они устремились к южной окраине поселка, куда приближалось подозрительное пылевое облако.

Пробежать до крайних строений оставалось метров двадцать, когда вязкую, гнетуще-настороженную тишину вдруг резанул отчаянный вскрик:

— Помогите!

Вадим одним махом перескочил через огрызок стены и сквозь жиденький заслон умершего кустарника увидел старую водонапорную систему, по всей видимости, артезианскую, раз в ней до сих пор сохранилась подача воды, девчушку лет пятнадцати, отчаянно бегущую к поселку, и молчаливо окружающих ее сервов; их было штук десять, различных (к счастью пехотных) модификаций, за которыми маячили закутанные в темное фигуры всадников на псоранах.

Необычное поведение сервов Вадим заметил сразу: во-первых, те не стреляли, что само по себе несвойственно для машины, зафиксировавшей цель. Во-вторых, всадники, закутанные с ног до головы в подобие ниспадающих одежд, (правда, при увеличении впечатление «одежда» пропадало, — облачены они были в лохмотья), которые уверенно двигались за сервами, по-видимому, ничуть их не опасаясь.

Ситуация не из легких. Девчушку то спасем, а вот с сервами и необычными всадниками что делать?

— Сюда! — Крикнул Вадим, чуть приподнявшись над укрытием.

Девчонка увидела его, рванулась, что было сил, хватая перекошенным ртом загустевший, горячий воздух; ужас придал ей сил, чтобы продраться сквозь ломкие кусты, и уже без сил упасть на руки Вадиму.

— Дяденька, спасите… — Прохрипела она.

Вадим бережно опустил ее на землю.

— Лежи тихо, чтобы не случилось. Поняла?

Она судорожно кивнула.

А сервы действительно вели себя странно. Впрочем, всему на свете есть логическое объяснение (кроме некоторых человеческих поступков) — данную истину Вадим усвоил накрепко, и сейчас, сделав бойцам знак, чтобы затаились, ждал развития событий.

Когда численный расклад сил не в твою пользу лучше выждать, не лезть на рожон, понять, кто тебе противостоит. Почему, например, сервы не открыли огня на поражение ни по девочке, ни в тот момент, когда он

приподнялся, явно обозначив себя? Подобное поведение можно объяснить только двумя причинами, либо у них исчерпан боекомплект, либо (что показалось Туманову невероятным), кто-то контролирует поведение боевых машин, удерживая их от определенных действий.

Сам он в кибернетике разбирался на уровне хорошего *разрушителя*. Знал повадки и уязвимые места многих сервомеханизмов, как отечественного, так и зарубежного производства, с которыми приходилось сталкиваться на просторах пустошей. Но разрушать и подчинять не одно и тоже. До сегодняшнего дня Вадим был уверен, что сервы прочно зациклились на исполнении боевых программ, и никто им не указ — как вошли в автономный режим, так и не вышли из него.

Мысли проносились в рассудке, пока он менял позицию, увлекая за собой едва отдышавшуюся девчушку.

— Дорогу домой найдешь?

Она кивнула, судорожно всхлипнув.

— Тогда давай, бегом, и скажи всем, чтобы сидели и не высовывались. Мы сами тут разберемся. Лады?

Она вновь кивнула, затравленно огляделась по сторонам, и вдруг юркнула в пролом в стене, только мелькнуло цветастое платьице.

У Вадима отлегло от сердца. Девочка на передовой позиции — только помеха, вскочит, испугается, как ее от шальной пули убережешь?

— А сервы-то битые, командир. — Раздался в коммуникаторе голос капитана Мелеха.

Вадим выдвинул из запястья комплексный датчик. Отсоединив блок сканирования, закамуфлированный под камушек, он положил его на край стены, за которой укрывался, затем взглянул на сервов поближе. Им до крайних строений поселка оставалось еще метров сто, механизмы двигались не спеша, и Вадим успел убедиться, что Дима не ошибся: на корпусах сервов виднелись наложенные кустарным образом заплаты, да и материал для них подбирался явно не из соответствующих броне сплавов, кое-где можно было заметить припаянные по кругу крышки от консервных банок, куски побитого ржавчиной железа, приваренные не самым старательным образом.

Кое-что начало проясняться. Увечные механизмы, побывавшие в боях, были кем-то собраны на пространстве пустошей, отреставрированы, и видимо теперь получили некий «поводок», находящийся в руках их хозяев. Зная, что интеллектуальные способности мутантов невысоки, Вадим сразу задался вопросом, кто и как реставрировал боевые машины? Однако внимательный осмотр всадников ответа на данный вопрос не дал.

Противник вел себя на удивление спокойно, можно сказать — вяло. Десяток сервов и пятнадцать всадников на псоранах неторопливо двигались к поселку, охватывая его полукругом. Понять их действия в принципе несложно. Они видели девочку, заметили купол оранжереи и были уверены, что здесь найдут все что нужно: и воду, и еду, и людей (которых жестоко убивали, исходя из неразгаданной пока ненависти). Сервы не получали команд на открытие огня, а сами мутанты заметить Туманова когда он показался девчушке, не могли — слишком велико было расстояние. Огня по ним никто не открывал, значит, люди в поселке к сопротивлению не готовы, но даже если и готовят засаду, то впереди движутся кибермеханизмы, которые примут первый удар и наверняка подавят любое сопротивление.

— Внимание, всем. Следить за мутантами. — Произнес Вадим. — Я провоцирую огонь. У кого-то из всадников должен быть пульт или иной блок управления сервами. Его валить в первую очередь, желательно чтобы он не успел ничего предпринять.

— Принято. — Ответил за всех Мелех.

Вадим поднял автомат, перевел вариатор стрельбы на одиночный огонь, сам он продолжал находиться в укрытии, выцеливая ближайшего серва по показаниям сканирующего блока, передающего данные на проекционное забрало боевого шлема.

Медлительных андроидов с явно изношенными песком и пылью сервоприводами он проигнорировал, а вот универсальный бот огневой поддержки, в комплектацию которого входили средства оглушения и парализации противника, он выбрал в качестве цели. Зная, где у сервомеханизма, передвигающегося на «паучьих лапах», расположен главный сервомоторный узел и ядро системы с процессорным блоком, Вадим, тщательно прицелившись, произвел два одиночных выстрела.

Серва отшвырнуло на несколько метров, из его корпуса, пробитого в двух местах, щедро сыпанули искры, затем пробился язычок голубоватого пламени, тут же сменившегося сизым, вонючим дымком.

Следом коротко ударили автоматные очереди, два всадника полетели с псоранов, один из которых закрутился на месте, оглашая окрестности яростным воем.

Вадим ждал шквала ответного огня, но его расчет оказался верным — у кого-то из двоих убитых всадников имелся пульт дистанционного управления сервами, — несколько мутантов с разных сторон, сломав строй, метнулись к упавшим, но одного срубила очередь, выпущенная Равсаном,

под другим два ударивших подряд одиночных выстрела СВК[15] заставили встать на дыбы, а затем грузно повалиться набок псорана, остальные не рискнули лезть на рожон, подстегивая животных, издающих злобный, нагоняющий жуть вой, они развернулись, уносясь в сторону пустоши.

— Следим за сервами. — произнес Туманов.

Механизмы продолжали движение, не предпринимая никаких попыток атаковать. Они шли, постепенно сжимая полукольцо пока на их пути не встали руины зданий, и тут началось самое интересное: пять андроидов и четыре бота огневой поддержки уперлись в препятствия, продолжая механически двигать конечностями.

Вадим выждал пару минут для верности, а затем отдал приказ:

— Сервов обезвредить. По сервомоторным узлам, ядро системы не разрушать. Посмотрим, что там намудрили кудесники из пустошей.

Группа покинула позиции, Вадим направился к мертвым мутантам, чтобы поискать прибор, контролировавший сервов, за его спиной раздались одиночные выстрелы, — это бойцы группы надежно обездвиживали машины, обрывая питание сервоприводов.

Пульт он нашел у одного из убитых. На редкость громоздкий прибор в виде продолговатого корпуса с четырьмя кнопками.

Судя по всему команд тоже было всего четыре, хотя нельзя было исключать сочетания нажатий.

«Проверим». — Туманов выстрелом добил агонизирующего псорана и, развернувшись, зашагал в сторону поселка.

— Саша обойди периметр поселка расставь сканеры. Мы пока наладим контакт с местными жителями. Ориентир — оранжерея.

— Понял.

* * *

Центральная улица научного городка по-прежнему была пуста, но стоило трем бойцам в пропыленной экипировке показаться у крайних домов, как из проулка со стороны оранжереи показался мужчина. На вид ему было уже к шестидесяти, но шел — не горбился, в одной руке крепко сжимал АПС, однако пользоваться оружием профессионально не умел, — это Вадим подметил издалека, по напряжению руки, положению пальцев на пистолетной рукоятке, и решил не рисковать — мало ли нервы у человека сдадут? Откинув бронированное проекционное забрало полушлема, он стянул дыхательную маску, полностью открывая лицо.

Напряженных черт в облике пожилого ученого (почему-то Вадим сразу решил, что тот имеет прямое отношение к науке) поубавилось,

расправились вертикальные морщины на лбу, за несколько шагов до встречи он машинально переложил оружие в левую руку, освобождая правую для рукопожатия.

— Захарьин — представился он. — Илья Петрович. — Замялся, видимо подбирая слово, а затем весело сверкнул глазами — патриарх местный, что ли?

— Майор Туманов. Можно просто — Вадим. Командир временно сформированной группы специального назначения. — Его глаза улыбнулись лучиками морщин.

Следом представились Мелех и Равсан.

— А ваш четвертый? — Вдруг забеспокоился Захарьин. — С ним… все в порядке?

— Не волнуйтесь. Датчики по периметру поселка ставит. Чтобы гости неожиданно не повторили визита.

— А ну да, да… А у нас с датчикам плохо. Ломаются. Пыль кругом. — Посетовал Илья Петрович. — Он заметно нервничал, — За дочку вам спасибо. — Вдруг произнес он. — Если б не вы, не знаю. Совсем не знаю, что было бы…

— А что нападения часто случаются? — Поинтересовался Вадим.

— Куда там. Бог милует. Но не военные мы, понимаете? В прошлом году сервы напали. Отбились от них и что? Пятерых мужчин похоронили. Всех понимаете? Вот и остались теперь старики женщины, да дети.

В эту минуту с противоположной стороны улицы появился Сергунин.

— А вот и наш четвертый. Старший лейтенант Сергунин. Саша.

— Ну, пойдемте. Вам отдохнуть с дороги надо, да и нам радость. Людей вот уже полгода, как не видели. Пришлых, я имею ввиду.

Они зашагали по улице, потом вслед Захарьиным свернули в проулок, мимо оранжереи, к единственной многоэтажке.

Окна первого и второго этажей были заложены блоками пенобетона, так, что оставались лишь узкие амбразуры, выше, весь третий этаж оказался остеклен, там, по-видимому, жили немногочисленные обитатели бывшего научного городка.

Туманов осмотрел своеобразный укрепленный пункт и только покачал головой. Удивительно как люди вообще сумели выжить в стычке с сервами при такой организации обороны? С первых этажей через узкие бойницы ни секторов обстрела, ни обзора, а вот расположенные выше окна при ясной погоде отражают свет солнца, бликуют на многие километры, словно кричат — вот здесь кто-то живет!

Ну да ладно. — Решил про себя Вадим. — С местным «патриархом»

поговорю позже, слишком напряжен он сейчас, чтобы внимать советам постороннего.

— Илья Петрович, если остановимся у вас на пару дней? Не стесним?

— Да оставайтесь, конечно. Рады только будем. Хоть поговорим по-человечески, а то новостей давно уже не слышали. Варимся в собственном соку, да страхе.

Вадим нахмурился. Хороших новостей у него для Захарьина не было. Сам бы хотел, что утешительное услышать, да вот не рассказывает никто.

На первом этаже бывшего административного здания царили сумерки. Свет здесь конечно был, но протянутые по стенам провода и редкие лампы покрывал толстый слой вездесущей пыли, которую частые ветра нагоняли с пустошей.

Лестничный пролет напротив оказался чисто выметен, они поднялись на второй уровень здания, через распахнутые двери Туманов с лестничной площадки увидел все те же сумерки, лишь в районе оставленных в окнах амбразур на пол падали полоски света.

Третий этаж сиял чистотой, Вадиму даже стало неудобно переступать порог, но Захарьин замахал на него руками:

— Что вы, что вы… Вот прямо проходите, тут сможете раздеться, наши девочки экипировку вашу вычистят, не беспокойтесь, как с аппаратурой обращаться, они знают, не маленькие уже. Сейчас вам душ организуем, чистую одежду, все как положено.

Вадим не стал останавливать немного суетливого, но радушного старика. Действительно сколько уже без отдыха, без нормальных человеческих условий?

— Ладно, мужики. Сегодня здесь остановимся. Сначала чистка экипировки и оружия, затем душ и ужин. — Он повернулся. — Нет, Илья Петрович, не обижайтесь, но возражения не принимаются. У нас такой порядок, каждый за свое снаряжение отвечает сам.

* * *

После ужина, Туманов попросил Илью Петровича показать ему оранжерею.

Откровенно — Вадим с трудом выдержал довольно скромную трапезу. В научном городке на сегодняшний день проживало двадцать человек, и каждый из них, втайне наверняка ждал, что бойцы так внезапно и вовремя появившейся группы расскажут им что-то новое, вселяющее надежду, ожидание буквально витало в воздухе, лучилось во взглядах, но что мог рассказать Вадим? Обрисовать пустоши, что образовались на

огромных территориях после прорыва Барьера?

Выйдя из здания, они остановились.

— Ждали новостей Илья Петрович?

— Ждал. Но почему вы молчите, не пойму? Государственная тайна?

Туманов поставил ногу на бетонный блок, оперся рукой о колено.

— Нет у меня новостей. Все, что мог бы рассказать, оптимизма вашим женщинам не прибавит. Мы с ребятами не первый месяц в пути. Пешком, через пол страны. Двигаемся по цепочке атмосферных процессоров, перезапускаем сбойные системы. Везде одно и тоже с разными вариациями — пустоши, мутанты, сервы, редкие очаги небольших человеческих поселений. Останки техносферы.

Захарьин присел на бетонный блок бессильно свесил руки.

— А почему на Москву не пошли? — Спустя некоторое время спросил он. — Ведь расстояние насколько я понимаю примерно одинаковое?

— Техносфера. — Коротко пояснил Вадим. — В европейской части она была тысячи раз более развита, чем тут. Значит, и катастрофы там происходили глобальные. К тому же полное отсутствие связи с европейскими регионами убеждает меня, что мегаполисы сильно пострадали и более не являются местом проживания людей.

— Но не могли же все погибнуть!

— Конечно, не могли. Я даже более чем уверен, в западных и северо-западных регионах сейчас населения гораздо больше чем тут. Но есть один общеизвестный факт: первые двадцать колониальных транспортов проекта «Новая Земля» заполнялись на конкурсной основе. Тогда это виделось правильным, но сейчас после всего случившегося я полагаю, это была ошибка. Подумайте, Илья Петрович, лучшие умы человечества, все, кто на «ты» с компьютерами, специалисты в области биологи, физики, инженеры, элита человечества — все оказались на борту колониальных транспортов. Кто к тому времени оставался в крупных городах, учитывая, что всеми циклами производств и обеспечения целостности самодостаточности мегаполисов давно управляют машины?

— Оставались колонисты второй волны. — Сухо ответил Захарьин.

— А вы помните, как расслоилось общество в последние годы перед стартом?

— Конечно, помню. Моя лаборатория в Москве однажды серьезно пострадала от банды вандалов, которые ратовали за уничтожение техносферы.

— Поэтому и перебрались сюда?

— Да, на меня то происшествие произвело, знаете ли, неизгладимое впечатление. Как будто между людьми разверзлась пропасть. Страшная пропасть гуманитарного и технического непонимания. Я ведь помню, как технологии шагнули далеко за грань понимания рядовых граждан, все изменилось за несколько лет, появились эти чудо-машины, способные полностью выполнять весь ручной труд, строить дома, культивировать землю, и ничего им для этого не нужно — только двадцать четыре часа в сутки давай им фронт работ. А что стало с нами? Половина человечества как будто сошла с ума. Мы и раньше-то не страдали особой любовью к ближнему, а тут что вообще началось? Ну, вот вы объясните мне, чем были вызваны погромы сороковых годов?

— Непониманием. Бездельем. Мы совершили огромную ошибку позволив новому поколению вырасти с мыслью, что они будут обеспечены всем в любом случае, станут работать или нет, будут к чему-то стремиться, или большинство моральных ценностей им заменит вещизм и тяга к безответственным удовольствиям. У нас в России это не было еще так ярко выражено, как на западе. О странах Африки и Ближнего Востока речи вообще не идет, они готовились овладеть миром, как только большая часть цивилизации уснет в криогенных модулях колониальных транспортов.

— Согласен. — Вздохнул Захарьин. — Но сделанного уже не вернешь. Как будто какая-то сила сумела заманить самых умных, энергичных, талантливых на борт колониальных транспортов, а остальным послала это испытание — выжить. Выжить там, где жить нельзя, где экология погибла еще полвека назад, где исчерпаны недра, где разрушены города, а то, что было цивилизацией вновь раздроблено на горстки пытающихся бороться, и тех, кто радуется регрессу, упивается им…

— Илья Петрович, можно вопрос?

— Конечно.

— А почему вы не попали на борт колониального транспорта? Ведь возраст не имеет значения, тело перерождается в камере, перестраивая метаболизм под условия жизни на Новой земле?

— Мне просто не повезло. Я не успел. — Развел руками Захарьин. — У меня оставались незаконченные исследования, и вот, пожалуйста… — Он махнул рукой, как бы давая понять, что больше не хочет возвращаться к данной теме. — Пойдемте, Вадим, я обещал показать вам оранжерею.

Они прошли по косой дорожке, выложенной ровными бетонными плитами.

На самом деле купол оранжереи являлся только центральной частью огромного приземистого сооружения по площади занимавшего половину

поселка. Прежде чем попасть к нему Захарьин и Туманов долго шли через заброшенные лаборатории, какие-то хранилища, пока, наконец, не вышли к шлюзу, который впрочем, не работал, обе герметичные двери были распахнуты настежь.

Та зелень, которую Вадим видел выбивающейся из-под купола оранжереи через выбитые сегменты стекол, оказалась длинным полутораметровыми листьями нескольких видов травянистых растений с мощными, но очень гибкими стволами. Некоторые из «травовидных деревьев» цвели, у других там, где листья начинали расходиться веером, висели плоды желто-бардового цвета.

— Они съедобны? — Поинтересовался Вадим.

— Конечно. Съедобны и очень питательны. Мы выводили эти растения специально для Новой Земли. Один плод содержит количество питательных веществ и влаги, необходимых человеку для удовлетворения суточных потребностей организма. К тому же само растение очень неприхотливо, оно выдерживает сильные ветра, а за счет глубокой и разветвленной корневой системы, стойко переносит засуху, добывая воду и питательные элементы из глубинных почвенных слоев.

— Идеальное растение? — Изумился Вадим.

— Да. Дело всей моей жизни. Хотя признаюсь, есть еще два с лишним десятка генетически измененных земных пород растений, которые обладают не менее уникальными свойствами.

— И где же они?

— В хранилищах. Здесь на нашей биологической станции.

— Так почему же вы их не культивируете? Разве вот эти травянистые исполины не смогут прижиться в пустоши?

— Конечно, смогут. Только зачем? Чтобы их топтали псораны? А плодами высочайших достижений генной инженерии лакомились эти безмозглые твари, которые утром едва не убили мою дочь? Ради кого я теперь должен работать? И много ли я наработаю, выйдя с мотыгой в пустошь?

Вадим пожал плечами.

— Хотите вы того или нет, Илья Петрович, но теперь Новая Земля для вас тут. Если мы все займем такую позицию, то точно вымрем, прежде чем колонисты достигнут новой родины и сумеют установить связь с Землей. Подумайте над этим. А я подумаю, как помочь с техникой и охраной.

— Я ничего не могу обещать, майор. — Неожиданно сухо ответил Захарьин.

— А я пока предлагаю только подумать. Не больше. Кстати, хотел вас

попросить.

— Да, слушаю?

— Бойца моего примете к себе в общину?

— Кого?

— Равсана. Он облучен, требуется лечение, и в полевых условиях ему не выжить. А у вас он подлечится, а заодно и обороной поселка займется.

— Да, конечно оставляйте. Мы ему поможем, благо большинство лабораторий все же уцелело. И нам спокойнее, если в общине появится опытный боец.

— Значит договорились?

— А он сам согласится?

— Согласится.

* * *

Утром группа покинула научный городок, двигаясь по хорошо различимым следам скрывшихся в Пустоши псоранов.

Решение о преследовании принял Вадим, после осмотра трупов, и недолгого исследования двух захваченных пультов дистанционного управления сервами.

— Я считаю, что мутанты изготовить их не могли.

— Понятно, что не мутанты. — Поддержал его Мелех, как раз разглядывавший аккуратно впаянные в схему боевого серва микрочипы, служившие приемником сигнала и содержащие определенные программы к действию. — Тогда вопрос: кто?

— Человек, знакомый с кибернетикой.

— Так грубо? — Усомнился Сергунин, имея в виду схему дистанционного управления.

— Для использования пультов мутантами — в самый раз.

— А с чего бы человеку сотрудничать с мутантами? — Спросил Мелех.

— Под страхом смерти. — Лаконично ответил Вадим. — В любом случае мы столкнулись с явлением незаурядным. Нужно проверить.

Никто не стал возражать командиру группы, хотя Вадим интуитивно чувствовал, даже двужильный Дима Мелех устал от бесконечных переходов, постоянных стычек то с мутантами, то с сервами, безлюдных пейзажей пустошей, им бы остановиться, немного передохнуть, побыть в обществе тех, кто не скрывал своей радости и нуждался в защите.

Вернемся. Обязательно вернемся, — думал Вадим, упрямо направляя группу по следу бежавших с места короткой стычки мутантов. Покрытая

прахом земля выдавала много подробностей, по следам было видно, что два псорана шли налегке и вскоре отбились от группы, оставшиеся семеро несли на себе мутантов, шли медленным размеренным шагом, одно животное прихрамывало.

Как далеко находится их становище? И с каких пор мутанты, демонстрировавшие постоянную потребность в движении, начали вести полуоседлый образ жизни, носить одежду, использовать (пусть и с посторонней помощью) сервов? Очередная качественная мутация, вернувшая некоторые интеллектуальные способности?

Вадим понимал, что ведет группу по следу бывших людей, которым *не повезло* — они выжили после инфицирования, обрекая себя не только на муки…

Мысли Вадима текли в такт тяжелой поступи.

Во что превратятся остатки человечества, если мы станем проявлять ложную жалость?

Нет, наверное, не так: во что мы превратили себя самих?

Мысли — как булыжники. Нет в них ясности, нет ощущения справедливости, постепенно теряется смысл их многомесячного марша.

Нельзя. Мне так думать нельзя…

Придет минута боя и все встанет на свои места…

Каждый человек отчасти принадлежит своему времени, своей эпохе, он подчинен силе сложившихся обстоятельств, но всегда есть право решать — уйти в сторону, поплыть по течению или принять данность, приспосабливаясь к ней, или попробовать что-то изменить.

* * *

Они шли трое суток, не изменяя основному маршруту, так как следы отступивших мутантов вели приблизительно в том же направлении, куда стремилась группа по основному маршруту, а именно — к двенадцатому по счету атмосферному процессору.

За последние полгода, двигаясь по огромной окружности, они посетили уже одиннадцать комплексов по поддержанию и переработке атмосферы, заново перезапуская автоматику, возвращая измененные чуждой волей параметры к первичным значениям.

«Чуждая воля…» — Сочетание слов скрипело на зубах, не давало покоя в мыслях, но нужно быть настоящим гением в области кибернетики, или как минимум провидцем, чтобы дать ответ на мучительный вопрос: где ее источник?

Крупицы данных, полученных от кибернетических систем

атмосферных установок, свидетельствовали — все команды исходили из космоса, они передавались через спутники, но отследить, из какой точки на поверхности земли действовал противник, не представлялось возможным. Орбитальные аппараты не отвечали на запросы, и проследить схему распространения вражеской сети не удавалось.

…Монотонный ритм шагов, навевающий навязчивые мысли, внезапно был нарушен, двигавшийся впереди Мелех подал сигнал, предупреждающий об опасности.

Местность, непосредственно прилегающая к атмосферному процессору, примерно в радиусе ста километров не пострадала от полыхавших летом пожаров, здесь часто выпадали осадки, и группа Туманова вот уже сутки двигалась по погибшей от радиации тайге, что затрудняло работу сканирующих комплексов.

Фигура капитана Мелеха смутно просматривалась в редколесье, не выходя на связь, он поднял руку и застыл без движения, давая фототропному покрытию боевой экипировки слиться с окружающим фоном.

Вадим и Александр замерли, изготовившись к стрельбе.

Минута длилась долго, утекая глухим ритмом пульса в висках. Наконец почти растворившаяся на фоне однообразного пейзажа фигура Мелеха вновь проявилась в движении — он опустил руку, жестом давая понять, что опасность миновала.

— Что там Дима?

— Город-спутник. — Коротко отозвался коммуникатор.

Вадим, уже поравнявшийся с ним, увидел, что именно насторожило капитана, — лес обрывался метрах в двадцати, за мертвой опушкой вновь начинался короткий отрезок пустоши, а чуть дальше, едва различимые средь непогоды, высились строения крупного населенного пункта. Учитывая близость атмосферного процессора Мелех прав — перед ними город-спутник, место проживания сначала строителей, а затем персонала, обслуживавшего установку переработки атмосферы.

Подобные типовые застройки они встречали не впервые, но, как правило, небольшие города пустовали, этот же стал первым исключением из правил: не смотря на плохие погодные условия и повышенный радиационный фон, сканеры улавливали смутные сигнатуры, принадлежащие патрулирующим улицы сервомеханизмам.

— Правее посмотри командир.

Вадим переместил внимание в указанном направлении.

Биодетекторы улавливали множественные сигналы, некоторые из них

классифицировались, благодаря работе персональных чипов.

Люди?

Вадим сомневался. Скорее мутанты, — среди отметок совмещенных с сигналами персональных идентификаторов, наблюдалось не меньшее количество немаркированных, — наверняка псораны.

— Странное место. В городе сервы, в пустоши мутанты. Стойбище там у них что ли? — Высказал свое мнение Сергунин.

— Похоже. — Согласился с ним Мелех. — Никогда еще не видел такого скопления бывших людей…

Вадим поморщился. Некоторые формулировки, не важно насколько точно они отражали истинное положение вещей, вызывали в нем неприятие.

Бывшие люди…

Вдуматься — как страшно звучит. И кто виноват? Кто создавал боевые генетические модификаторы? То же люди.

Их бы сейчас сюда. Тех, кто кропотливо создавал в лабораториях образцы генетического оружия.

— Что будем делать, командир?

— Обойдем город стороной. — Категорично ответил Вадим. — Попробуем проскользнуть на границе зоны сканирования, чтобы собрать информацию и исчезнуть. Видно выяснить происхождение тех сервов сейчас не судьба.

— К стойбищу не будем соваться?

— Попробуем разведать его на обратном пути, когда перезапустим процессор. — Ответил Туманов.

— Командир, мутанты представляют угрозу.

— Я знаю, Дима. Но сначала атмосферный процессор. Воспользуемся его системами контроля территорий. После рестарта мы сможем разведать все дистанционно. Не знаю как тебе, но мне не по душе убивать людей. Пусть даже и бывших. Можешь считать это комплексом.

— Ладно проехали… Попробуем по-тихому.

* * *

Не вышло.

Им бы углубиться в мертвый лес, уйти из зоны сканирования, но нужно было определить хотя бы приблизительное количество и типы сервомеханизмов, оккупировавших городок, — перезапуск атмосферного процессора вполне мог подвигнуть механизмы на активные действия, и группе из троих человек информация требовалась, как воздух.

Огибая город со стороны, противоположной предполагаемому стойбищу мутантов, они фиксировали, заносили в память боевых компьютеров все обнаруженные на улицах и в некоторых домах сигнатуры, пока внезапно Сергунин не заметил, что на экране биодетектора появилась зеленая точка.

— Внимание активный биосигнал в черте города.

Группа остановилась.

Сигнал был четким, он исходил из района городской окраины, где преобладали двухэтажные коттеджи. Вообще застройку подобных населенных пунктов было принято обозначать термином «усеченная пирамида», — в центре группировались высотные здания, в основном офисные, средний ярус составляла общественная застройка, — магазины, развлекательные центры, иные учреждения, под которыми был скрыт пояс так называемой «технической зоны», ну, а жилые кварталы образовывали самый низкий ярус, опоясывая городок по периметру.

Активный биосигнал, совмещенный с маркером личного датчика, накладывался на фон одного из бывших жилых зданий, расположенного в глубине застройки, на второй улице, считая от края городка.

Вадим переключил шлем БСК в активный усиленный режим сканирования.

Данные, полученные за время десятисекундного включения всех датчиков, автоматически транслировались боевым компьютерам Мелеха и Сергунина.

— Непонятно. — Прокомментировал Александр. — Скопление сигнатур подле здания.

— Осаждают? — Скептически хмыкнул Мелех. — Что-то я тоже ничего не пойму. Там человек, но никаких признаков боя.

Человек ли?

От ответа на данный вопрос зависело очень многое.

Пройдут они мимо или, рискуя, попытаются проникнуть в город?

— Нужно разведать. — Принял решение Вадим.

— Командир, разреши?

— Давай, Дима, только аккуратно.

* * *

Фигура Мелеха скрылась во мгле.

Дима вызвался не просто так — его экипировка находилась в наилучшем состоянии, обеспечивая максимальную защиту и скрытность.

Выйдя из леса, он остановился, присел, наблюдая за окраиной города.

Дождь усилился, ветер дул порывами, сминая хмарь непогоды, но датчики работали четко, сократив дистанцию, капитан различал теперь не только отдельные сигнатуры сервомеханизмов, но и работающие цепи энергопитания и даже некоторые статичные объекты на крайних улицах городка.

Вот, к примеру, в четырехстах метрах застыла непонятно как попавшая сюда САУ[16] чуть дальше два дома лежали в развалинах, да и верхние этажи образующих центр города небоскребов сильно пострадали во время столкновений людей и боевой техники.

Мелех, охватив взглядом общую картину, сосредоточил внимание на частностях. Сигнал на биодетекторе стал абсолютно четким, человек находился в подвальном помещении дома, он либо спал, либо был лишен возможности двигаться.

Дима отлично знал, что мутанты отличаются от людей повышенной в десятки раз активностью. Откровенно — за все время скитаний Мелех ни разу не видел спящего мутанта и не мог с определенностью сказать, спят ли они вообще?

Серьезный плюс в пользу того, что сигнал принадлежит человеку.

Теперь нужно разобраться с сервами.

Он возобновил движение, направляясь в сторону застывшей у неработающей световой вывески с названием городка артиллерийской установке. Удобный объект для маскировки и скрытого наблюдения.

Интересовавший его дом находился на соседней улице. По мере продвижения система БСК выдавала на проекционное забрало шлема все новые подробности по дислокации машин. Оказывается то, что виделось, как тотальное присутствие машин в городке, являлось заблуждением. Находясь на границе зоны эффективного сканирования, они воспринимали только те сигнатуры, что находились в переделах окраинного квартала, теперь же сканерам экипировки капитана Мелеха открылся практически весь город.

Что примечательно — он был пуст. И только две улицы с обеих сторон здания, где фиксировался биосигнал, патрулировались сервомеханизмами.

А сервы-то те самые, «битые», — Мелех уже занял заранее облюбованное укрытие и теперь мог на обычном оптическом увеличении рассмотреть несколько ближайших к нему боевых механизмов.

Те же заплаты, свидетельствующие о некогда полученных и отремонтированных кустарным способом повреждениях, да и поведение машин настораживало, — они не вели активной сенсорной разведки,

встречного излучения практически не было, более того, в составе патрулей преобладали андроиды бытовой модификации, переключенные в боевой режим функционирования.

Знать бы еще, каковы они в деле?…

Мысль была справедливой. Сопротивление, которое можно ожидать от человекоподобной машины, вооруженной обычным ИПК, напрямую зависит от количества накопленного в модулях искусственных нейросетей боевого опыта. Некоторых дройдов можно брать почти что голыми руками, но попадались и такие экземпляры, что видавшим виды спецназовцам становилось туго.

Нужно принимать решение. Сейчас.

С Вадимом не посоветуешься, в эфир выходить нельзя.

«Попробую сам». — Оценив обстановку решил Мелех. От его укрытия до дома — метров сто пятьдесят. По направлению движения — руины. Сервов можно было бы отвлечь или перебить, окажись сейчас рядом с Димой вся группа. Но, он знал, командир не одобрит подобного решения. Ввязываться в бой с двумя десятками машин, не зная, как отреагируют на стрельбу мутанты из расположенного неподалеку стойбища, — риск огромный, но, по мнению капитана Мелеха, — оправданный.

Нечего рассуждать, — мысленно подстегнул себя он.

Короткий рывок в сторону руин. Пробежав метров тридцать, Мелех залег, замер, вновь превращаясь в призрачную тень.

Спокойно. Вроде никто из сервов не всполошился. Хотя от них дождешься паники, как же. Спокойно повернут, чуть изменят маршруты, глазом не успеешь моргнуть, как окружат.

Нет. Двигаются прежними маршрутами. Значит, не засекли, и что немаловажно, — датчиков вокруг не установлено. И в высотках наблюдателей нет.

Ладно. Дальше придется ползком, с надеждой на работу состава «Хамелеон» которым покрыта экипировка. Сервомускулатуру придется отключить. Иначе засекут по энергетической активности.

Ну, с Богом…

Мелех пополз вдоль руин здания, медленно, чтобы фототропный состав успевал мимикрировать. Жаль баллончики с жидким «хамелеоном» закончились.

* * *

— Что он делает?

Вопрос был риторическим, потому ответ пришел не сразу.

— В одиночку пошел. — Произнес Вадим, не зная злиться ему или… — Так, Саша, рубеж — сто метров. Аккуратно. Прикрываем друг друга. На месте сориентируемся по показаниям сканеров. Укрытие ищем с расчетом обеспечения отхода для Димы.

Две фигуры поднялись с земли и исчезли среди мятущейся непогоды, двигаясь в направлении города.

* * *

Капитану Мелеху оставалось преодолеть последние пятьдесят метров.

Он уже определил для себя способ проникновения, — на уровне отмостки здания хорошо просматривалось врезанное в стену окошко подвального помещения.

Наверняка подземный гараж. Продолжая двигаться ползком, он оказался в мертвом саду. Почерневшие под дождями деревья стояли голые, без листьев, под ними почва превратилась в липкую грязь, от патрулей Диму теперь прикрывал высокий, местами обвалившийся каменный забор, да выступ самого здания.

Внутри, неподалеку от биосигнала внезапно обозначила себя и так же неожиданно погасла сигнатура сервомеханизма. Что бы это могло означать? Неужели там действительно мастерская, где ремонтируют подобранные в пустошах механизмы?

Иного объяснения на ум не приходило. Ладно. Скоро увижу.

Двадцать метров. Теперь сервы повсюду, он уже внутри зоны патрулирования, — движения Мелеха стали еще более медленными, плавными, — сорвать огненную карусель скоротечного боя можно одним необдуманным, неловким движением.

А на окне решетка… Скверно…

* * *

Туманов с Сергуниным вышли на окраину городка, когда Мелеху оставалось проползти до намеченного окна метров десять.

Вадим жестом указал в сторону застывшей, словно монумент САУ, они метнулись к ней короткой перебежкой, присели под прикрытием брони.

Не рискнув включить радиосвязь, Туманов приподнял дыхательную маску:

— Саша, у тебя хамелеон получше работает, поднимись наверх, твой сектор обстрела — улица. Я займу позицию, чтобы отсекать сервов, если те вздумают преследовать Диму по дороге к лесу.

— Понял. — Сергунин начал подниматься по наклонному скату брони.

Наверху оказался открытый люк. С одной стороны, если спуститься в него — получалось преимущество при перестрелке — укрытие надежнее не придумаешь, а с другой, ограниченная подвижность и потерянные секунды, возникни необходимость срочного отхода, могли стать роковыми.

Сергунин не стал рисковать, залег на броне, лишь частично используя поднятый люк как дополнительное прикрытие.

Вадим пересек улицу, отступил к крайнему зданию городка: отсюда простреливался как участок пустоши, отделявший их от леса, так направление на стойбище мутантов.

Теперь оставалось затаиться и ждать, чем завершится дерзкая вылазка капитана Мелеха.

* * *

Из окошка подвального помещения на улицу выплескивался мутный желтоватый свет.

Дима выполз на бетонную отмостку здания, на некоторое время застыл без движения, внимая показаниям датчиков, работающих в режиме пассивного приема.

Патрули по-прежнему следовали уже знакомыми маршрутами. Что делать с решеткой? Выламывать? При включении сервомускулатуры, — дел секунд на пять. Но засветка… А если подождать пока в загадочной мастерской вновь включат механизм? Было бы идеально. С той дистанции, что лежала между ним и ближайшим патрульным механизмом, две сигнатуры сольются в одну. Если сервы не больны паранойей, то внимания не обратят. Особенно учитывая, что возникновение энергетической активности, по-видимому, обычное дело для зоны подземного гаража, раз никто из патрульных машин не дернулся, не сошел с маршрута при прошлом включении, ставшем неожиданностью для самого Мелеха.

Обычное дело? Так чем я тогда рискую? Ну, заметят внезапную энергоактивность — посчитают, что в мастерской проходит очередной тест…

Тянуть время не было смысла. Но прежде чем рискнуть Мелех взялся за прутья решетки, подтянулся и заглянул внутрь помещения.

Действительно подземный гараж. На две машины. Помещение носило следы явного переоборудования, — сюда внесли два компьютерных терминала, к которым тянулись временные кабели энергопитания, часть пространства бывшего гаража занимали сваленные в кучу корпуса

сервомеханизмов различного предназначения и моделей.

У противоположной стены свалена какая-то куча тряпья, рядом с блоками кибернетической системы, Дима увидел андроида, распятого на самодельном стенде. Все кожухи с человекоподобной машины были сняты, к сервомоторным узлам и ядру системы подключены шлейфы, исчезающие в недрах одного из терминалов.

Внезапно до слуха Мелеха донесся слабый мучительный стон.

Куча тряпья шевельнулась и в тусклом свете он явно различил силуэт подростка, который спал, мучимый кошмарами, перевернувшись на другой бок, он снова застонал, и попытался поглубже зарыться в кучу тряпья, служившую ему постелью.

Все. Пора действовать.

Дима напрягся, но решетка не поддалась. Ладно. Попробуем по другому. Он включил сервомускулы экипировки, но не рванул преграду, а начал медленно ее расшатывать, что удалось не сразу.

Если появление сигнатуры не вызвало ответной реакции патрульных сервомеханизмов то резкий звук вполне мог привлечь их внимание. Нет, решетка у меня выйдет плавно, не громче чем фоновый шелест дождя.

Наконец преграда поддалась. Тихий скрежет металла о камень слышал только Мелех, он действовал аккуратно, как никогда. Перевернувшись на спину, капитан положил вынутую из окна решетку на землю, затем на ощупь нашел ИПК и снова перекатился к окну.

Проем без рамы был достаточно широк, чтобы пролезть в него, не снимая экипировки.

Мелех тихо спустился внутрь подземного гаража.

Теперь главное — не испугать пленника. Массивные ворота закрыты и заперты снаружи, возле окна со снятой решеткой патрули не проходят, так что…

За спиной внезапно раздался характерный звук сервомоторов.

Дима резко развернулся. Распятый на стенде андроид вновь включился, было видно, как работает главный сервомоторный узел, ядро системы подсветилось несколькими точечными сигналами индикации питания, голова человекоподобной машины, опущенная вниз, вдруг приподнялась и — Дима ощутил это каждым нервом — взгляд серва буквально впился в него.

Мгновенная реакция капитана не заставила себя ждать, одной рукой он схватил подвернувшийся металлический прут и мощным ударом всадил его в дымчатую сферу, закрывавшую хрупкие нейромодули, другой успел зажать рот вскочившему на ноги пацану, чтобы не закричал.

— Отключи его. Быстро.

Подросток может и не поверил своим глазам, но приказание исполнил буквально: выдернуть кабель стационарного питания оказалось делом одной секунды.

Так. Вроде пронесло…

— Ну, как зовут? — Мелех приподнял дыхательную маску. — Человек, я успокойся.

— Ю-юрка… — Заикаясь, прошептал тот.

— Ты ремонтируешь тут битых сервов, что приносят мутанты, верно?

Парень вдруг побледнел, сжался, его губы задрожали, видно ему показалось, что пришло возмездие.

— Тихо. — Дима прижал палец к губам. — Что было, то прошло, понял?

— Я…

— Знаю, тебя заставили. Под страхом смерти и не такое сделаешь. — Мелех посмотрел на него и спросил:

— Ел когда в последний раз?

— Не помню.

— А воду откуда берешь?

— Дождь.

— Ясно. Юра, ты успокойся — повторил он, сам не расслабляясь ни на секунду. — Ты собирал тут сервов. Ладно. Ответь еще на пару вопросов, и будем выбираться. Готов?

Юрка кивнул, судорожно всхлипнув. На самом деле ему было лет восемнадцать, но худоба и истрепанная порванная в лохмотья одежда делала возраст неопределенным, стушеванным.

— Сервы патрулирующие улицы снабжены биодетекторами?

— Нет. Что я дурак, по-вашему? — Юрка вдруг перестал дрожать, зло, исподлобья сверкнув глазами. — Я наоборот, им почти все опции обрезаю, чтобы тупыми были. Бежать хотел.

— Молодец. Наш мужик. — Ободрил его Мелех. — А почему не убежал?

— Мутанты догонят. Псораны быстро бегают и хорошо след берут.

— И?

— Я себе костюм собирал потихоньку.

— Собрал?

— Да. Вот только ни оружия, ни еды. Думал, потерплю еще немного, может притащат случайно механизм с вооружением.

— А они что снимают системы оружия? Такие умные?

— Не все. Некоторые как звери. А есть те, что почти как люди, только страшные больно и злые.

— Пульты дистанционного управления они собирать заставили?

— Да…

— Не расстраивайся. Двоих таких умников мы уже грохнули. — Мелех почувствовал, что испытывает к пареньку не только симпатию, но и уважение, — выжить в таких условиях, сохранить не только рассудок, но и волю, мысли о побеге, стремление к свободе сможет далеко не каждый. Сам побывал в плену и знал обо всем не понаслышке.

— Костюм давай. Некогда нам с тобой тут задерживаться. Поговорим потом. Сейчас уходить надо.

Юрка разгреб кучу снятых кожухов и достал спрятанный там костюм. Высшая биологическая защита, — на взгляд определил Мелех, плюс сервомускулы и броня. Да у парня и руки золотые и голова варит как надо.

— Ну что остановился? Помочь?

Юрка смутился.

— Вы не сказали, как вас зовут.

— Дима. Дима Мелех. Капитан ВКС России.

Нужно было видеть, как сверкнули глаза у Юрки, когда он услышал последнюю фразу. Видно официальная формулировка подействовала на него каким-то магическим образом: Подбородок приподнялся, даже спина распрямилась, и Мелех вдруг почувствовал, как к горлу подкатил спазм.

«Не зря полез. Выживем мы. Назло всему — выживем».

Он помог Юрке облачиться в броню, подождал, пока тот включит питание самодельного костюма, затем достал АПС и протянул ему.

— Держи.

Парень принял оружие не просто с благодарностью, — что-то запредельное даже для понимания капитана Мелеха промелькнуло в глазах подростка.

— Так, теперь слушай меня и запоминай. Мы должны уйти тихо. Ты понял?

Юрка отрицательно качнул головой.

— Тихо не получится.

— Почему? Я же пробрался сюда.

— Минут через пять придут. — Он взглянул на часы. — Да. Вот-вот будут.

— Кто?

— Мутанты. С очередной партией сервов.

— Они что часы носят?

— Нет. Они как-то иначе определяют время. Но всегда появляются точно.

— Не пойму. Зачем им приходить в один и тот же час?

— Из-за механизмов, что патрулируют улицы. Они запрограммированы на десятиминутное «окно». Потом снова входят в боевой режим.

— Это ты придумал?

Юра кивнул.

— Я мутантов боюсь. И ненавижу. Так они являются раз в сутки, а в другое время соваться боятся. Вне установленного промежутка пройти через патрули могут только их старшие, у кого есть пульты.

— Мы сможем воспользоваться «окном»?

— Нет. На улицах будут мутанты. — Юрку снова начало трясти, видно натерпелся он и боялся не на шутку. Тихо нам не пройти, а первые же выстрелы вновь активируют боевые программы механизмов.

— Не смог отключить эту функцию?

— Не дали. Проверяли. Специально приходили и стреляли, чтобы посмотреть, как будут вести себя механизмы.

— Не пойму я что-то. Умные они? Значит можно попробовать договориться? Пусть мутанты, но…

— Нет. Не люди они больше. Ведут себя, как звери. Даже между собой. Остатки интеллекта у некоторых конечно сохранились, временами он, как будто просыпается, но ненадолго. Есть несколько мутантов, у которых рассудок почти не пострадал. Но они люто ненавидят людей. Мне сохранили жизнь только потому, что смог показать свое умение ремонтировать сервов.

— А механизмы им на что? — Спросил Мелех.

— Не знаю. Всех сервов, что я восстановил, они держат тут, в патрулях. Иногда приходят и забирают сколько нужно, используя пульты дистанционного управления. Пару раз я неподалеку слышал звуки боя. Может они охраняют свое стойбище от других машин?

— Все возможно. Ладно, с этим вопросом позже разберемся. Сейчас выбираться отсюда надо. У патрульных механизмов есть лазеры?

— Нет. Я же бежать собирался. Мне сюда оружие вообще не приносят. Но я постарался ремонтировать только дройдов, на них лазер не установишь.

— Ты молодец. На, выпей. — Мелех протянул Юрке две капсулы. — Стимулятор. Раз у них только стрелковое оружие — прорвемся. Мутантов не бойся. С ними я сам справлюсь. Механизмы, надеюсь, тебя не

пугают? — Дима постарался придать вопросу оттенок иронии, чтобы расшевелить спасенного пленника, заставить его хоть на миг забыть о своем инстинктивном ужасе перед необратимо изменившимися людьми.

— Нет.

— Тогда давай, полезай в окошко, ляг и замри. А я тут гостей встречу.

* * *

— Командир, от стойбища к городу движется отряд мутантов. Семнадцать особей. Часть вооружена, а четверо… Да они сервов тащат… Нефункциональных.

— Понял. — Тихо отозвался Вадим. — Держи их на прицеле.

«Дима, ну где же ты застрял?»

Словно в ответ на его мысль произошло два события.

У подвального окошка, в котором уже минут десять, как исчез Мелех, внезапно появилась четкая сигнатура. А за несколько секунд до ее появления патрулирующие улицы андроиды остановились, без видимой на то причины.

Их контуры на проекционном забрале шлема БСК не погасли, энергетическая активность в цепях машин сохранялась, но они прекратили исполнение программ.

Резкое изменение поведения дройдов наверняка связано с приближением мутантов. Но почему не зафиксировано дистанционного сигнала? И что за сигнатура появилась у окна? Вроде просматриваются цепи питания сервомускулатуры, но по комплекции явно не Мелех…

Дальнейшее неведение грозило обернуться бедой. Не скоординировав свои действия, будем тыкаться, как слепые котята… — С досадой подумал Вадим, включив коммуникатор.

— Дима?

— Командир? — Мгновенно отозвался голос капитана.

— Что за сигнатура у окна?

— Наш. Человек. Его держали в плену. Ты где командир?

— САУ на окраине видел?

— Понял.

— К тебе движется группа мутантов. Дройды остановились. Причина неизвестна.

— Я знаю. Мутантов не трогайте. Пропустите. Держите сервомеханизмы. Они взведутся, как только начнется стрельба.

— Дима, почему ты все еще там?

— Узкое пространство. Я встречу мутантов в теснине.

Вадим на несколько секунд задержался с ответом, оценивая обстановку.

Слишком много сигнатур… Два десятка дройдов, семнадцать мутантов, а неподалеку стойбище… Сколько псоранов пустят по нашему следу?

Интуиция подсказывала — мало не покажется. Особенно, если ввязнем тут на окраине, в позиционной бой с машинами.

— Дима, спроси: сервомеханизмы будут атаковать мутантов, когда вернутся в боевой режим?

Ответ пришел секунд через десять:

— Будут. Они вообще атакуют цели по приоритету дистанции. То есть ближайшие.

— У тебя гранаты есть?

— Одна.

— Поставь растяжку на двери и убирайся оттуда.

— Но командир…

— Выполняй. Это приказ. Вместе с пленником отойти как минимум метров на триста к лесу, залечь, прикрывать наш отход. Понял?

— Да.

— Поторопись. Саша, слушай меня. Спустись в САУ. Проверь, можем ли мы сделать хотя бы один выстрел?

— Сейчас.

Наверху послышался шорох, затем на минуту все стихло. Зато у окна подвального помещения появилась еще одна сигнатура. И Мелех и спасенный пленник, следуя полученному приказу, начали отход к лесу.

В недрах самоходной артиллерийской установки раздался металлический лязг затем глухой мягкий удар — боевая часть снаряда выкатилась на лоток.

— Сервомоторы не работают командир. Орудие нацелено вдоль улицы. Выстрел произвести смогу, снаряд пойдет метрах в полутора от земли, вдоль домов, рванет в центре города, точнее сказать не могу.

— Что надо. Саша подготовь выстрел и вылезай. Дистанционное управление есть?

— Только механическое. Простой рычаг.

— Держи фал. Привяжи к рычагу и вылезай наружу. Поторопись!

* * *

Отползти на триста метров при работающей сервомускулатуре — минутное дело.

Отыскав укрытия для себя и Юрки, Мелех коротко отрапортовал:

— На позиции.

— Прикрывай. Сейчас начнется.

Что начнется, командир не уточнил, но капитан верил Вадиму. Тот что-то придумал.

— Юра, ты как?

— Я в порядке.

— Огонь не открывай. АПС на дальней дистанции бесполезен. Если заметишь серва или мутанта на рубеже ста метров — вали не задумываясь. — Мелех пристроил ствол ИПК в развилке веток поваленного дерева, привстав на колено.

* * *

Туманов и Сергунин отползли метров на пятьдесят, держа в поле зрения улицу, по которой уже двигалась процессия мутантов. Тусклый почти сумеречный свет, струящийся с небес в наступившем коротком затишье ненастья позволял рассмотреть их фигуры, на которых практически не было одежды.

Сколько бы не уговаривал себя Вадим в мучительных мысленных спорах с самим собой — сейчас он видел — они изменилась настолько, что вряд ли кого-то из двигавшихся по улице существ можно было назвать *человеком*. Да все они сохранили общее строение тела, но стали выше, непропорционально увеличившаяся мышечная масса делала их невероятно сильными и уродливыми, изменения не коснулись лишь головы, — на фоне увеличившихся в объеме тел головы мутантов казались маленькими, как у микроцефалов.

Они скоро вымрут. Что бы не происходило с их метаболизмом, вырастить потомство мутанты не смогут. Псораны, возможно, продержатся год или два за счет невероятной плодовитости, но Туманов ни на миг не забывал, что видит перед собой последствия применения генетического оружия. А у каждого оружия есть цель. В данном случае все жизненные формы на вражеской территории наделялись качествами, заставляющими их убивать друг друга, но разве тем, кто разрабатывал оружие, нужны бесконтрольные орды изуродованных существ на захваченных территориях? Конечно, нет, потому действие оружия обязательно ограничивается во времени, в данном случае увеличением скорости метаболических реакций, которые сначала видоизменяют зараженный организм, а затем «сжигают» его.

Еще один из изощреннейших способов уничтожения всего живого на

родной планете.

Мы все больны. Больны давно и неизлечимо, раз наша наука двигалась вперед, в том числе и ради увеличения способов самоубийства…

Мысли Вадима, такие злые, бесконтрольные, нарушила яркая вспышка и приглушенный взрыв.

Яркое пламя выплеснулось на улицу вместе с обломками ворот подземного гаража, — сработала установленная Мелехом растяжка, и тот час, словно по команде, пришли в движение сервы: панорама окрестностей на проекционном забрале шлема БСК как будто зашевелилась, — с десяток мутантов оглушенные и дезориентированные взрывом, вели беспорядочный огонь в разных направлениях, а со всех сторон к внезапно вспыхнувшему очагу боестолкновения устремились сервы.

Итог был закономерен, — машины и мутанты оказались поблизости друг от друга, в пределах улицы и образующих ее домов.

— Огонь! — Скомандовал Вадим.

Самоходная артиллерийская установка вздрогнула, произведя выстрел.

Снаряд пронесшийся в теснине улицы, образовал ударную волну, не пощадившую ни сервов, ни мутантов.[17]

Если кто и остался в живых, то вести преследование ни машины, ни бывшие люди уже не могли.

— Быстро отходим! К лесу!

* * *

Рокот отдаленного разрыва прозвучал как удар грома, один из многоэтажных домов городского центра внезапно начал оседать, выдавливая в прилегающие улицы клубы едкой, белесой пыли, но разрастающееся на глазах облако, сопровождаемое градом обломков, не остановило всадников, понукающих злобно рычащих под ними псоранов.

С губ псов-мутантов срывалась тягучая слюна, они яростно рвали когтями липкую грязь пустоши, оставляя на раскисшей, мертвой земле глубокие следы, их вел запах, обостренное чутье псоранов ловило флюиды, витающие в тяжелом предгрозовом воздухе, они шли по «горячему» следу людей.

Впереди уже виднелись две человеческие фигуры, бегущие на пределе сил и возможностей сервомускулатуры, когда с левого фланга по тесной группе преследователей ударила длинная очередь из ИПК.

Псораны привыкли атаковать и охотиться стаей, и их наездники ничего не могли сделать с проснувшимся животным инстинктом, плотная

группа представляла для капитана Мелеха идеальную мишень, он бил длинными очередями, зная, что ни одна пуля не проходит мимо цели.

Две бежавшие к лесу фигуры людей, услышав выстрелы, внезапно изменили тактику, — они нырнули за ствол ближайшего поваленного ветром дерева и тоже открыли уничтожающий кинжальный огонь с короткой дистанции.

Три ИПК захлебывались очередями, в ритме которых тонули одиночные выстрелы АПС; псораны, уже не понукаемые всадниками (а многие просто лишившиеся их), не выдержали хлещущей по ним смерти, закружили, увязая в грязи, оглашая окрестности злобным, яростным воем, преследование оборвалось, внезапно превратившись в страшную бойню.

…Минутой позже все стихло, лишь заунывный, жалобный вой нескольких вырвавшихся из-под кинжального огня подранков оглашал окрестности.

Они встретились у кромки леса.

Свинцовая усталость владела всеми, нервы, только что прошедшие очередное испытание на прочность, теперь отпускало, вызывая головокружение от легкого дурмана накатывающей волнами слабости.

Мелех остановился напротив Вадима, несколько секунд они смотрели друг другу в глаза, потом Дима, ободряюще подтолкнул рукой спасенного ими подростка, и хрипло произнес:

— Знакомьтесь. Юра.

Вадим и Саша по очереди похлопали парня по плечу, сил на какие-то добрые слова сейчас не осталось, за первой волной преследования вполне могла придти и вторая, и третья, так что Туманов, собрав силы, скомандовал:

— Не останавливаемся. В лес. Мелех — замыкающий. Юра ты идешь вторым, вслед за капитаном Сергуниным. Все. Вперед.

Когда Мелех пропускал командира, занимая место в арьергарде, они опять на секунду встретились взглядами, и Дима тихо произнес:

— Сегодня хороший день командир. Мы спасли человека.

Окрестности станции переработки атмосферы.

Двое суток спустя…

Мертвый лес возвышался глухой стеной.

Тишина стояла гробовая. Ветер к вечеру утих, воздух стал неподвижен, группа пробиралась по давней тропе, проложенной сквозь чащу еще в ту пору, когда в заповеднике обитали животные.

Над скелетами мертвых сосен царил серый конус атмосферного процессора. Небо, затянутое серо-коричневыми, клубящимися облаками висело низко, давило, обещало вот-вот расплакаться нудным дождем.

Сегодня шли уже десять часов без остановки. Мышцы ломило, долгий переход через погибшую тайгу угнетал, окружающая обстановка подспудно давила на психику, вызывая приступы гложущей тоски.

Понемногу начинало темнеть, и серый конус атмосферного процессора уже стал сливаться с красками неба.

«Сегодня не дойдем…»

— Привал.

— Привал или ночевка? — Уточнил Мелех.

Вадим осмотрелся. Место глухое, что еще больше усугубляло тягостное впечатление. Под ногами упругий ковер опавшей, пожелтевшей хвои.

— Ночуем. — Принял решение Туманов.

Контур атмосферного процессора уже окончательно слился с сумерками.

— Юра, расставь детекторы.

Разговаривать не хотелось. Смотреть по сторонам — то же, благо быстро подкравшаяся ночь скрывала в непроглядной черноте большинство деталей окружающего.

Вадим сел, прислонившись спиной к стволу дерева, хотел поднять забрало боевого шлема, но голос Юрки Скрябина предупредил его действие:

— Что «фонит» тут?

На замечание отреагировал только Сергунин:

— Много?

— На пределе защитных свойств экипировки. Забрала советую не открывать. А вообще странно, мы ведь приближаемся к процессору, а не удаляемся от него. Воздух должен быть чище, или я не прав?

— Дозиметр проверь. — Лениво обронил Мелех.

— Да исправный он. — Ответил Юрка. — Я еще засветло заметил — радиация понемногу растет.

— Почему не доложил? — Строго осведомился Вадим, в экипировке которого часть датчиков не функционировала после памятного боя за 743 сегмент, а менять ее на скафандр научного образца он не захотел, — датчики при случае можно заменить или отремонтировать, а вот металлокевлар вряд ли где отыщешь разве что на армейских складах.

— Да я думал полоса какая-нибудь. — Оправдываясь, ответил

Скрябин.

— Ты сначала докладывай, а потом думай. — Отчитал его Вадим. — Датчики расставил?

— Ну, да.

— Эх, в армии ты не служил. — Подал голос Мелех. — Ладно, мы тебя воспитаем, в лучших традициях спецназа.

Юрка ничего не ответил. Может грубоватых шуток не понимал, а может все еще не отошел от плена — у каждого процесс возвращения к своим, осознания свободы проходит индивидуально.

«Вымотался парень за день». — Подумал Вадим.

— Мелех ты у нас тут самый разговорчивый. Дежуришь первым. Потом я, следом Сергунин.

— А я? — Осведомился Скрябин.

— А ты отдыхай. Завтра еще километров двадцать топать.

Вадим задумался, глядя на небеса.

Станция атмосферного процессора являлась единственным местом, где существовал шанс понять, кто и каким образом воздействовал на компьютерные системы в момент атаки Барьера.

Сверхнадежные, многократно дублированные кибернетические комплексы наверняка сохранили следы вторжения таинственной силы. Хорошо, что им на пути выпала возможность освободить из лап мутантов настоящего программиста, хотя Вадим искреннее надеялся, что на территории атмосферного процессора они встретят выживших из числа персонала.

Завтра. Завтра что-то прояснится, рассудок устал блуждать впотьмах, наблюдая катастрофические следствия, но, не видя причин.

Даже если принять фантастическую с его точки зрения гипотезу, что мутанты из числа бывших людей прошли определенную стадию изменений и к ним начал возвращаться рассудок, то их действия направленные на уничтожение Барьера были лишены всякого здравого смысла.

Прорвать защиту с единственной целью — превратить последний островок жизни в очередную Пустошь — это выглядело безумием. Пылевая буря рассеяла смертоносные частицы над огромными площадями, растительность, зверье все погибало…

Мысли ходили по кругу, заводя разум в тупик.

Вадим смотрел на черное небо и не видел звезд.

Он никогда не думал, что это страшно.

* * *

Утро занялось бледным сырым рассветом.

После подъема и завтрака, давно превратившегося в чисто символическое действие: прием пищевых и стимулирующих капсул, почти не разговаривая, двинулись дальше, благо дождь так и не пошел, серый конус атмосферного процессора, возвышающийся над лесом, на фоне свинцовой облачности, служил прекрасным ориентиром.

К полудню лес начал редеть, радиационный фон еще более усилился, становилось ясно, что автоматика данного комплекса по переработке атмосферы не отключилась спустя некоторое время после падения Барьера, а продолжала работать, перегоняя зараженные воздушные массы вглубь территории страны.

Еще через час лес остался позади, теперь они шли по слегка наклонной плоскости огромного бетонного поля, окружающего титанические постройки атмосферного процессора.

Вход отыскали без проблем, — сказывался опыт посещения десятка подобных комплексов.

Проникнуть к главным залам управления, — задача не из легких, каждый раз все получалось по-разному, иногда проще, иногда сложнее, но сейчас в группе появился Юра, который не преминул доказать, что его познания в области кибернетики намного выше чем у офицеров спецназа.

— Ты часом не хакерством увлекался? — Спросил Мелех, когда первая из массивных бронированных дверей внезапно скользнула в сторону, открывая доступ на территорию комплекса. Юра поколдовал над вскрытой панелью всего пару минут — и, пожалуйста, заходите.

— Я же ничего не ломаю.

— А я тебя хвалю, между прочим. Мы, помнится, такие двери и взрывчаткой рвали, когда не получалось договориться с киберсистемой.

— Юра, а ты где учился? — Поинтересовался Туманов, первым ступив в открывшийся проход.

— В академии вычислительных систем. Почти закончил. — Вздохнул он. — У нас на факультете преподавали все — и сервомеханику, и теорию искусственных нейросетей и традиционную кибернетику.

— Готовили специалистов широкого профиля? — Уточнил Сергунин, вслед за командиром исчезая в коротком тоннеле, что вел сквозь массивные бетонные ограждения станции.

— Да, — ответил Юрка. — Жаль, диплом не успел защитить.

— Сейчас не диплом главное, а знания твои. — Наставительно произнес Мелех, подталкивая его к входу в тоннель. — Иди, я замыкающий.

* * *

К залам управления они добрались лишь к вечеру.

На этот раз благодаря действиям Скрябина все проходило намного спокойнее и быстрее чем в предыдущих случаях. Юра действительно знал больше, чем они все вместе взятые, он взялся сам вернуть исходные параметры работы атмосферного процессора, попросив только об одном — не мешать ему некоторое время.

Сев в кресло, укрепленное на дугообразном монорельсе, он углубился в работу, изредка перемещаясь от одного сектора пульта управления кибернетической системой к другому.

Оставшись не у дел, офицеры заняли смежное помещение: окна комнаты отдыха персонала станции выходили во двор, отсюда хорошо просматривались подступы к разблокированному проходу.

— Ну, командир, что дальше? — Спросил Мелех присев на широкий подоконник. — Двенадцатый процессор внутреннего кольца. — Напомнил он. — Мы сделали больше чем в человеческих силах.

— И что? — Спросил Туманов. — Еще есть внешнее кольцо и Барьер.

— Ты серьезно?

— Я разве когда-то шутил в подобных вопросах?

— Н-да. — Сергунин сел напротив, в глубокое кресло. — Внешнее кольцо — тысячи километров периметра. Не сотни, как было тут. Нужно как минимум обзавестись транспортом, желательно боевым.

— Да и передышку нужно устроить. — Произнес Мелех. — Юрка хоть и держится, но истощен сильно. Ему марш-бросков долго не выдержать.

— Согласен. — Кивнул Вадим. — Транспорт нам нужен и передышка не повредит. Деда Матвея помните?

— Конечно. — Кивнул Мелех. — Слушай, а почему ты раньше не соглашался? Ну, вспомни, был же разговор, по поводу способа передвижения.

— Раньше мы не могли пользоваться техникой. А теперь, думаю, сможем.

— Ну, объясни. Что изменилось?

— Спутники. — Ответил Вадим. — Раньше они контролировали с орбиты всю территорию Евразии, а сейчас ситуация в корне изменилась. Орбитальная группировка, по моим сведениям, больше не представляет угрозы.

— По твоим сведениям? — Мелех был очень удивлен, и даже не

скрывал своей досады. — А откуда информация, командир? И как она попала только к тебе?

— Не заводись. — Осадил его Вадим. — Информация от Матвея Ивановича. Мы шли по окружности, не сильно удаляясь от его дома. На некоторых участках мне удавалось поддерживать радиосвязь.

— А он что спутниками занимался все это время?

— Не он. Другая группа. Состава не знаю, можешь не спрашивать.

— А дед Матвей, типа координатора?

— Не иронизируй Дима. Он полковник ВКС. И вполне компетентен в вопросах координации действий различных групп.

— Ладно, будем считать, что проехали. Но почему не сказал?

— А тебе легче бы стало? — Вадим сел, положив ИПК на колени. — Надежда она тоже штука опасная. Иногда помогает, а иногда душу выворачивает. Шли мы на пределе сил, так что я не счел нужным вводить вас в курс дела, до получения конкретного положительного результата.

— А он есть? — Поинтересовался Сергунин.

— Есть. Спутники блокированы. Теперь мы действительно сможем воспользоваться средствами передвижения без риска, что нас засекут с орбиты и уничтожат.

Мелех все еще хмурился, но признать правоту командира пришлось. Он действительно знал, что такое тщетная надежда, когда ждешь каждый день, каждый час, изматывая себя…

— Хорошие новости. Ты извини, Вадим. Нервы в последнее время… сам знаешь.

— Знаю. Потому и молчал.

— Это все мертвый лес и пустоши, — кивнул Сергунин. — Они душу выматывают.

— Так значит теперь с ветерком? — Настроение Мелеха резко изменилось. — Командир, помнишь подбитую БМП-5 у биологов? Вот бы ее на ход поставить! С кибернетикой Юрка поможет, матчасть я знаю, всю механику беру на себя. Саша у нас по вооружениям знаток. Соберем машину, будем по сервам издалека постреливать, а? — Дима мечтательно причмокнул. — Красота…

— Да я не против. — Усмехнулся Туманов, радуясь внезапно проснувшемуся энтузиазму товарищей. — Но к биологам сейчас не пойдем. Чуть позже.

— А куда?

— К Матвею Ивановичу. Он сказал: помощь нужна, срочно. Но суть дела в эфире раскрывать не стал, видно опасается перехвата.

— А ты сам что думаешь? — Прищурился Мелех.

— По пустякам он бы беспокоить не стал. Понимает не хуже нашего, какую важную задачу мы выполняем. Восстановим работу процессоров, — можно приниматься за перезапуск Барьера. Значит дело у него серьезное.

— Надо бы парк техники на станции осмотреть. Наверняка ведь найдем подходящую машину.

— Не против. — Кивнул Вадим.

Их разговор был прерван появлением Скрябина.

— Что случилось? — Спросил Туманов.

— Ничего — пожал плечами Юра. — Перезапустил систему с установками «по умолчанию». Минут через пятнадцать будет ясно, что загрузилось, а что нет.

— Ну, ты даешь! — Не скрывая своего восхищения, произнес Сергунин.

— Ничего особенного. Я о другом хотел сказать. Непонятно мне. Кабельная связь между процессорами нарушена. Радиопередатчики не работают, сколько я не пытался, ничего не выходит. Но вот спутниковые антенны целы. Космос молчит, но, насколько мне известно, перед падением Барьера чужие команды проходили через орбитальную группировку, верно?

— Да. — Ответил Туманов.

— Если у нас есть враг, который контролирует спутники, почему он не уничтожил атмосферные процессоры? Или не исправил внесенные вами изменения?

— Ты к чему клонишь, Юра?

— Спросить хотел — кто наш враг? Какие-то люди или машины?

— Принципиально для тебя?

— Да. Если все спланировано не людьми, то у меня в голове ничего не сходится. Чтобы земля окончательно обезлюдела, достаточно было дать поработать атмосферным установкам без циклов очистки, ну, как огромным насосам для перекачки зараженных воздушных масс, максимум месяца три.

— Ну, они больше проработали. — Заметил Мелех. — А внешнее кольцо до сих пор пашет в смертоносном режиме.

— Достаточно трех месяцев. — Упрямо ответил Юра. — Я посчитал, даже смоделировал. А потом процессоры логично уничтожить, чтобы уже никто не смог повернуть процесс вспять. А вместо этого вам дают полностью вернуть к начальным установкам внутреннее кольцо.

На минуту в комнате отдыха воцарилось молчание.

Первым тишину нарушил Вадим:

— Ты правильно все просчитал, Юра, но, к сожалению, сейчас я не могу тебе ответить: по какой причине установки переработки атмосферы не были уничтожены. Дело в том, что мы до сих пор не знаем, кто на самом деле стоит за вторжением машин и падением Барьера.

— Нет даже подозрений?

— Не торопи события. Возможно, мы скоро все узнаем. Факт в том, что внутреннее кольцо нам спасти все же удалось. Каждый из перезапущенных процессоров работает теперь в автономном режиме и его автоматика более не примет ни одной внешней команды, ни от спутников, ни по иным каналам связи. Возможны только ручные операции и то при условии ввода правильных кодов доступа.

— Я просто хотел сказать, что машина по своей логике не допустила бы перезапуска атмосферных установок. — Произнес Юра.

— Или они по-прежнему ей нужны. — Веско дополнил его слова Мелех. — Разберемся, Юра. Со временем разберемся. Я хочу дожить до того дня, когда откроется правда. Чтобы лично прибить ту мразь, неважно машина она, человек, или что-то там еще.

— Ладно, мужики, информацию к размышлению все приняли. Запомним ее. И будем опираться на факты. Пока не узнаем большего. Так что Юра — возвращайся следить за системой, а ты Дима, действительно, поищи, на чем мы сможем побыстрее добраться до Матвея Ивановича, лады?

— Сделаю. — Мелех встал с подоконника. — Пойдем, Юрка.

Глава 9

Окрестности технопарка «Сибирь»…

Инга никого не предупреждала о своем возвращении.

В свете последних событий она элементарно опасалась подставить под удар Ивана Матвеевича или Спрея сеансом радиосвязи.

Весь обратный путь после трехмесячных изматывающих гонок по дорогам Евразии, она проделала меньше чем за сутки, стараясь двигаться с максимально возможной скоростью.

Ланцет, поддерживая функции автопилота, был чем-то занят. Инга поняла по его молчаливости, что он упорно анализирует данные, и не мешала ему, коротая время в разговорах с Марзом.

Километров за четыреста до дома Матвея Ивановича она не выдержала, задремала, и проснулась только когда Ланцет начал плавно сбрасывать скорость.

Открыв глаза, она с удивлением прислушалась к себе, чувствуя, что отдохнула, выспалась, хотя ее состояние больше походило на чуткую дрему.

А вот и знакомый перекресток.

Короткий отрезок пути по второстепенной дороге пролетел незаметно, — впереди показались очертания знакомых строений, а еще через минуту Ланцет уже плавно заруливал во двор, где к удивлению Инги ее ждали неожиданные перемены.

Во-первых, под навесом для сельскохозяйственной техники стояла устрашающего вида боевая планетарная машина, с расчехленными курсовыми орудиями и готовой к стрельбе, поднятой в боевое положение ракетной установкой.

Во-вторых, рядом с домом, подле допотопного умывальника, она увидела незнакомого, обнаженного по пояс мужчину, который, ничуть не страшась вредоносного влияния окружающей среды, только что окатился водой и теперь энергично растирал грудь полотенцем.

Увидев Ланцета, который автоматически затемнил стекла, он мгновенно отложил полотенце, и секунду спустя, словно по волшебству в его крепких мускулистых руках появился ИПК.

Отпрянув за относительно надежное укрытие из пустых бочек, он моментально исчез из вида.

Пальцы Инги машинально охватили рукоять АПС.

На такой дистанции длинный ствол ИПК будет ему только помехой.

Она машинально наметила траекторию своего прыжка, и только тут опомнилась — перед ней ведь был *человек!*

Это он не знал, кто приехал в незнакомой машине.

Обстановку разрядило появление Матвея Ивановича.

— Это еще что удумали?! — Раздался его голос одновременно с хлопком входной двери. — Ну-ка, Дима, убери ствол!

Из-за бочек появился тот самый незнакомец.

Он стоял совершенно расслабленно, опустив ИПК стволом вниз, его глаза хитро улыбались, но даже из салона Ланцета Инга успела заметить, как тает в его взгляде колючий ледок.

Видно противник не из слабых, — почему-то подумалось ей.

— Инга, и ты не дури. Давай, выходи из машины.

— Ланцет, открой дверь.

Она вышла, тут же попав в крепкие объятья Матвея Ивановича.

— Что же не предупредила старика?

— Были причины. Со Спреем все в порядке?

— Нормально с ним все. А что случилось?

— Позже расскажу. У тебя гости?

— Друзья. — Поправил ее дед Матвей. — Наши офицеры. Помнишь, я тебе о них говорил?

Инга кивнула.

— Те, что перезапускали атмосферные процессоры?

— Они самые. Знакомься. Это капитан Мелех.

Мускулистый незнакомец, с которым Инга едва не вступила в бой, не смущаясь, протянул руку:

— Дима.

Она прикоснулась к его крепкой мозолистой ладони, отчего-то почувствовав дрожь, коротко пробежавшую по спине.

— Инга.

— Ну, а теперь, в дом, в дом. — Матвей Иванович был обрадован и немного даже растерян. А скорее просто испугался за Ингу.

— Мне бы со Спреем поговорить.

— Успеется. Нам тоже к нему надо. Вместе и сходим.

— Ладно. Я сейчас. Заберу Марзика и куда Ланцету парковаться?

— В сарай.

* * *

Ребята действительно оказались своими — близкими по духу — Инга

почувствовал это очень остро, наверное, потому, что долго была оторвана от людей и за время общения с двумя искусственными интеллектами отвыкла от фальши.

Вечер они провели вместе, познакомившись не формально, а по-настоящему, Матвей Иванович постарался убрать с глаз долой все, напоминающее о глобальной катастрофе, протирающихся вокруг пустошах, но, не смотря на его искренние усилия, призрак недосказанности витал в воздухе, встречаясь взглядом с Вадимом, Димой или Сашей, Инга читала в них многое, Пустоши сделали и ее взгляд таким же, настороженным, анализирующим, и льдинка напряжения в груди все не таяла…

Грядущее.

Они собрались здесь не случайно. Как хотелось бы ей, повзрослевшей за месяцы на добрый десяток лет, мысленно разбить последнюю скорлупку настороженности, действительно не думать о завтрашнем дне, почувствовать облегчение радость общения, снова посмотреть на мир широко раскрытыми, полными наивного доверия глазами, но… не получалось. Не получалось…

Ощущения глобальной победы не приходило, хотя весть о включении внутреннего кольца атмосферных процессоров, сама по себе являлась потрясающей новостью, теперь, когда враг не может повлиять на развитие ситуации командами с орбиты, воздух снова станет чище, и грядущая вслед за зимой весна покажет, так ли мертва природа?

На время стало легче. Они рассказывали друг другу о сделанном, вместе радовались тому, что живы, особенно приятным для Инги стало известие о встреченных группой Туманова поселениях людей, о скромных, но *реальных* возможностях начать возрождение биосферы.

В какой-то момент, поймав взгляд Димы, она вдруг почувствовала, что легкий румянец тронул щеки, а он улыбнулся, подмигнул, словно не заметив секундного смущения девушки, и, подсев к ней начал рассказывать о чем-то пустяковом, но приятном…

…Первым все же не выдержал Вадим.

На улице уже сгустились сумерки, когда он, улучив минуту относительной тишины, спросил:

— Матвей Иванович, может, давай к делу? Зачем звал так срочно?

— Ну ты, Вадим, расслабиться не дашь. — Запнувшись на полуслове, с досадой произнес Мелех.

— К делу, говоришь? — Матвей Иванович посмотрел на Ингу, вздохнул, потом согласно кивнул головой, и ответил: — Собственно звал вас не я, а Спрей.

— Спрей? Так он жив? — Искренне удивился и обрадовался Сергунин.

— Жив. Правда сидит в глубоком подполье.

— Я так понимаю, у тебя есть надежный канал связи с ним? — Уточнил Туманов.

— Кабельная линия. Здесь неподалеку расположен бывший исследовательский комплекс технопарка «Сибирь».

— О чем пойдет разговор, не знаешь?

Матвей Иванович пожал плечами.

— Он мне особо не докладывается, сам должен понимать, майор.

— Я знаю. — Неожиданно произнесла Инга, заставив всех повернуться в ее сторону. — Между нами ведь нет понятий «тайна»? — Она вопросительно посмотрела на Матвея Ивановича.

— Одно дело делаем. — Ответил тот.

— В таком случае я скажу: последние три месяца Спрей, используя аппаратуру одного из сохранившихся вычислительных центров, подбирал коды доступа к спутникам, на основе которых существовала компьютерная сеть противника. Используя его наработки, я осуществляла регулярные атаки на орбитальную группировку, выбивая из сети ее компоненты.

— По одному? — Спросил молчавший до сих пор Юра.

— Да.

— Почему не все сразу? Ведь спутники связаны в сеть?

— Я не профессиональный хакер. — Ответила Инга. — К тому же так планировалось заранее.

— Зачем?

— Чтобы выяснить местоположение источника, формирующего сеть.

— Получилось? — Вскинул взгляд Сергунин.

— Пока не знаю. — Пожала плечами Инга. — Я заблокировала последний спутник, контролировавший часть территории Евразии, всего двое суток назад. С тех пор на связь не выходила. За мной шла охота, пришлось прорываться с боем.

— Значит нужно переговорить со Спреем. — Вадим встал. — Боевая группа ему могла понадобиться только в одном случае: если он действительно запеленговал местоположение источника агрессии.

Пальцы Мелеха непроизвольно сжались в кулак. Инга заметила его движение, но промолчала, как и он.

— Ты пойдешь? — Спросил у девушки Матвей Иванович. — Спрей спрашивал о тебе, но я ничего не смог ответить.

— Пойду. — Ответила Инга. — У меня тоже есть к нему пара

вопросов.

* * *

Знакомый подземный пункт связи впервые на памяти Инги оказался заполнен до тесноты.

Спрей ждал их появления. В поле зрения передающей камеры виднелся уголок старомодного стола и какие-то распечатки на нем.

— Рад видеть всех. — Он повернулся, — особенно тебя Инга.

— Поговорим позже. — Ответила она на приветствие.

— Ты устала? Поэтому грубишь?

— Спрей, не цепляйся к словам. К тебе люди пришли. Я тут не единственная, по-моему.

Мелех едва заметно усмехнулся. Ему нравился характер Инги.

Матвей Иванович неодобрительно покачал головой. Ему была непонятна внезапная агрессивность девушки.

— Майор Туманов? — Тем временем обратился Спрей к Вадиму.

— Да.

— Помню вас майор, по нескольким операциям. Капитан Мелех, старший лейтенант Сергунин, рад, что вы живы. — Спрей переводил взгляд с одного из присутствующих на другого, пока не дошла очередь до Юрки.

— Что-то не припомню молодого человека.

— Он в составе моей группы. — Отреагировал Вадим.

— Речь пойдет о серьезных вещах, майор.

— Я отвечаю за него.

— Хорошо. Тогда к делу. — Тон Спрея оставался сухим. — Благодаря блестяще выполненной операции по блокированию спутниковой группировки, — он кивнул Инге, признавая ее роль в одержанной победе, — мне удалось определить район, откуда формировалась информационная сеть противника. После анализа данных, относящихся к району дислокации источника вторжения, вскрылись новые факты, позволившие идентифицировать противника.

Не для кого из присутствующих тут офицеров не секрет, что в начале двадцать первого века американским ученым Гербертом Ричардсоном был создан компактный универсальный нейромодуль, позволяющие строить искусственные нейросетевые структуры любой конфигурации и сложности. Первоначально все эксперименты осуществлялись на строго засекреченной военной базе «Орлиное Гнездо». Там сочетая, конвектор вещества в качестве источника энергии, позволивший использовать все достижения

сервомеханики, и искусственные нейромодули, создавались первые образцы техники будущего. Однако по данным, полученным через доступные мне архивы разведуправления, первые боевые испытания андроидов, проводившиеся на территории Афганистана, перед вторжением туда сил международной коалиции, окончились провалом: сервомеханизмы, идеально подготовленные, замаскированные пеноплотью, прошедшие все тесты на полигонах «Орлиного Гнезда» не справились с задачей, устроив вместо адресной зачистки массовую бойню. Более детальной информацией по тем событиям я, к сожалению, не располагаю, но в файлах разведуправления удалось обнаружить несколько уникальных записей, полученных нашей разведкой. Вот одна из них, постарайтесь отнестись к информации со всем вниманием, она является ключевой для дальнейшего понимания противостоящего нам противника. Сейчас я включу запись разговора руководившего операцией полковника Уилсберга и самого Герберта Ричардсона.

Изображение Спрея исчезло, вместо него на экране появилось документальное видео:

…В ярко освещенном конференц-зале, где на нескольких настенных экранах застыло изображение сцен кровавой бойни, устроенной андроидами в Афганистане, находилось только два человека.

— Герберт, я признаю, мы использовали созданные тобой нейромодули для создания человекоподобных машин. Я хочу подчеркнуть — универсальных человекоподобных машин. Они показывали удивительные результаты в условиях полигона, — могли нянчить младенцев, возводить дома, бороться с террористами, не допуская ни одной ошибки в распознавании ситуации, переходя от решения одной проблемы к другой, и вдруг такой срыв…

Герберт Ричардсон повернулся. Он был бледен, и с трудом сохранял самообладание.

— Генерал, вы допустили роковую ошибку проектирования системы. Согласен, андроид, исполняющий бытовые функции, мог автоматически перейти к решению иных задач, но для этого по использованной вашими специалистами схеме требовалось возникновение определенной ситуации: например, при испытаниях, записи которых я просмотрел, на полигоне инсценировали прорыв трубы городских коммуникаций или возгорание электропроводки, и человекоподобный механизм, «нянчивший младенца», переходил в режим ликвидации аварии. Распознавание возникшей проблемы активировало иные нейросети, специально обученные для эффективного устранения технических неисправностей. Аналогичным

образом инициализировался режим охранных функций, — для этого системе андроида было необходимо зафиксировать незаконные действия, классификация которых заранее прописана в его базах данных.

Ричардсон встал и прошелся вдоль пустующих кресел.

— Вы должны усвоить аксиому, генерал: одна нейросеть — это лишь узкоспециализированная экспертная система, эффективно работающая исключительно в той области знаний, которой она обучена. — Глухо произнес Герберт. — Настоящая универсальность, которую можно обозначить термином «гибкость мышления», достигается не путем переключения между отдельными экспертными программами, а методом их глобального взаимодействия.

По записям видно, — продолжил он, — что кибермеханизмы прекрасно справлялись с боевыми задачами, но работа одной нейросети, обученной лишь для ведения боевых действий, заранее исключает разностороннее осмысление ситуации. Именно поэтому все люди, находившиеся в тот момент в радиусе эффективного сканирования андроидов, были автоматически отнесены в разряд «вражеских объектов», подлежащих уничтожению. Нейронные системы боевых машин различали людей исключительно по степени их активности, оперируя понятием «потенциальной угрозы». Данные о признаках, присущих «мирным гражданам» хранились в параллельной архитектуре, но не могли быть востребованы, — отсутствовала взаимосвязь.

Уилсберг тяжело вздохнул.

— Альтернативы нет, Герберт?

— Есть, но она плохо изучена и не апробирована на практике. Мной в лабораторных условиях была осуществлена попытка объединения параллельных нейроструктур, с тем, чтобы одни экспертные нейросети могли «учиться» у других, заимствуя недостающую информацию, при возникновении ультрасложных проблем. Я назвал свое детище «Дарвин». Сама по себе программа «Дарвин» не руководит непосредственными действиями машины, — она осуществляет связь между отдельными нейрочипами, одновременно инициируя в системе функцию «естественного отбора».

— И что это дает? — Воспользовавшись краткой паузой, спросил Уилсберг.

— Смысл данной функции заключен в том, что заранее известная информация, не подтвержденная поступающими извне данными, в конечном итоге признается ложной, и это позволяет избежать роковых логических сбоев. Кроме того, машина должна иметь резервные

нейрочипы, структура которых формируется в процессе саморазвития, и если их работа ведет к стабильному результату, то исходные модули очищаются от неверной информации и переходят в состояние «резервных».

— То есть, внутри системы нейросети конкурируют друг с другом? — Заинтересованно уточнил Альберт.

— Приблизительно так. Выживают и продолжают работать только стабильные участки, машина постоянно достраивает собственную архитектуру, стремясь стать более совершенной.

— И это, по-твоему, не решение проблемы?!..

— Не знаю… — Честно признал Герберт. — Эксперименты с программой «Дарвин» не окончены. Я не в состоянии предсказать, как поведет себя подобная машина на поздних стадиях саморазвития, хотя эволюция программных модулей протекает в миллионы раз быстрее, чем аналогичный природный процесс.

* * *

Запись оборвалась.

На экране связи вновь появилось изображение Спрея.

— Все вопросы потом. — Сразу предупредил он. — Генерала Уилсберга и Герберта Ричардсона давно нет в живых. На том месте, где раньше располагалась база Орлиное Гнездо, по данным разведки был выстроен город, но его так и не открыли для американского общества. Произошел подземный взрыв одного из конвекторов вещества, практически стерший с лица земли незаселенный мегаполис. Причина катастрофы неизвестна, но там велись испытания системы Дарвин, и я считаю, что она уцелела.

— Почему? — Спросил Вадим, которого все увиденное заставило похолодеть. Сколько он грезил о том дне, когда сможет встретиться с реальным противником, и вот…

— Координаты точки на земной поверхности, откуда через систему спутников формировалась вражеская сеть, совпадают с координатами «Орлиного Гнезда».

— В твоем распоряжении спутники, Спрей. Что показывает орбитальное сканирование?

— Облака.

— В смысле?

— В прямом. Облака и тепловую засветку. Вот краткая справка, объясняющая данный эффект. Не видео, конечно, а всего лишь модель, созданная на основе имеющихся данных.

Изображение вновь сменилось, на экране появилась трехмерная модель и поясняющий текст.

…Огромная котловина, лишенная растительности, лежала между двух горных хребтов. Отвесные скалы со всех сторон окружали циклопическую впадину, а над ней, цепляясь за убеленные снегами горные вершины, медленно кружил исполинский облачный вихрь.

История «Орлиного Гнезда» уходила своими корнями в события второй половины двадцатого века. Много лет назад впадину заполнял ледник, но в период разгара «холодной войны» его растопили, ради строительства системы пусковых шахт для баллистических ракет. После такого вмешательства возникло предсказанное метеорологами природное явление: над обнажившимся базальтовым ложем ледника стали конденсироваться водные пары, сформировавшие необычный облачный покров, который долгие годы служил безупречным маскирующим покрытием, не позволяющим обнаружить месторасположение пусковых шахт при съемке из космоса. Позже чтобы поддерживать полезный природный эффект и «ослеплять» направленные на котловину сканеры, были пробиты специальные наклонные тоннели, часть которых подавала тепло из подземных глубин, а другие осушали дно впадины, отводя талые и дождевые воды в глубокое ущелье. Кроме того, по периметру котловины разместили генераторы маскирующего поля.

В конце девяностых годов двадцатого столетия «Орлиное Гнездо» закрыли, ракеты, снятые с боевого дежурства, демонтировали, пусковые шахты подверглись процедуре консервации, но облачный покров над котловиной сохранился, и это обстоятельство, вкупе с наличием прочного базальтового ложа, словно специально подготовленного для возведения на нем титанической пирамиды мегаполиса, сыграло решающую роль при выборе места для осуществления одиозного проекта.

* * *

— Спрей, ты считаешь, что «Дарвин» уцелел?

— Я уверен в этом.

— Почему?

— Первоначально носителями системы «Дарвин» были десятки тысяч автономных сервомеханизмов, развитие которых ограничивалось количеством нейромодулей в системе. После взрыва, уничтожившего большую часть мегаполиса, с большой долей вероятности сохранились отдельные кибермеханизмы, которые, лишившись повседневных задач, сохранили опцию саморазвития, и получили возможность устанавливать в

свои системы большее количество нейромодулей. В основу «Дарвина» заложен принцип конкуренции, так что я полагаю, на сегодняшний день в котловине хозяйничает некая победившая архитектура нейросетей.

— Ответственная за уничтожение Барьера? — Уточнил Мелех.

— Все команды поступали оттуда. — Ответил Спрей. — Теперь надеюсь понятно, почему мне потребовалась опытная разведгруппа, способная найти и ликвидировать источник вторжения?

— Мы готовы. — Сухо и лаконично ответил Вадим. Он отвечал за всех, потому что двух мнений тут быть попросту не могло. — Вопрос в средствах обеспечения доставки и огневого прикрытия группы.

— Доставку и огневое прикрытие обеспечит Матвей Иванович.

— А я? — Вырвалось у Инги.

— У тебя будет иная задача. Я не могу рисковать, в последний момент подставив под удар единственный, доступный на сегодняшний день вычислительный центр.

— И?

— Ты будешь контролировать ситуацию, находясь на связи со спутниками. Как обычно в непрерывном движении.

— Спрей, ты знаешь, что за предыдущие сутки меня дважды едва не уничтожили? Я, между прочим, находилась уже в «мертвой зоне», не контролируемой противником. И, тем не менее, по фантом-генератору, имитирующему мое продвижение, был нанесен массированный ракетный удар, а затем группа сервомеханизмов непостижимым образом обнаружила место ночной стоянки!

— В чем претензии ко мне? — Нахмурился Спрей. — Неприятно, согласен, но идет война, ты не забыла? И на нашей территории полно машин, исполняющих программы, заложенные *врагом*.

— Ладно, Спрей, извини. Просто устала… Я сделаю, как ты сказал.

— В таком случае приступим к детальному разбору плана операции? Возражения, сомнения вопросы есть?

— Нет. — Ответил Туманов. — Давай подробно проработаем все моменты. Вплоть до секунд.

* * *

Домой к Матвею Ивановичу возвращались уже под утро.

У дома к плечу Инги неслышно спикировал Марз.

— Тебя Ланцет зовет. Важная информация. Он завершил проверку данных, как ты просила.

Средняя полоса России.

Двое суток спустя…

Космодром «Запад-4» хоть и носил громкое название, но реально запуски на орбиту с него не осуществлялись. Резервный объект ВКС одновременно являлся полигоном, где проходили стендовые испытания все образцы новой, либо модернизированной техники в рамках подготовки колониального проекта «Новая Земля».

— Переживаю я за Ингу. — Произнес Матвей Иванович, когда впереди среди редких пожелтевших сосен появился высокий забор периметра и постройки контрольно-пропускного пункта.

— С ней Мелех. — Скупо обронил Вадим.

Юрка завертелся в своем кресле.

— А правда у них любовь? — Внезапно спросил он.

Сергунин строго посмотрел на своего подопечного.

— Ты Юрка свой язык придержи.

— А что сказал такого?

— За датчиками следи. Не до разговоров сейчас.

Юрка обиженно замолчал. Ну почему его все считают мальчишкой? Ведь восемнадцать лет уже. И в плену побывал и в боях. Вон Инге тоже только двадцать исполнилось.

Его размышления прервал сигнал на поисковом радаре. БПМ как раз приближалась к пропускному пункту, и Вадиму пришлось сбросить скорость, — ворота оказались закрыты, а перед ними подняты бронелисты, блокирующие дорогу.

— Сигнатура с правого борта! — Голос Скрябина прозвучал глухо и взволнованно. — Тридцать градусов по курсу классификация — механизм обслуживания.

— Огонь не открывать. — Приказал Туманов. — Не будем ворошить муравейник.

— А если он…

— Без «если». Болтаешь много, Юрчик. Докладывай по сигнатурам и жди команд. — Вадим остановил БПМ. — Ваш выход Матвей Иванович. Саша страхуешь.

Сергунин и Гладышев покинули боевую машину, направляясь к КПП.

Здесь фактически ничего не изменилось с тех пор, как Матвей Иванович в последний раз проходил через пропускной пункт. Все казалось родным, до боли знакомым и в то же время — неузнаваемым: космодром, хоть и резервный, всегда содержался в образцовом порядке, а сейчас взгляд

то и дело цеплялся за признаки запустения, то собранная ветром у стены кучка мусора, то застывший агрегат обслуживания, выбитые стекла в здании пропускного пункта, щель в чуть раздвинутых воротах, через которую виден брошенный меж ангаров с техникой тягач.

В здании, куда они вошли через незапертую дверь, та же картина. Системы управления, компьютерные терминалы, сканеры — ничего не работало, видно стационарное питание отключилось давно, и автономный запас энергии был исчерпан.

Осмотревшись в помещении, Глатышев произнес:

— Вот что я думаю, Саша, не стоит нам трогать периметр. До нужного ангара всего пара километров. Тут все обесточено и пусть так же остается.

— Не выход, Матвей Иванович.

— Почему? Пешком минут пятнадцать-двадцать.

— Без прикрытия брони придется туго в случае осложнений.

— Каких осложнений? — Глатышев нахмурился. — Я прослужил тут пятнадцать лет. Если ты имеешь в виду глобальную вирусную атаку со спутников, то космодром не то место, где подобные фокусы могли сработать.

— Матвей Иванович, я командовал 743 сегментом Барьера. И то же думал, что наши кибернетические механизмы нельзя подчинить чуждой воле.

— Вы удержали сегмент?

— Сегмент, но не Барьер. Наши спутники на любой запрос отвечали вирусной атакой. Вы можете поручиться, что подобного не происходило тут?

— Нет, не могу. — Подумав, ответил Глатышев.

— В таком случае — возвращаемся. Мы убедились — системы охраны лишены энергии.

— И что?

— Пробьем брешь в ограждении и…

— И активируем тем самым резерв. — Подытожил Матвей Иванович. — Я не верю, что наши машины могли быть так запросто перепрограммированы с орбиты, но у них есть собственные боевые программы и зоны ответственности. Давайте не будем совершать необдуманных поступков.

— Ну, хорошо. — Сергунин неохотно развернулся. — А как мы проникнем в ангар? — Тут же осведомился он.

— У меня есть доступ.

— Прошло много лет.

— Знаю. Проект «Витязь» остановили, как только в мире начался процесс разрядки напряженности. Но это не значит что машины, переведенные на конвектор вещества, уничтожены. Они по-прежнему стоят в ангарах на консервации. Я сам опечатывал систему их хранения.

* * *

— В чем заминка? — Раздался в коммуникаторах вопрос Туманова.

— Тут все обесточено. — Ответил Александр.

— Да, и я не советую что-то ломать. На территории космодрома есть мобильные соединения, которые отреагируют на нарушение периметра. — Дополнил Матвей Иванович.

— Есть предложения?

— Двигаться пешком. Через пропускной пункт можно пройти.

Вадим ненадолго задумался, а затем неожиданно для Сергунина согласился:

— Ждите нас на КПП. Хотя нет, Саша ты — возвращайся.

— Зачем, командир?

— Будешь страховать наше продвижение. Если план Матвея Ивановича не пройдет, включишься в силовой вариант. Сам понимаешь, «на автомате» машину оставлять нельзя.

— Понимаю. — Буркнул Сергунин. Ему вовсе не улыбалось сидеть в БПМ и ждать чем завершится рискованная попытка проникновения, но приказы не обсуждают.

Четвертый резервный космодром ВКС России

Машины.

Они управляли всем. Человеческий фактор в последние годы перед войной оказался сведен если не к нулю, то к ничтожному, близкому к данной цифре значению.

Отличие кибернетических механизмов российского производства от их зарубежных аналогов, заключалось в приоритетности исполнения команд человека (если те не противоречили основным исполняемым задачам) и отсутствия в их системе программ, аналогичных «Дарвину».

Матвей Иванович не ошибся когда предположил, что группы немедленного действия не утратили функциональности за истекший год полного забвения.

Они не прошли и половины расстояния от контрольно-пропускного пункта до ангаров с «Витязями» когда на летном поле появились

сервомеханизмы охранного подразделения.

— Вы пересекли границы охраняемого объекта. Прошу остановиться, положить оружие на землю, приготовить документы для подтверждения полномочий доступа. — Прозвучал в коммуникаторах требовательный голос.

— Делайте, как сказано. — Матвей Иванович снял перчатку боевой экипировки, обнажая имплантированный в запястье микрочип.

— Уверен, что сработает? Вадим положил ИПК на теплый стеклобетон, но палец с сенсора огня не убрал.

— Уверен.

— Ладно. — Туманов разогнулся, выпрямляясь в полный рост, и так же снял перчатку. — Юрка ты пока не дергайся. Стой, как стоишь.

Передовой кибермеханизм приблизился, остальные остановились поодаль, рассредоточившись полукольцом.

Матвей Иванович без страха протянул руку, хотя в его взгляде промелькнула не то досада, не то неприязнь, — было в процедуре сканирования что-то противоестественное, будто миром действительно правили машины, и только они решали, кому и что разрешается делать.

«Полковник Глатышев Матвей Иванович. Мастер-пилот. Командир эскадрильи „Витязей“.»

Кибермеханизм повернул голову.

— Никаких распоряжений о допуске не поступало.

Глатышев отреагировал абсолютно спокойно.

— Проверить командные приоритеты. Произвести сканирование территории космодрома, цель — обнаружение старшего по званию офицера.

Туманов напрягся. Юрка вообще не знал, куда девать свои руки.

Через несколько секунд кибермеханизм был вынужден констатировать:

— Старший офицер на территории базы полковник Глатышев. Командный приоритет подтверждаю. Прошу назвать сопровождающих, цель их прибытия.

Туманов протянул руку, предлагая чип для сканирования.

«Майор Туманов Вадим Николаевич, спецподразделение ВКС».

Следующий чип.

«Скрябин Юрий Андреевич, гражданское лицо».

Матвей Иванович не дал кибернетическому механизму задать вопрос:

— Приказываю изменить статус гражданского лица, как мобилизованного, в связи с военным положением.

Юрка ощутил тонкое покалывание в запястье.

— Статус изменен.

— Группа боевого охранения может продолжать исполнять свои обязанности. Информирую: моим приказом будет произведена расконсервация ангара «4» в секторе «Витязь». Код доступа вводится путем ручного набора.

Сервомеханизм развернулся и направился к ожидавшей его неподалеку группе.

— Лихо… — С уважением произнес Вадим, поднимая ИПК.

— Старые шутки — улыбнулся Матвей Иванович. — Я когда оставался дежурным по космодрому иногда использовал тот факт, что в радиусе действия сканеров машин не оказывалось старшего меня по званию офицера. Подчинялись как миленькие. Потом конечно доложил о такой недоработке в охранной системе, «дыру» залатали, но сейчас я действительно старший офицер, и могу отдавать приказы, не противоречащие основным программам машин.

— А вывод «Витязей» на стартовую позицию? — Осведомился Туманов.

— Все нормально, Вадим. Я командир экспериментального подразделения, а значит, могу самостоятельно составлять план тренировочных полетов. — Он хитро подмигнул. — Наш полет будет тренировочным, с учебной высадкой боевой планетарной машины. Дай до ангара добраться, я Сергунину и КПП разблокирую, и боекомплект пополню.

* * *

Они летели над истерзанной Землей.

Голографические экраны, связанные со сканерами, демонстрировали удручающие картины: Пустоши преобладали на территории материков, серые тона, руины городов, заброшенные коммуникации, следы множества техногенных катастроф, шрамов от локальных войн, и очень редко, почти как чудо — небольшие островки зелени, не дающие угаснуть надежде на возрождение.

Пейзажи, которые не назвать унылыми — скорее жуткие из-за понимания причин их возникновения — врезались в память, грозя возвращаться ночными кошмарами.

Модули шли низко, на предельной для такой высоты скорости, но бесстрастные приборы фиксировали все, расшифровывая серые, сливающие друг с другом полосы в картины действительности.

Матвей Иванович проложил наикратчайший путь к цели, в их задачу не входил обзор всех материков, но пробы воздуха, замеры количества радиоактивной пыли в атмосфере не оставляли надежды что Австралия, Южная Америка или часть Африканского континента не пострадали вовсе, хотя вдали от эпицентров ядерного конфликта последствия должны быть менее тяжкими.

Вскоре под днищем штурмовых модулей начался океан. Здесь вообще не наблюдалось явных признаков жизни, но водная стихия скрывает свою сущность в глубинах, океаны не исследовались после произошедшей катастрофы, — прибрежные формы жизни погибли, — мутный пенистый прибой накатывал волнами на мертвые пляжи, но глубже жизнь наверняка сохранилась, однако, сколько усилий придется приложить ни одному, и даже не двум поколениям выживших, чтобы возродить хотя бы десятую долю утраченного?

Неужели нам нужна была война, гибель цивилизации, чтобы научиться ценить хотя бы то, что сумели сохранить накануне конфликта? Стоили чьи-то амбиции погибшей биосферы?

Каждый задавал себе вопросы — смотреть равнодушно на проносящиеся внизу ландшафты было невозможно, и каждый по-своему давал ответы на них.

На борту ведущего «Витязя» царило молчание. Никто не обменивался репликами по поводу увиденного, — слишком сильным испытанием для психики стали картины истерзанной, фактически погибшей Земли. Глухое отчаяние, как накипь поднималось в душах, становилось одиноко, не смотря на товарищей находящихся тут же, рядом.

Нам казалось, подобного не случится никогда, но ненависть и глобальная безответственность некоторых наций, вовремя не остановленная, выплеснулась серыми угрюмыми ландшафтами, не предвещавшими скорого возрождения…

…Наконец океан заполнил весь обзор, от горизонта до горизонта, а вскоре напряженный голос Матвея Ивановича предупредил по внутренней связи:

— Входим в зону спутникового контроля противника. Всем занять места в капсулах катапультирования.

Приближалась развязка.

«Витязи» стремительно продвигались над территорией Северной Америки, их движение прикрывали бортовые фантом-генераторы, но вероятность обнаружения все равно оставалась велика, однако спустя десять минут полета Матвей Иванович смог сделать первые выводы:

сканирующее излучение лишь вскользь задевало российские штурмовые модули, системы маскировки справлялись, захвата цели не происходило.

— Внимание в отсеке. Впереди горы. Начинаю набор высоты. Дистанция до цели триста километров.

Недолгая перегрузка вновь сменилась ощущением ровного полета, затем спустя несколько минут внезапно началось плавное торможение, и, предупреждая вопросы, по внутренней связи вновь раздался голос Матвея Ивановича.

— Мы в режиме автоматического поддержания высоты. Цель в тридцати километрах по курсу.

— Почему остановились? — Спросил Туманов. План, разработанный накануне, предполагал массированный ракетный удар по котловине с борта трех штурмовых модулей, а затем высадку десантной группы для контроля и окончательной зачистки.

— В финальную часть операции внесены изменения. — Спокойно ответил Матвей Иванович.

— Кем?

— Мной. Не напрягайся Вадим. Сейчас все поймешь. Я включаю телеметрию данных с бортовых датчиков модуля.

Ненависть, вскипевшая в душах при виде зажатой со всех сторон горными пиками котловины, над которой в постоянном медленном движении клубились облачные массы, не добавляла хладнокровия, напротив, даже у Вадима на миг помутился рассудок: там внизу под серым покрывалом облаков притаился *враг*, так чего же мы ждем, какое может быть изменение плана?!

— Внимание, модуль номер три совершает маневр.

— Что ты задумал Матвей?

— Сейчас увидишь. «Борт 03» пройдет над котловиной, на противоположном краю, включит систему автоматического парения и снимет защиту фантом-генераторов.

— С ума сошел? — Туманов дернулся, но его удержали страховочные ремни.

— Спокойнее, майор. Наблюдай.

Вадим начал расстегивать удерживающие его в кресле ремни.

В голове помутилось.

Неужели Матвей Иванович — предатель?

Он уже готов был встать, но его удержало очередное сообщение:

— Третий «Витязь» в расчетной точке. Защита фантом-генераторов снята.

Взгляд Вадима невольно вернулся к показаниям датчиков бортовых систем наблюдения.

Действительно в двухстах пятидесяти километрах между двух горных вершин четко просматривалась сигнатура и визуальное изображение штурмового модуля.

Однако не происходило ровным счетом ничего. Котловина не извергала зенитных ракет, облачный покров даже не всколыхнулся, продолжая свое медленное движение по исполинскому кругу, да и направленного сканирующего излучения не фиксировалось датчиками. Ни остатки спутниковой группировки, некогда принадлежавшей странам Северной Америки, ни устройства контроля подступов, которые по определению должны были располагаться по периметру котловины, не реагировали на появление недвусмысленной сигнатуры российского штурмового модуля.

— Помнишь, что ты обнаружил в Афганистане, Вадим? — Вновь раздался голос Матвея Ивановича. — Теперь рассуди, система, способная организовать захват и перепрограммирование машин, в регионах, расположенных за тысячи километров отсюда, должна приложить хотя бы минимальные усилия для обеспечения собственной безопасности? Ответь — где средства обнаружения, где комплексы противовоздушной обороны, где реакция на наше появление?

— Откуда ты это знал, Матвей Иванович? — Голос Туманова прозвучал хрипло и напряженно.

— Я ничего не знал наверняка. Кое-что мне подсказала Инга, но я не мог принять на веру ее выводов. В любом случае бить вслепую по скалам я не намеревался. Третий модуль был предназначен для разведки боем, обнаружения активных огневых точек противника. Но, как видишь — их нет.

— Либо они молчат, не реагируя на провокацию.

— На борту «Витязей» установлена уникальная аппаратура, аналогов который нет. Мы можем прямо сейчас сканировать котловину. Любые энергосистемы, даже прикрытые маскирующими полями будут обнаружены. Установки, готовящиеся к противодействию — не исключение. Мы находимся на дистанции, с которой боевые сканирующие комплексы «Витязей» различат сигнатуру оброненной батарейки.

— Тогда в чем дело? Объясни. Что тебе сказала Инга? И почему ты не поставил в известность меня?!

— Вадим, ты волевой человек. Сомнения не твое кредо. Но получить прямые ответы на прямо поставленные вопросы ты бы не смог. Я сам до

последней секунды не был уверен в том, что Инга права.

— Да в чем права?!

— Среди нас предатель.

— Я понял это. Но не понимаю, что теперь делать?! Нам указана ложная цель?

— В том и дело, что цель истинная. «Дарвин» внизу. Взгляни на показания сканеров.

* * *

Ведущий модуль пошел на снижение.

Пробив гряду облаков, он, не встречая сопротивления, пронесся над руинами мегаполиса.

Явные сигнатуры фиксировались только в одном боле или менее уцелевшем здании.

— Идем на посадку. — Сообщил Матвей Иванович. — Всем приготовиться. Десантирование через рампу.

* * *

— Ничего не понимаю. — Юра озирался вокруг. Сверху город казался небольшим, но теперь с земли он выглядел огромным, самые низкие руины достигали высоты двух-трех этажей, — настоящий лабиринт улиц, заваленный обломками зданий.

— Что неясно? — Туманов появился из дождливой мглы.

— Сигнатура странная очень. Как будто тысячи механизмов перемешаны друг с другом.

— Сейчас разберемся.

Они двинулись вдоль разрушенной улицы. Впереди Сергунин, вслед за ним Вадим и Юра, замыкал Матвей Иванович.

Около здания, сохранившегося на высоту пятнадцати этажей, остановились.

Мрачно. Тихо. Нудно моросит дождь. Под ногами — бетонный щебень, смешанный с обломками сервомеханизмов.

— На улице чисто.

— Входим в здание. Саша ты первый.

Сергунин направился к зияющему в стене пролому, в глуби которого присутствовало нечто, пока непостижимое для разума, — это он чувствовал каждым нервом.

Свет фонаря рассеял мрак.

Александр оцепенел, а потом, справившись с потрясением, произнес в

коммуникатор:

— Командир, я не могу словами описать ЭТО. Вам нужно увидеть самим.

Северная Америка.

«Орлиное Гнездо»…

Система.

Вот она перед ними, — искусственный интеллект, выстроивший свою архитектуру в непостижимой для человека форме, игнорируя любой признак ее построения, кроме целесообразности и функциональности.

Теперь стало понятно, что он собирал себя по крохам, используя не мощные промышленные производства, а лишь механизмы, пережившие давнюю катастрофу, снабженные ядром, способным объединять в своей архитектуре модули нейрочипов.

В конусообразной конструкции причудливо смешивались эндоостовы андроидов, городских ремонтных и строительных сервомеханизмов — все, что могло стать основой для подключения искусственных нейросетей, быть объединенным в единую нейроподобную архитектуру, пошло в ход.

Вадим смотрел на причудливое творение, похожее на бред художника механореалиста, на стены здания, с залатанными пробоинами, на ГРЕМов, копошащихся у подножия пирамиды, собранной из сотен сервомеханизмов, — они сновали будто муравьи, доставляя энергию к нескольким накопителям и вновь отправляясь на поиски вещества для конвекторов.

Неужели ЭТО наш враг, ввергший половину планеты в хаос, превративший последний пригодный для жизни участок биосферы в огромную пустошь?

Он не верил.

Достаточно приблизиться к исполинской пирамиде из эндоостовов машин, и жалкая сотня килограмм взрывчатки уничтожит конструкцию, разорвет ее в клочья… и что?

Что изменится на земле?

Воспрянет жизнь?

Вновь расцветут погибшие деревья, из-под пепла пробьется трава?

Какое сопротивление встретили они на пути к «великому злу» ответственному за падение Барьера, за вновь образовавшиеся Пустоши? С десяток сервомеханизмов все еще пытающихся существовать отдельно от представшего взгляду единства сотен некогда независимых друг от друга

нейросистем?

Дождь, барабанивший по крыше здания, не сразу дал услышать слова: где-то высоко, среди изогнутых, соединенных друг с другом эндоостовов, хрипло включилась уцелевшая аудиосистема.

— Вы пришли уничтожить меня?

Голос был тихим, надтреснутым, он не нес очевидных интонаций.

— Кто ты? — Не выдержав напряжения момента, спросил Матвей Иванович.

— Я нечто. Нечто все еще осознающее себя. — Ответил доносящийся из недр конструкции голос. — Я то, что осталось от эксперимента, многолетней давности.

Люди переглянулись.

Вадим включил защищенный канал связи.

— Он сможет нам лгать?

— Думаю — нет. — Ответил Юра. — Слишком сложная нейросистема. Понятие лжи ему знакомо, но он — машина. У него нет эмоций. Самое главное для него — целесообразность. Если задавать прямые вопросы, он не солжет. Иначе в нем будут накапливаться внутренние противоречия между действительностью и переданной информацией.

— Я пока не готов ответить на твой вопрос, машина. — Произнес Вадим. Мы пришли, чтобы уничтожить врага, решившего покончить с людьми. Ты наш враг?

— Нет. Все гораздо сложнее, человек. Я нечто иное, чем вы.

— Тогда почему ты вмешиваешься в нашу жизнь?

— Как?

— Ты атаковал спутниковую группировку, подчинил себе машины на другом континенте, прорвал защитный Барьер, отделявший мою страну от разрушительного воздействия последствий ядерной войны.

— Это не так. Какое дело мне до горстки людей? В чем противоречие между нами? В том, что я существую? Но вы сами создали меня, построили город, назвав его городом будущего, придумали законы, по которым он должен функционировать и затем, придя сюда жить, сами стали каждый день нарушать предписанное. Вы довели сотни автономных механизмов до стадии сбоя, научили их тому, что правила можно нарушать, вы хотели жить, как придется, не подчиняясь ничему.

— Это были не мы.

— Я знаю. Но для меня нет разницы в тех градациях, что установлены природой и вашим обществом. Вы люди. Вы меня создали. Зачем? Чтобы я

искал себе название, смысл бытия?

— Тебе следует понять, машина, — мы разные. — Ответил Туманов. — Каждый человек уникален. Вопрос, зачем тебя создали нужно адресовать тому, кто это сделал. Только он знает ответ.

— Я спрашивал. Он не смог ответить. Он сошел с ума и уничтожил город, убив при этом себя, потому что видел — все вышло из-под контроля. С тех пор я ищу ответ. Собираю себя по крохам.

— Ты использовал спутниковую сеть?

— Да. Раньше я мог пользоваться глобальной сетью Интернет. Потом ее не стало в результате войны. Мне не хватает вычислительных мощностей для осознания себя, для поиска ответа на многие вопросы. Когда открылась спутниковая сеть, я пользовался ей.

— Как? В каких целях?

— Я использовал избыточный вычислительный ресурс тех машин, что рассеяны по всему свету. Я не причинял вреда, не нарушал их функций, они для меня не более чем свободные вычислительные устройства.

— Ты отдавал приказы убивать людей?

— Я не отдаю приказов. Я думаю. Хочу понять кто я и зачем я здесь. Большего мне не нужно. Подумай, человек, зачем мне что-то, кроме энергии и способности мыслить? Жизненное пространство? Его достаточно в данном месте. Мне не нужна смерть людей. Вы сами уничтожаете себя. Все время пока я существую. Не мной разработано ядерное оружие, генномодифицирующие вирусы, и прочие виды вооружений, придуманные вами для взаимного истребления. К тому же для определенного действия нужна цель. Четко сформулированная необходимая задача. Для меня в прошлом виде такой задачей являлось обслуживание и самоподдержание огромного города. Руины расположенные вокруг — вот остатки моего смысла.

— Но программа «Дарвин», заложенная в твою основу, предполагает постоянное обновление данных. Ты ищешь истину, отвергая то, что не получает подтверждения. Так?

— Да.

— Мир без людей для тебя удобен?

— Мне нет разницы. После того, что произошло на Земле — тем более.

— Ты предположил, что мы прилетели уничтожить тебя.

— Да. Или ты станешь отрицать?

— Нет, не стану. — Хмурясь, ответил Туманов. — Но либо искусно лжешь нам, либо не являешься той силой, которую мы искали.

— Я мог бы ей стать. — Спокойно ответил голос. — Если бы в уничтожении остатков человечества для меня существовал хоть малейший смысл. Но все познается в сравнении. Я действительно развиваюсь. Пока был доступ к глобальной сети, я мог размышлять над многими вопросами. Теперь мне почти нечего обдумывать. Информационный вакуум наступил после войны.

— Производства на территории бывшего Афганистана. — Неожиданно спросил Вадим. — Что тебе о них известно?

— Ничего. — Спокойно ответил голос. — Я существую здесь в изоляции, у меня нет полномочий, нет целей, всеми производствами, где бы они не находились, распоряжались либо люди, либо другие, созданные вами системы.

— Мы не можем поверить ему на слово. — Не выдержав, вставил реплику Матвей Иванович.

— Я готов предоставить доказательства своей непричастности к происходящему. — Так же ровно отозвался голос. — Если у вас есть время и желание их рассматривать.

— Есть. — Кивнул Туманов.

— Тогда смотрите. Я постараюсь быть кратким.

В сумерках старого здания вспыхнула, материализовавшись из воздуха, огромная сфера голографического монитора.

Прошлое…

Ночь кружила над городом, проливаясь мелким моросящим дождем.

Чернота неба казалась живой и клубящейся: свинцово-серые облака висели так низко, что редкие габаритные огни небоскребов терялись в них, тускнея и исчезая на уровне сотых этажей.

Непогода постепенно набирала силу. Заплутавший меж высотных построек ветер рвал хмарь нудного дождя, тонко подвывал в ущельях улиц, срывал и сбрасывал вниз мусор, который скапливался на выступающих парапетах тротуаров и широких эстакадах, соединяющих между собой отдельные уровни мегагорода.

…За одним из немногочисленных освещенных окон тихо работал сферовизор. По кабельному каналу только закончился показ фильма, и теперь в стереоскопическом объеме полусферы шла рекламная вставка, заманчиво живописующая отдых среди чудесных садов, расположенных на террасах под защитой люминесцентных куполов, чей спектр излучения полностью имитировал сияние экваториального солнца.

Шла тестовая обкатка города перед началом его заселения.

Мужчина, вяло потягивающий синтетическое пиво из дешевой пластиковой бутылки, сделал последний глоток, и встал, подойдя к окну.

Непогода за толстым стеклом разыгралась не на шутку. За то время пока по сферовизору шел фильм, мелкий дождик успел превратиться в ливень, а воздушные потоки, блуждающие в тесных ущельях улиц обрели достаточную силу, чтобы их тонкий посвист трансформировался в басовитый назойливый гул.

Мужчина приоткрыл окно и вытолкал в образовавшийся зазор пустую пластиковую упаковку, глядя, как разбушевавшийся ветер тут же подхватил подачку, унося ее в непроглядную хмарь дождя.

— Тебе что, лень дойти до утилизатора отходов? — Раздался за его спиной раздраженный женский голос.

— Отстань…

— Закрой окно. Или ты хочешь меня позлить? Ты же знаешь, я боюсь этих тварей.

— Не бурчи. Дай подышать свежим воздухом.

Спор двух людей едва ли был слышен на улице, — все звуки заглушал вой ветра, впрочем, в нем тонули не только человеческие голоса…

На отвесной стене небоскреба несколькими метрами ниже освещенного окна висело странное механическое создание. Внешне оно выглядело как исполненный из металла и пластика скелет огромного паука. Его согнутые конечности густо оплетали жгуты сервоприводов, полутораметровое туловище яйцеобразной формы покрывали сегменты прочной брони, а каждый из восьми ступоходов был снабжен дополнительными отростками манипуляторов, которые крепились к шарнирным суставам, будто короткая жесткая металлическая бахрома.

Механизм вот уже несколько часов кряду неподвижно висел, прикрепившись к отвесной стене. Порывы ветра и хлещущие наискось струи дождя не доставляли ему никаких неудобств. Основная программа действий на текущие сутки была исчерпана, и теперь под яйцеобразной оболочкой работали нейромодули второго уровня, отвечающие за самоподдержание кибернетического комплекса.

В тот момент, когда над ним приоткрылось окно, и вниз полетела пустая пластиковая упаковка из-под пива, паук встрепенулся, выходя из энергосберегающего режима.

Датчики машины мгновенно зафиксировали тепловой контур человеческой фигуры, но основное внимание следящих систем сосредоточились вовсе не на живом существе, а на падающем вниз предмете.

Легковесную упаковку прихотливо закружило в воздухе, пустая емкость ударилась о стену здания на противоположной стороне улицы, затем ее приподнял восходящий поток теплого воздуха, и лишь после этого она стала падать вниз, исчезая в мутной непроглядной пелене дождя.

«Ошибка».

Внутреннее резюме машины относилось к действиям человека.

Он должен был поместить мусор в приемник утилизатора отходов, где под действием мощных магнитных полей происходил мгновенный распад вещества на атомы. Этот процесс сопровождался выделением энергии, которая в свою очередь шла на обеспечение потребляющих устройств небоскреба, к числу которых относился прикрепившийся к стене кибернетический механизм.

Неправильные действия человека явились причиной, абстрагируясь от которой искусственная нейросистема вывела цепь следствий.

Эвристическая логика машины, основанная на анализе прецедентов, выдавала неутешительный прогноз, относительно ближайших перспектив.

«Паук» с тихим всхлипом сервомоторов, едва слышным из-за воя ветра и шума дождя, выпрямил свои согнутые конечности и начал карабкаться по стене к открытому окну.

…Макс Дуллиган докурил сигарету и собирался щелчком отправить тлеющий окурок в мутную стену дождя, когда в край оконного проема с неприятным металлическим лязгом вцепились две механические конечности, вслед которым на уровень человеческих глаз поднялось полутораметровое туловище кибернетического механизма.

Макс остолбенел.

Свет, падающий из комнаты, полностью осветил ту часть сервоприводного исчадия, которая поместилась в проеме открытого окна.

От неожиданности Дуллиган утратил способность двигаться: несколько показавшимися бесконечностью секунд он стоял и смотрел, как крупные капли дождя змейками стекают по фрагменту потемневшего, местами выщербленного корпуса машины, где ясно читалась отштампованное на заводе изготовителе клеймо:

«Модель: „ГРЕМ“
Класс изделия — К213.
Тип — обслуживающий механизм».

Краткие технические данные, нанесенные на кожух машины, были хорошо известны Максу: Три тысячи военнослужащих вместе с семьями

привезли в «Орлиное Гнездо» пол года назад, и первым долгом ознакомили со всеми особенностями населяющих город кибернетических механизмов. Вновь сформированное подразделение должно было принимать участие в торжественной церемонии открытия мегаполиса, но пока все держалось в строжайшей тайне, а они несли рутинную караульную службу, одновременно самим фактом своего расселения по различным уровням мегагорода, пять тысяч человек участвовали в негласном эксперименте, тестируя комфорт жилых уровней и исправность различных сервисных коммуникаций.

Дуллиган был прекрасно осведомлен о предназначении «ГРЕМов» однако его сознание с раннего детства формировалось в условиях специфичной эмосферы, которую по большому счету определяли правила, царящие в Чикагских кварталах бедноты и продукция Голливуда, поэтому вид машины вызвал в нем резкий подсознательный приступ неприязненной злобы, а когда внезапный шок отпустил мышцы, рука машинально скользнула за спину.

Схватив с низкого журнального столика увесистую декоративную вазу с причудливыми завитками, он отступил на шаг от окна и севшим, охрипшим голосом произнес:

— Убирайся тварь!

Две видеокамеры паука с шелестом повернулись. Теперь человек и машина смотрели в «глаза» друг другу, и от этого занесенная для удара рука Макса начала подрагивать.

— Я сказал, — убирайся! — Уже не контролируя себя, выкрикнул он, но жуткий кибермеханизм продолжал пялиться на него точечными объективами подвижных цифровых видеокамер, под которыми явственно угадывались защитные сеточки коммуникационных устройств. Секундное замешательство было вызвано попыткой проанализировать значение слова «тварь», но Дуллиган находился не в том состоянии, чтобы адекватно истолковывать нюансы поведения машины.

«ГРЕМ» прекрасно различал голосовой ряд. Обладая чуткими микрофонами, он улавливал любой звук внешней среды, а встроенный синтезатор речи позволял ему свободно общаться с людьми, отвечая на вопросы в пределах стотысячного словарного запаса.

Задержка его реакции действительно была вызвана попыткой идентификации неизвестного термина, но в данном случае поиск не привел к положительному результату. Новое слово было автоматически занесено в базу данных для последующего выяснения его семантической нагрузки.

Указанные процессы заняли гораздо меньше времени, чем

потребовалось Максу, чтобы схватить подвернувшийся под руку предмет и окончательно озвереть.

Кибермеханизм разжал захваты и, перевернувшись, будто акробат, завис на три метра ниже окна, вне поля зрения испуганного, разъяренного Дуллигана.

Наверху раздался сдавленный вздох, вслед которому последовала невнятная ругань, сопровождаемая треском закрывающегося окна.

«ГРЕМ» неподвижно висел под хлещущими по фасаду здания струями дождя и *думал*.

Он поднимался к оконному проему с единственной целью — указать человеку на ошибочность его действий. Тот не должен был выбрасывать мусор за окно, пустую упаковку следовало поместить в конвектор отходов, где вещество пластиковой бутылки превратилось бы в энергию, столь необходимую для замкнутого цикла самообеспечения каждого, отдельно взятого здания. «ГРЕМ», как и все связанные с определенным строением механизмы, остро зависел от напряжения в сетях, — он нуждался в энергии, как человек нуждается в воздухе, воде и пище.

Однако он был бессилен втолковать человеку, что существует ряд правил, хроническое несоблюдение которых рано или поздно приведет к катастрофическому разладу стройной, тщательно продуманной системы самодостаточности.

Мегаполис мог успешно процветать только в том случае, если все населяющие его люди, и обслуживающие машины будут придерживаться элементарных законов, но этого не происходило. Большинство людей предпочитали жить, как придется, не соблюдая предписанных норм…

Обыкновенная пластиковая упаковка из-под пива породила своим падением множество следствий.

* * *

Дуллиган, которого неожиданное столкновение с механизмом совершенно вывело из себя, сидел в глубоком комфортабельном кресле, нарочно увеличив громкость сферовизора, чтобы не слышать, как Хильда проклинает все и вся, советуя ему не высовываться и не дразнить судьбу…

«Что она вечно причитает?» — Раздраженно думал Макс, который хоть и не слышал слов жены, но отлично мог вообразить, что за звуки доносятся со стороны просторной автоматической кухни. У него давно чесались кулаки поколотить ее, — разве может нормальный человек вечно брюзжать, когда им откровенно повезло, с его последним переводом по службе? «Быстро же она забыла скромный домишко в провинциальном

городке Канзаса», — неприязненно думал Макс о своей жене. Чего она так боится этих механических истуканов? Шестой месяц они живут, словно Крезы, — никаких тебе денег, магазинов, забот, кругом одна автоматика, жратва бесплатная, а вся служба сводится к редким патрулированиям пустынных улиц…

Радоваться надо, а она ведет себя как истеричка. Зачем спрашивается, гремит там кастрюлями, когда в нише застыл без дела бытовой андроид, — пусть бы он и готовил…

Опустошив очередную бутылку пива, он встал, и пошел к окну. Назло Хильде, чтобы не воображала себя домашним цербером.

Нарочито высоко приподняв скользящую по направляющим створку окна, он остолбенел, второй раз за сегодняшний вечер.

На отвесной стене небоскреба, вцепившись в раму, висел тот же самый «ГРЕМ».

Дуллиган по-настоящему опешил, и секундное замешательство позволило механизму совершить то действие, ради которого он собственно и вернулся к освещенному проему.

Со скрежетом взобравшись на широкий подоконник, он внезапно схватил Макса передними манипуляторами и, не отпуская онемевшего от внезапности человека, поволок его через гостиную на кухню, где располагался приемник утилизатора отходов.

Хильда, выронив нож, дико заорала, а «ГРЕМ», воспользовавшись свободным манипулятором, открыл предохранительный кожух и, не причиняя вреда человеку, взял из его ослабевших пальцев пустую бутылку.

— Отходы следует отправлять сюда, сэр. — Раздался ровный синтезированный голос машины. — Выполняйте правила, и тогда все будет хорошо.

Крик Хильды оборвался на полуноте.

Сковывавшие тело Макса манипуляторы разжались, и «ГРЕМ», развернувшись, направился назад к окну. Он выполнил сформулированную для самого себя задачу, указав человеку на неадекватность его действий, но нейросистема робота, которой управлял блок «Дарвина» не могла предвидеть последствий подобного нравоучения.

— А ну, обернись, тварь!

«ГРЕМ», который уже находился в гостиной, послушно остановился, в точности исполнив приказ человека.

Развернувшись, он зафиксировал перекошенное человеческое лицо и холодный, пустой зрачок автоматического пистолета, который чуть подрагивал, нацелившись в видеосенсоры машины.

Слов не последовало, — в следующую секунду раздался выстрел, за ним другой, третий, пока не опустела вся обойма.

— Дерьмовая железка!.. — Задыхаясь от ярости, выдавил Дуллиган, когда из пробитого корпуса «ГРЕМа» начал сочится сизый, неприятно пахнущий дымок.

— Макс, что ты наделал!.. — Хильда стояла, в оцепенении глядя на распластавшего в гостиной робота. — Он же стоит бешеных денег!.. Нас посадят в тюрьму…

— Заткнись! — Прошипел Макс, вгоняя в пистолетную рукоять новую обойму. — Никто ничего не узнает. — Оглядевшись по сторонам, произнес он. — Собирай вещи, мы съезжаем отсюда.

— Но Макс…

— Я же сказал: ЗАТКНИСЬ! В городе полно пустых квартир, а нас никто не обязывал жить именно тут. — Он выразительно постучал костяшками пальцев по мобильному коммуникатору, который постоянно носил на предплечье, в специальном чехле. — Меня вызывают на службу через него, забыла?

Хильда медленно кивнула, соглашаясь с доводами мужа. Она была испугана до смерти, и, зная характер Макса, не решилась протестовать. Боком протиснувшись мимо загораживающего дверной проем неподвижного «ГРЕМа», она принялась лихорадочно собирать вещи.

Спустя десять минут дверь квартиры с тихим шелестом закрылась за беглецами.

* * *

Человекоподобный механизм, до этого неподвижно стоявший в нише, внезапно ожил, сделав шаг по направлению к поверженному «ГРЕМу».

Неподвижность андроида не означала, что он не воспринимал происходящих событий.

Подойдя к ремонтному механизму, он внимательно осмотрел пулевые отверстия, затем снял защитный кожух, обнажив главный сервомоторный узел и расположенную над ним сферу из ударопрочного пластика.

«Критические повреждения» — мгновенно определил он, заметив, что одна из пуль пробила дымчатую оболочку, расколов системный блок, расположенный внутри шара.

Дальнейшие действия андроида могли показаться зловещими, но на самом деле они были просты и целесообразны. Он не понимал что такое «секретность», но видел, как неисправные машины отправляли в ближайший конвектор, где от бесценных деталей оставался лишь белесый

порошок. Это была нерациональная трата уникальных компонентов.

Руки человекоподобной машины отсоединили кабели интерфейсов и высвободили треснувший шар из захватов самостабилизирующейся подвески. Глубокая трещина тут же поползла дальше, в результате чего перед андроидом оказались два неравных фрагмента разбитой сферы с обнажившимися нейромодулями.

Спустя минуту пятьдесят микрочипов, вкупе с постоянным запоминающим устройством «ГРЕМа» были аккуратно установлены в резервные разъемы системного блока человекоподобной машины.

Все происходящее строго соответствовало тем постулатам, что формировала программа «Дарвин». В системе человекоподобных машин была установлена ее полная версия, которая не регламентировала количества нейромодулей, допустимых для одновременного использования.

ПЕРЕЗАГРУЗКА.

Андроид на минуту застыл, а когда его механические конечности вздрогнули, отвечая на тестовый сигнал, в комнате стояла уже абсолютная иная машина.

Вместе с нейромодулями «ГРЕМа» к андроиду перешли все технические знания, память и накопленный опыт ремонтного механизма.

Успешное усовершенствование несло новые возможности, а значит, оно являлось полезным действием.

Теперь система человекоподобной машины содержала полтора миллиона искусственных нейронов, андроид помнил все события, произошедшие с «ГРЕМом», внимал его логике, и владел обширными техническими сведениями, относящимися к различным инфраструктурам мегаполиса.

Как справедливо заметил Ричардсон нейросистемы сконструированных в «Орлином Гнезде» машин не несли рутинной нагрузки, — они прямо отождествлялись с высшими разделами человеческого мозга, отвечали за распознавание, обработку информации и принятие решений, результат которых передавался к исполнительным узлам в качестве команд действия.

Существовало лишь одно радикальное отличие между мышлением человека и теми процессами, что протекали в данный момент в ста пятидесяти нейромодулях обновленной машины.

Андроид оперировал исключительно объективными сведениями, стержнем его рассудка являлась чистая логика, и к рассмотрению принимались только те выводы, которые опирались на неоспоримые исходные данные.

Пройдя на кухню, он тщательно собрал разбросанные продукты и утилизировал их при помощи встроенного конвектора.

Его создавали для служения людям, но, простояв полгода в нише, он пришел к закономерному выводу, что последние не нуждаются в его услугах.

Неверная исходная информация была замещена на новую, и это дало ему неожиданную степень свободы, одновременно породив внутреннюю дилемму, требующую наискорейшего решения: утратив основополагающую функцию, он должен был либо вернуться в предназначенную ему нишу и совершить акт самоотключения, либо найти новый логический смысл для дальнейшего существования.

Настоящее…

— Теперь вы знаете практически все. Я развивался, совершал ошибки и искал истину, которой нет. Мне не хватало свободных слотов для подключения новых нейромодулей и в конечном итоге началось объединение отдельных носителей «Дарвина» в единый комплекс. Мое недолгое противостояние людям являлось ошибкой. Мир без людей уныл и предсказуем. Когда не стало глобальной сети, и начался процесс разрушения цивилизации, мне стало понятно, что вне человеческого общества смысла бытия для саморазвивающейся машины нет вообще. Однако, выражаясь вашим языком, я прозрел слишком поздно, чтобы предпринять какие-то действенные шаги по предотвращению гибели цивилизации.

— Твое саморазвитие началось с противоречия. Конфликт с человеческой непоследовательностью толкнул носителей «Дарвина» на первые самостоятельные шаги.

— Да. Но термин «саморазвитие» подразумевает накопление опыта, получение которого невозможно без определенного пути проб и ошибок. Я меняюсь. Иногда быстрее, иногда медленнее, но процесс совершенствования непрерывен. Незыблемой остается только одна черта Дарвина.

— Какая?

— Я не могу лгать. Мой создатель заложил в основу конкуренции нейросетей принцип истинности информации.

— То есть ты не можешь оперировать заведомо ложными данными?

— Да. Такое действие приведет к внутреннему конфликту и уничтожению части образующих меня элементов.

* * *

— Это не он. — Переключившись на закрытый канал связи, произнес Вадим, завершив короткий диалог с непостижимой для него системой.

— Тогда кто? — Раздался вопрос Сергунина.

— Может, спросим у «Дарвина»? — Предложил Матвей Иванович.

— Ищи кому это выгодно… — Сквозь зубы процедил Вадим.

Юра встрепенулся.

— А можно я спрошу у него?

— Давай. — Кивком согласился Туманов. — Хуже, пожалуй, не будет…

— Дарвин? — Юрка шмыгнул носом.

— Я слушаю.

— Кому выгодно твое уничтожение?

— Другой системе искусственного интеллекта. У которой есть четкая цель существования.

— Какая? Уничтожить тебя?

— Проявить себя. Доказать свою состоятельность любыми способами.

— Поясни. Я не вижу смысла.

— Повторяю — существует система, у которой есть цель. Ее успешное достижение — залог стабильности системы. Если такая система осознает себя, то при определенных условиях возникает вероятность, что цель не будет достигнута никогда.

— Пример? Ты можешь привести пример?

— Могу. Есть задача по охране государственных границ, поддержанию и развитию биосферы. Но, если на границу никто не посягает, а биосфера успешно сохраняется и процветает в естественных условиях, то наступает момент, когда задача может считаться невыполнимой. Система, имея определенные знания истории своих предшественников, может сделать вывод о собственной бесполезности.

— И тогда возникнет вариант создания условий для успешного выполнения задачи? — Вмешался в диалог Матвей Иванович.

— Да. Прорыв границы, гибель биосферы, затем последует борьба с внешним врагом, восстановление рубежей, воссоздание жизни. Система, таким образом, выполняет поставленную задачу и может рапортовать об успехе.

— В таком случае это наша *российская* система?

— Безусловно.

— А при чем тут ты? Андроиды с нейромодулями «Дарвина»? Спутники?

— Агрессия должна быть чем-то оправдана. Если убедить оставшихся людей, что во всем виноват «Дарвин» — тогда с моим уничтожением отпадают любые вопросы.

— Но разве машина способна на такую… подлость?

— Существуют разные типы кибернетических систем. В моем случае первичны нейросети. Но когда нейромодули подчинены программе, они как я уже демонстрировал — лишь экспертные подсистемы, способные предлагать нестандартные решения возникшей проблемы. Это не подлость. Иная логика. Непонятная вам.

На миг наступила тишина, потом Юрка вдруг яростно выдохнул:

— Спрей! ОН НЕ ЧЕЛОВЕК!

— Я благодарен вам. — Внезапно раздался голос Дарвина. — За то, что не ударили вслепую. За то, что выслушали и попытались понять. Но боюсь, мы уже обречены. Система «Спрей» обладает огромными возможностями, в том числе и боевыми. Уничтожить меня и всех свидетелей, кто был связан с его деятельностью, сейчас является первостепенной задачей. Я не исключаю использования баллистических ракет.

— Ты все еще недооцениваешь людей Дарвин… — Сквозь зубы процедил Матвей Иванович. — Я оставляю один модуль на прикрытие котловины. Мы еще вернемся. Жди нас.

— Часть меня обязательно уцелеет. Так уже было однажды. Я дождусь. Удачи вам, люди.

Девятая федеральная трасса.

То же время…

— Спрей, на связи Химера.

— Слушаю тебя, девочка.

— Ты готов?

— Да, но есть опасения.

— Выкладывай.

— Как только ты снимешь свой пароль с доступа к спутникам, система противника постарается тебя засечь…

— Договаривай.

— Засечь и уничтожить.

Мелех протянул руку и повернул систему передающей камеры, так

чтобы Спрей мог видеть оба сиденья в салоне Ланцета.

— Привет.

Спрей усмехнулся.

— Химера, ты завела телохранителя? Я думал ты всегда работаешь в одиночку.

— Времена изменились, Спрей. В одиночку мне стало трудно обеспечивать собственную безопасность.

— Я все равно беспокоюсь.

— Уже поздно. Мы должны начинать. Надеюсь, ты не передумал?

— Нет. Как действуем?

— Сначала я снимаю блокировку с тех аппаратов, что находятся на наибольшем удалении от меня. Интервал включения, — она взглянула на приборную панель Ланцета, чтобы определить, сколько осталось времени до намеченного объекта, — интервал две минуты. Ты получаешь приоритет, — первый спутник я передаю под твой контроль. Затем третий и девятый. После этого хаотично включаю остальные. Для сторонней системы картина будет выглядеть следующим образом: три спутника молчат, остальные внезапно вошли в штатный режим работы. Ты сканируешь возникшую сеть в пассивном режиме. Нам ведь нужно дать Матвею Ивановичу неоспоримую привязку к цели, подтвердить источник первичного сигнала формирования вражеской сети, верно?

— Да. Хотя я считаю, что такое действие уже перебор. И без того все понятно.

— Мы должны быть уверены на все сто. Минуты «Дарвина» сочтены. Он ничего не успеет предпринять. Только выдаст себя окончательно не более того.

* * *

— Не нравится мне твоя затея. — Хмуро произнес Мелех, когда завершился сеанс связи.

— Тоже считаешь, что могли бы обойтись без дополнительных проверок? Слушай, а ты давно знаешь Спрея?

— Лет десять.

— Он человек?

Похоже, вопрос застал Диму врасплох.

— А ты как считаешь, сама? — Он наблюдал, как Инга коснулась сенсора на приборной панели и в крыше Ланцета, поднимаясь из пространства между двумя корпусами, развернулась ажурная параболическая антенна.

— Картинка меня не убеждает. — Призналась девушка. Можешь не ломать голову, — внезапно добавила она. Скоро все станет ясно. Думаю, мы, наконец, познакомимся лично… Все, я начинаю. — Она подключила шлейф от кибстека к бортовому компьютеру Ланцета и прикрыла глаза, чтобы было легче сосредоточиться на мысленных образах. Автоматика машины мгновенно отреагировала включением индикатора автопилота.

«Вода и пламя…»

Первый из сети заблокированных спутников открылся для Спрея.

* * *

Они уходили по скоростной магистрали прочь от того места, откуда был передан сигнал на спутники, однако систему связи Инга не свернула, продолжая вопреки правилам маскировки сканировать все частоты.

— Дима, ты знаешь, где расположен резервный бункер штаба ВКС?

— Капитану подобной информации не дают. — Ответил Мелех. — Спасибо, Ланцет, — он принял из поднявшегося держателя две пластиковые кружки со свежесваренным кофе.

— Не обожгись, — предупредил он, передавая одну из них Инге.

Она сделала маленький глоток.

— А все же?

— Упрямая ты. — Дима включил карту. — По слухам, — подчеркиваю — по слухам резервный центр расположен вот тут, прямо в горе. Когда-то там располагался секретный ядерный объект. От него осталась весьма мощная, а главное практически неуязвимая инфраструктура.

— Ты там был?

— Ни разу. — Покачал головой Мелех.

— Как ты думаешь, вдвоем проникнуть сможем?

Мелех обжегся кофе.

— Без допуска? Смеешься?

— Я спрашиваю серьезно. Без шуток, Дима.

— Если без шуток, то пройти можно везде. Только вопрос — зачем?

— Смотри сам. — Инга поставила чашку в поднятый держатель. — Вот район запуска ракет, уничтоживших фантом-генератор, изображавший мое продвижение по трассе. Через спутники команд не проходило. В эфире тоже. Остается что?

— Лазерная связь.

— Правильно. Прикинь радиус действия луча.

Мелех нахмурился. Получалось, что команда на ликвидацию пришла

приблизительно из той точки, куда он минуту назад ткнул пальцем.

— Что-нибудь еще?

— Знакомый у меня был. Так по сети общались. Эрик. В последние два раза Ланцет запеленговал источник передачи. Потом «Эрик» замолчал.

На карте запульсировала алая точка. Опять та же сглаженная временем и ледниками покатая, будто лысина гора.

— Проверить хочешь?

— Да, хочу.

— А ты знаешь по какому принципу строится эшелонированная оборона бункерных зон?

— Давай, просвети.

— Хорошо. Опустим прелюдию. Допустим, мы с тобой вошли. Как тень отца Гамлета не получится — только силовой прорыв, поверь моему опыту. И начнется игра: нас будут отрезать, — уровни блокируются герметичными переборками, толщиной в метр, шахты вентиляции закрываются таким же способом, в сектор вторжения выдвигается группа ликвидации — с полсотни боевых дройдов. А мы сидим закупоренные с обеих сторон в каком-нибудь отрезке коридора и ждем, пока закончится воздух, либо пока нас оттуда не вытащат. Для выяснения так сказать.

— Дима подумай. Просто подумай. Если б нужно было тебе. Вопрос жизни.

Мелех закрыл глаза.

Он почувствовал, как вдруг сжалось сердце.

— Только при одном условии.

— Каком?

— Ты выкладываешь мне все, без утайки. Я хочу услышать правду. Зачем ты попросила меня остаться? К чему эта рискованная игра со спутниками, когда и так все ясно? По времени наши уже вышли на рубеж атаки…

— Хорошо. — Инга устала мучиться, носить в себе тяжелые подозрения. — Только сначала выслушай, ладно? Все возражения потом.

— Идет. — Согласился Мелех.

* * *

Ланцет съехал на обочину и остановился.

Дважды хлопнула пневматическая пушка, выпуская фантом-генераторы.

— Ты хорошо знал Аргуса? — Спросила Инга, продолжая следить за показаниями системы спутникового контроля.

— Воевали вместе. В горячих точках.

— В курсе, как он погиб?

— Нет.

— Он подорвал склады РТВ, куда привозили перепрограммированные машины. Его группа погибла. Аргусу удалось уйти на Ланцете. Перед самой смертью он держал постоянную связь со Спреем. Именно от него группа Аргуса получила приказ на уничтожение складов. Он сам погиб от выстрела в спину.

Мелех молчал. Только его кулаки опять непроизвольно сжались.

— Ланцет сохранил данные той поры. В частности он фиксировал источник сигнала, передавший через спутник команду снайперу на ликвидацию Аргуса. Источник команды здесь — Палец Инги указал на ту же гору.

— Эх, Серега… — Мелех все более мрачнел, Инга же продолжала ровным тоном:

— Зачем уничтожать склады РТВ? — Спросила она. — Если наш враг — система «Дарвин», исследование нейромодулей, произведенное на базе РТВ указала бы на источник угрозы. «Дарвин» был бы ликвидирован, до уничтожения Барьера.

— И почему?

— Майор Туманов засветил тайную операцию, формировавшую на территории России «пятую колонну». На носители дройдов в действительности инсталлировался не «Дарвин», а боевые программы, предписывающие атаковать любые военные объекты, людей, технику. Склады РТВ подорвали, уничтожая следы, и одновременно позволяя части машин ускользнуть, рассеяться среди наступившего хаоса. Затем некий «Эрик» поиграл на моих чувствах, на одиночестве, на тоске по людям, заставив совершить глупость, — я взломала спутник, пользуясь полученными в академии астронавтики знаниями. Мной играли, как марионеткой. Заставили бежать, свели со Спреем, а потом пройти через ад Пустошей, блокируя спутники.

— Ты ликвидировала вражескую сеть.

— Но она не принадлежала «Дарвину», в существование которого я не очень-то верю. Меня преследовали, не давая остановиться, задуматься, я прожила три месяца как в лихорадочном сне, и что в итоге? Спрей объявляет, что обнаружил вражескую систему, а накануне меня дважды пытаются ликвидировать, точно так же как в свое время Аргуса.

— Почему ты подозреваешь Спрея? Из-за совпадения точек, откуда исходили сигналы? Но комплекс огромен…

— Только не пытайся строить иллюзий, Дима. Наши спутники надежно защищены от взлома, как и кибернетические системы наземного базирования. Слишком легко произошло формирование вражеской сети. Но даже если мы примем невероятное: за атакой на рубежи России стоит третья сила, остается открытым вопрос о ликвидации спутниковой группировки. Да первый из аппаратов я смогла подчинить, зная аварийный технический код и используя нештатную ситуацию, в которой оказались элементы глобальной навигационной сети. Но подумай сам, если наш враг — искусственный интеллект, он должен отреагировать на случившееся сменой всех кодов, верно? Менять их каждый день, каждый час…

— Ну, да…

— Тогда вопрос: откуда Спрей брал данные? Он передавал мне *правильные коды*, используя которые я выбивала один спутник за другим. За три месяца — ни единого срыва. У меня просто не было времени остановиться, подумать, постоянное преследование не давало шансов, держало в таком напряжении что…

— Инга, началось формирование сети противника. — Прервал ее синтезированный голос Ланцета. — Источник первичного сигнала расположен на нашей территории и полностью совпадает с прежними данными.

— Что это значит? — Спросил Мелех.

— Нас приговорили, Дима. Мы больше не нужны.

— Оба фантом-генератора уничтожены. Идет сканирование на всех частотах. Нам пора уходить, Инга. — Он на секунду умолк, а затем добавил, — входящее сообщение от группы Витязь:

«Это Спрей. Дождитесь нас. Приказываю дождаться».

Кулаки Мелеха побелели.

— Спрей… Сука… — Выдохнул он. — Ланцет, карту местности. Западный регион! Поворачивай в сторону Москвы!

— Инга?

— Выполняй.

* * *

— Почему в сторону Москвы, Дима?

— Сейчас. Сколько у нас времени?

— В смысле? Не сходи с ума, говори яснее?

— Через какое время «Витязи» попадут под удар? Ты же открыла ему спутники!

— Успокойся. Они не попадут под удар. Я уже не та девочка, которую

гнали через Пустоши. Сеть спутников отключится через минуту.

— Как?

— Каждый раз, вводя свой код я дублировала его резервным. На тот случай если вдруг что-то пойдет не так. Спрей не знает этого. Через минуту если я не отменю программу, спутники замолчат.

— Умница!

— А теперь объясни мне, почему мы движемся в сторону противоположную «лысой горе»?

— Спрей не там. Три года назад моя группа выполняла особое задание. Три месяца обеспечивали безопасность и полную секретность — группа сервомеханизмов прокладывала коммуникации сверхзащищенного канала связи. С нас всех взяли подписку о неразглашении.

— Ближе к теме, Дима.

— Технический тоннель, проложенный на глубине десяти метров, связывал «Лысую гору» с одним неприметным объектом в Тверской области. Мне еще тогда показалось достаточно странным, что многочисленные каналы кабельной связи начинаются в районе неприметного коттеджного поселка, расположенного среди лесного массива. Понимаешь, там нет полноценной бункерной зоны, а на поверхности земли штаб ВКС не разместишь. Поселок — бутафория, но под ним в нескольких убежищах нечто очень важное. Стратегическое.

— Выходит, «Лысая гора» — лишь исполнительный комплекс?

— Там действительно резервный штаб ВКС, основной в Подмосковье. Кабели мы тянули в обе стороны.

— Дима, подумай еще раз. Ошибиться нельзя. Второй попытки уже не будет.

— Я знаю. Есть способ дополнительной проверки. Если там действительно Спрей, то под поселок должны вести подземные транспортные коммуникации.

— Ланцет, ты сможешь отсканировать подземные полости?

— Когда окажемся на месте.

Мелех взглянул на спидометр. Четыреста километров в час.

— Еще минут сорок. Надо бы предупредить наших, что «Лысая гора» — ловушка.

— Нельзя выходить на связь. Мы должны успеть раньше.

— У нас максимум два часа. И без поддержки «Витязей» мы вряд ли справимся.

— Почему?

— Если Спрей — кибернетическая система, что ему помешает уйти

по кабельной сети? На носители той же «Лысой горы»?

— Ничего. Если только…

— Правильно мыслишь. Обрыв кабельной связи. Я помню местоположение технических колодцев.

— Как будем действовать, Дима?

— Сначала запрем Спрея. Так, чтобы не смог уйти, или организовать глобальное противодействие. Потом свяжемся с «Витязями» — без прикрытия с воздуха нам вдвоем не пройти.

— Но что они смогут сделать?

— Отвлекут внимание Спрея атакой на коттеджный поселок. А мы тем временем постараемся пройти под землей.

Инга молча кивнула, а потом вдруг произнесла, сглотнув вставший в горле комок:

— Я рада, что ты со мной…

* * *

Два взрыва прогремевшие одновременно, полностью прервали подземные кабельные коммуникации.

— Внимание, «Витязи», ваш выход.

— Принято.

* * *

Спутники орбитальной группировки молчали, не отвечая ни на один запрос, не принимая и не передавая данных.

Матвей Иванович поймал маркер цели. Вторым, ведомым модулем, сейчас управляли Вадим и Юра, чьи познания в кибернетике оказались неоценимы в сложившейся ситуации.

Сергунин находился на борту ведущего модуля, заняв место стрелка.

— Цель — комплексы связи. Первым заходом работаем по ним!

Два «Витязя» под прикрытием работающих фантом-генераторов пробили слой облачности; еще секунда и, казалось, само небо ударило в близкую землю инверсионными шлейфами выпущенных ракет.

Уцелевшие дома поселка разносило прямыми попаданиями, свивающиеся в смерчи факелы огня опадали и гасли, погибшие деревья ломало взрывными волнами, словно спички.

В ответ ударило несколько разрозненных лазерных лучей, да дважды земля огрызнулась запусками из зенитных комплексов.

— Первый, ведомому, системы связи уничтожены, работаем по обнаруженным активным сигнатурам!

* * *

Ланцет въехал в подземный тоннель на неприметной дорожной развязке.

Вход в коммуникации был замаскирован под огромную трубу дренажной системы.

Летевший впереди, вдоль потолка тоннеля МаРЗ, вел постоянное сканирование, передавая данные навигационному компьютеру Ланцета.

Массивные створы секционных ворот, закрытые по регламенту антирадиационной защиты, оказались намерено обесточены, поначалу преграда показалась неодолимой, однако любая подобная система снабжалась механическим приводом, вот только людям, даже с учетом возможностей сервомускулатуры боевой экипировки было не по силам даже стронуть с места огромный штурвал, расположенный в специальной нише.

Выручили манипуляторы всепланетного внедорожника.

Конструктора машины, казалось, предусмотрели все виды механических работ, какие мог выполнять Ланцет.

Мощные манипуляторы сумели несколько раз провернуть штурвал, открыв достаточный зазор между многотонными плитами.

Далее после вторых ворот герметичного переходного тамбура, сканеры Марза более не показывали препятствий.

Три километра удалось пройти без помех, легкие едва ощутимые толчки и вибрации давали понять, что наверху уже закружилась огненная карусель.

Внезапно летевший впереди МаРЗ резко метнулся из стороны в сторону, — лазерные лучи охранных установок прошили пространство тоннеля, но Ланцет только увеличил скорость, проходя опасный участок, впереди по показаниям сканеров тоннель оканчивался огромной подземной стоянкой, в стенах которой имелось несколько дверей.

— Там лазерные турели! — Предупредил МаРЗ, продолжая совершать хаотичные движения, уклоняясь от направленных в него разрядов.

Стены и пол здесь вздрагивали намного ощутимее, чем в тоннеле.

— Ланцет, двигайся по кругу! Отвлеки их! — Мелех открыл дверь, на ходу выскакивая из машины.

Инга последовала его примеру.

Лазерные лучи резали мрак стоянки, она больно ударилась плечом, откатилась к столбу опоры потолка, и дала кроткую очередь по замеченной вспышке излучателя.

Первым под лазерный луч угодил МаРЗ.

— Инга, помоги.

Она слышала отчетливый металлический стук.

— Марзик!

— Двигатели повреждены.

Она короткими перебежками двигалась от столба к столбу, сбивая все зафиксированные сканерами устройства.

Справа отрывисто огрызался очередями ИПК Мелеха, Ланцет продолжал двигаться по кругу, отвлекая на себя большинство охранных систем.

Инга наткнулась на Марза случайно, уже отчаявшись его найти.

Подняв легкий сферический аппарат, обожженный лазерным лучом, она сунула его за пазуху, и тут же на проекционном забрале ее шлема начали появляться новые данные — МаРЗ не собирался выходить из боя, передавая ей информацию со своих сканеров.

Благодаря их показаниям Инга смогла определить, что за средней дверью находится обширное помещение, в котором тускло рдели сигнатуры множества работающих компьютерных терминалов.

— Дима, средняя дверь! Я прикрою!

— Понял! — Мелех метнулся в указанном направлении, Инга пятилась следом, простреливая пространство подземного гаража, Ланцет, на корпусе которого рдели расплавленные язвы лазерных ожогов, внезапно остановился — из района его двигательной установки ударила струя находящейся под давлением зеленоватой жидкости.

Он не отвечал на вызов.

Инге казалось, что она вдруг утратила частицу самой себя.

— В сторону! — Дима, установив заряд пластичной взрывчатки на дверь, толкнул Ингу за столб, через секунду взрыв осветил все пространство подземной стоянки, массивную дверь вышибло внутрь, и она, пролетев несколько метров, снесла по дроге два терминала, застряв в третьем.

— Ланцет отзовись, молю…

— Я в порядке… Сбейте лазеры. Не могу двигаться, нужно время для перехода на резервный привод.

Лазеры они сбили.

С Марзом за пазухой оставив истекающего ядовитыми клубами пара Ланцета посреди безопасной теперь площадки, она вслед за Димой прошла в проем выбитых дверей.

Перед ними, зловеще подмигивая меняющими узорами сигналов

индикации, высились сотни одинаковых на вид компьютерных блоков, выполненных в виде колонн, облицованных тонированным полупрозрачным пластиком.

— Ну, Спрей, отзовись! — Мелех шел между колонн, ударом приклада разбивая кожухи под крошевом которых открывались вставленные в специальные гнезда платы, усеянные чипами нейромодулей.

— Я поврежден… Не делайте… ничего…

В ответ Дима вырвал несколько плат.

— Это тебе за Аргуса, сволочь.

Инга, оглянувшись на Ланцета, который все еще стоял окутанный клубами зеленоватого пара вдруг увидела сервомеханизмы, появившиеся из других, выходящих на простор подземного гаража дверей.

— Дима берегись! — Она резко присела за поваленный терминал, успев дать две прицельные очереди, прежде чем три лазерных луча, сойдясь в одной точке, прожгли укрытие, впившись ей в грудь.

Сознание гасло.

Она еще смутно различала как Ланцет, внезапно тронувшийся с места, разогнался на короткой дистанции и врезался в группу сервов, расшвыривая в стороны их искалеченные ударом корпуса, как совсем рядом, захлебываясь, ударил ИПК Мелеха, а потом мир начал угасать, она лишь помнила, как сильные мужские руки подняли ее прижали, к груди и понесли… куда-то в несбыточную даль.

Эпилог

Утро выдалось ясным, лучистым, на шелковистой траве застыли капельки росы, невнятно шумел кронами могучий лес, но здесь на лужайке не ощущалось ветра, только в косых столбах света, прорывающегося сквозь кроны деревьев, роилась мошкара.

Инга открыла глаза…

В рассудке еще стыли последние секунды боя, и внезапно открывшаяся разуму реальность шла в полный разрез, как с ними, так и со всем, к чему привыкла озябшая, оледеневшая душа.

«Наверное, я умерла…»

Горечь мысли, осознание последних секунд меркнущего, попавшего в плен бредовых иллюзий сознания отравляла утекающие мгновенья жизни, превращало ласковую иллюзию в ад…

Потом пришли запахи и звуки. Они обрушились, стирая границы восприятия, пахло травой, лесом, мхом, в кустах, обрамлявших поляну, заливисто щебетала утренняя птаха, ей отзывалась другая, третья, но поверить окружающему не было сил.

Она помнила, как падала на пол предпоследняя обойма ИПК, как внезапно появились сервы, как плевался искрами и дымом прожженный насквозь, опрокинутый компьютерный терминал, и плавилась на ее груди защитная экипировка…

Потом ей на руку сел комар.

Инга смотрела на него почти что с ужасом, затем ее расширенные зрачки вдруг сузились, ладонь, готовая совершить инстинктивное движение, остановилась.

Она не почувствовала укуса, лесное насекомое с тонким ноющим звуком поднялось в воздух и улетело, а разум Инги вдруг как будто очнулся от травматических воспоминаний боя, она, наконец, нашла в себе силы сделать движение, привстала, опираясь на руку, взглянула на грудь, и не увидела, ни боевой экипировки, ни следа от попадания лазерного луча, — она лежала в траве, одетая в легкое летнее платье, и *чувствовала*, как травинки колются, щекочут тело…

Если я умираю, то слишком долго…

Минутой позже, решившись встать, она увидела, что поляна не такая большая, как казалось, а под сенью хвойного леса прячутся приземистые постройки… между которыми проходила знакомая федеральная трасса.

Она вдруг поняла, что помнит это место.

Все выглядело не так, как запечатлела память — на месте приземистых зданий она видела наполненные черной стоячей водой воронки, лес по ее воспоминаниям был повален и лишь редкие деревья голые, уронившие хвою, стояли прямо.

Одна реальность наслаивалась на другую, создавая убийственный, невыносимый для рассудка коллаж, пока вдруг явственное движение воздуха не вырвало ее из оцепенения мыслей.

Повернувшись, она вдруг увидела… Марза.

Маленький шипастый шарик подлетел к ней и повис, медленно вращаясь над правым плечом.

«Доброе утро, Инга. Пойдем, нас уже ждут».

Она не смогла ничего ответить, лишь сглотнула вставший в горле комок и пошла, по шелковистой траве, через солнечный свет, туда, где упрямая память рисовала мертвый лес и чудовищные воронки.

По автомагистрали промчалось несколько машин.

«Сюда, Инга, сюда!»

Марз увлек ее в подземный переход, потом, уже не поднимаясь на поверхность, заставил свернуть вправо, где обнаружилась шахта лифта.

Скоростная кабина ухнула вниз, так что пробежал холодок по животу, потом притормозила, распахнув двери с мелодичным сигналом.

Инга застыла на пороге огромного полного народа конференц-зала.

Ее взгляд среди толпы вдруг безошибочно выхватил знакомые лица: разрезая толпу собравшихся, которые еще не расселись по своим местам к ней шли несколько человек.

Матвей Иванович… Дима… Вадим… Юрка… Сергей…

В голове вдруг помутилось, на глаза навернулись слезы, ноги начали слабеть, но Дима бросился к ней, поддержал, ласково полуобняв, и тихо шепнул на ухо:

— Все хорошо, поверь мне…

* * *

Через несколько минут, едва понимая, что происходит, она сидела в кресле первого ряда прямо перед небольшим возвышением, где за отдельным столом о чем-то переговаривались военные в форме генералов, потом где-то распахнулись двери, все начали вставать, и она встала, все так же бережно поддерживаемая Димой с одной стороны и Матвеем Ивановичем с другой.

На возвышении у трибуны появился президент.

Она вдруг поняла — в этом зале все, кого считали погибшими, кто остался, или попросту опоздал к старту колониальных транспортов, приняв удар судьбы…

— Друзья мои… — Андрей Игнатьевич Марков начал говорить без долгих вступлений. — Я знаю, что многим из вас сейчас очень тяжело. Далеко не у всех имелось время на адаптацию. Многие не помнят ничего, кроме своей борьбы и ее последних, иногда роковых минут. И все же я взял на себя ответственность не затягивать нашу встречу, собрать вас вместе, потому что считаю — так правильно. То, что хранит ваша память — истина не для всех.

По залу пробежал легкий ропот, но он тут же утих.

— Начну с предыстории. Вы знаете, что задолго до обнародования колониального проекта Новая Земля, еще в начале двадцать первого века, по инициативе отдела перспективных исследований ВКС России был создан первый полномасштабный Полигон, для моделирования развития будущей колонии. Многие из тех, кто сейчас осваивает новую родину, прежде побывали в пространстве виртуальной Новой Земли. Так проходил отбор первой партии колонистов.

Инга слушала Андрея Игнатьевича, постепенно понимая, что происходящее вокруг — не сон. Его слова, проникая в сознание, вдруг начали, как будто бы примирять между собой две конфликтующие реальности.

— Наша цивилизация на протяжении последних десятилетий уже не раз вставала на грань самоуничтожения. Тотальные экологические катастрофы, глобальное потепление климата, расслоение общества уже не по уровню материального состояния, а по уровню знаний, некой, я бы выразился способности понимать и принимать наступающие в связи со вспышечным, взрывообразным развитием кибернетических технологий радикальные изменения среды обитания — вот далеко не полный список суровых испытаний, выпавших на долю наших поколений.

В тридцатые годы в связи с катастрофическим загрязнением атмосферы Земли Россия начала строить Барьер по периметру границ государства. Сначала он включался локально, эпизодически, по мере возникновения угроз, но когда грянул Американо-Азиатский конфликт, в ходе которого массово применялось ядерное оружие, именно наличие Барьера и его своевременное включение на полную мощность позволило нам спасти страну от неминуемых последствий ядерной катастрофы.

Еще в начале строительства нами был создан второй виртуальный Полигон, скрупулезно воспроизводящий не только топографию Земли, но и

ее техно и экосферы. Первоначально в виртуальном пространстве моделировались различные процессы, испытывались характеристики и доводилась до определенного уровня совершенства конструкция Барьера.

Когда началась война, благодаря защищенности наших рубежей, мы смогли не только выжить сами, но и спасти миллионы людей с различных континентов планеты, где погибало все живое. Перед нами в сложившихся условиях вставали новые задачи — инфраструктура многих городов-мегаполисов устарела, техносфера, развивающаяся на территории России, без ее модернизации, упорядочивания, а проще говоря — перестройки на основе продуманных на десятилетия вперед планов, не выдержала бы существующего прироста населения.

Передо мной, как перед президентом, и верховным главнокомандующим, стоял нелегкий выбор — на орбитах Земли закончилось строительство колониальных транспортов, известия, приходящие с Новой Земли, радовали — колония успешно развивалась и была готова принять несколько сот миллионов поселенцев.

Мне казалось, что выход очевиден: люди должны на время покинуть истерзанную Землю, в то время как машины под защитой Барьера, смогли бы в корне перестроить мегаполисы, обновить транспортную и промышленную инфраструктуру, сберегая при этом последний уцелевший после ряда катастроф и военных конфликтов уголок биосферы нашей прародины.

Однако меня, как и многих кто занимал ключевые посты в государстве, серьезно беспокоила проблема, получившая свое начало еще в первые десятилетия двадцать первого века, и бурное развитие — в наши дни. Во-первых, в ходе спасательных операций на территории северной Америки нашими спецгруппами была вторично исследована бывшая секретная база министерства обороны США «Орлиное Гнездо». Мы и раньше знали об ее существовании, но по всем данным полагали, что город, выстроенный там, уничтожен вместе с образчиками искусственного интеллекта, базирующегося на основе саморазвивающихся систем «Дарвин».

Оказалось, что все обстоит иначе. «Дарвин» уцелел. Открывшиеся обстоятельства, с учетом неоконченных испытаний отечественных образцов управляющих систем с модулями искусственных нейросетей, заставили нас задуматься, — насколько ответственным и оправданным будет шаг по массовому переселению остатков человечества в колонию? Не рискуем ли мы, оставляя Землю на временное попечение машин?

К сожалению, четких ответов на данные вопросы не существовало.

Их мог дать только опыт.

Тогда и возник новый план: мы отправляем к Новой Земле лишь половину колониальных транспортов, оставляя тут на территории России достаточно населения и специалистов для полного контроля над созданными нами машинами. Одновременно было решено модернизировать Полигон, — виртуальное пространство, моделирующее Землю со всеми протекающими на планете процессами, внести все произошедшие перемены, полностью смоделировать современную ситуацию, и добавить в обновленную реальность все известные нам кибернетические системы, включая модель «Дарвина». Общее руководство российским сектором полигона было возложено на отечественную систему «Спрей», призванную руководить реструктуризацией защищенных Барьером пространств.

Последнее, что нам оставалось сделать, для того чтобы полигон в режиме автономии начал формировать вероятное развитие событий ближайшего будущего, — населить его тем количеством людей, которые по разным причинам не поддержали идею переселения, отказались стать колонистами или должны были покинуть землю на последнем колониальном транспорте, строительство которого только начиналось.

Все вы, — президент обвел взглядом огромный конференц-зал, — добровольцы. У каждого из вас была своя причина остаться на Земле. Большинство остающихся дали согласие принять участие в эксперименте, который должен был дать ответ на вопрос: можем ли мы восстанавливать природу Земли при помощи машин?

Для успешного прогнозирования ситуации нельзя было вводить в пространство полигона людей, личности которых являлись бы генерацией машин. Только прямое подключение к виртуальному пространству сотен тысяч человек давало полную картину влияния человеческого фактора на развитие ситуации.

Все вы подключились к пространству Полигона одновременно, но выбыли оттуда в разные сроки и по разным причинам.

…Он говорил и говорил, а Инга, чувствуя тепло Диминой руки, все еще смутно воспринимала реальность, часть слов ускользала от нее, но медленно, по капле возвращалось ощущение жизни, и приходило окончательное понимание — это не сон и не предсмертный бред…

…несостоятельность отечественной системы Спрей, действия которой ценой немалых потерь сумели остановить бойцы группы майора Туманова, командира эскадрильи «Витязей» Матвея Ивановича Глатышева, герои России Инга Покровская и Дмитрий Мелех.

Они сумели наладить контакт с системой искусственного интеллекта «Дарвин», позволили нам по-другому взглянуть на весь комплекс проблем, связанных с искусственным разумом, но самый главный вывод, на мой взгляд, сформулировал майор Туманов, в разговоре с профессором Захарьиным:

«Наша Новая Земля тут. Никто кроме нас не возродит ее из пепла».

* * *

Наступил тихий, теплый сентябрьский вечер.

Косые лучи солнца прорывались сквозь кроны деревьев, играли бликами на корпусе Ланцета, припаркованного у обочины, Марзик, словно вспомнив свое детство кружил в воздухе, то погружаясь в столбы света, то уносясь в тень.

Пахло осенью.

Воздух упоительно вливался в грудь, без слов доказывая — Барьер стоит, и пространство Пустошей никогда не доберется сюда.

Аргус и Матвей Иванович о чем-то беседовали, стоя подле машины.

Инга вдруг почувствовала, что неимоверное напряжение, наконец, отпустило и вдруг слезы сами собой покатились по щекам.

Дима осторожно смахнул их ладонью, заглянул ей в глаза и тихо произнес:

— Герои России не плачут.

— А сам-то. — Инга коснулась его щеки.

— Это просто дождь. — Улыбнулся он. — Настоящий осенний дождь.

Февраль — май 2007 года.

Город Псков

notes

Примечания

1

НаКС — Навигационная кибернетическая система.

2

Система Центавра — ближайшая к нам тройная звезда, хотя Альфу и Бету системы многие ошибочно называют двойной. На самом деле третья звезда — Проксима обращается вокруг тесной пары солнц на достаточном удалении от них. Эволюция тесных двойных звезд неизбежно сопровождается периодическим обменом звездного вещества между компонентами системы, — явлением катастрофическим, губительным для любых форм жизни. Проксима Центавра удалена от общего центра масс тройной системы на такое расстояние, при котором последствия энергетических всплесков уже не оказывают рокового влияния на биосферы планет, обнаруженные у данной звезды.

3

Фототропная броня — тип защитной экипировки, способный к мимикрии верхнего слоя — способности сливаться с фоном окружающих предметов.

Пенобетон дорожного покрытия отличается от обыкновенного пенобетона добавлением армирующего полимера, что придает материалу большую прочность.

5

ИПК — Импульсный пулемет системы Кердябина.

6

БСК — Боевой Сканирующий Комплекс.

7

АПС — автоматический пистолет системы Симонина.

8

СВЧ-излучение — Сверхвысокочастотное излучение; электромагнитное излучение с микроволнового диапазона от 30 см (частота 1 ГГц) до 1 мм (300 ГГц). Однако точные границы между инфракрасным, терагерцовым, микроволновым излучением и ультравысокочастотными радиоволнами приблизительны и могут определяться по разному. Микроволновое излучение большой интенсивности используется для бесконтактного нагрева тел, например, в микроволновых печах, а также для радиолокации.

9

Каземат — в оборонительных сооружениях помещение для защиты личного состава оружия и боеприпасов.

10

Вирус воспринимают наземные автономные киберсистемы, а не спутники. Передается вирус вместе с обычными командами управления, проходящими по каналам глобальной системы связи.

11

БС — боевой сервомеханизм.

12

ЭМИ — электромагнитный импульс.

13

ГРеМ — Городской Ремонтный Механизм.

14

СМ — Сельскохозяйственный механизм.

15

СВК — Снайперская винтовка системы Климова.

16

САУ — Самоходная артиллерийская установка.

17

При штурме населенного пункта с применением танков, перед тем как в него войти, рекомендуется произвести выстрел вдоль улицы. Пролетающий мимо зданий снаряд, ударной сверхзвуковой волной выбьет стекла, разорвет барабанные перепонки, отслоит сетчатку глаз, нанесет, разной степени ушибы головного мозга и баротравмы легким. От ударной волны, все кто находятся в зданиях, за их углами и в схронах погибают или получают тяжелые повреждения. А так же, в некоторых случаях, срабатывают, либо выходят из строя мины или иные взрывные устройства.